

The Wicked and The Damned

Annotation

На туманной планете-кладбище при загадочных обстоятельствах встречаются три человека с темным прошлым. В свое время каждый из них едва избежал ужасной смерти. Под звон погребальных колоколов и пение гимнов похоронных сервиторов они рассказывают свои истории спасения. Но какой истории можно верить? И какими бы пугающими ни были обстоятельства, самое страшное в этих историях - темные глубины человеческой души.

Джош Рейнольдс

Фил Келли

Дэвид Аннандейл

ГРЕШНЫЕ И ПРОКЛЯТЫЕ

Темный колокол звонит в бездне.

Его эхо разносится по холодным и суровым мирам, оплакивая судьбу человечества. Ужас вырвался на волю, и в каждой тени таятся гибельные создания ночи. Здесь нет ничего кроме зла. Инопланетные чудовища дрейфуют в кораблях, похожих на гробницы. Выжидающие. Терпеливые. Хищные. Пагубное колдовство творится в окутанных мраком лесах, призраки овладевают умами, охваченными страхом. От глубин пустоты космоса до пропитанной кровью земли, в бесконечной ночи рыщут дьявольские ужасы, готовые пожрать грешные души.

Оставьте надежду. Не полагайтесь на веру. Жертвы горят на кострах безумия, гниющие трупы ворочаются в оскверненных могилах. Демонические отродья с алчным оскалом глядят в глаза проклятых. И безучастно взирают Гибельные Боги.

Это время расплаты. Время, когда каждая смертная душа оставлена на милость тварей, таящихся во тьме. Это вечная ночь, царство чудовищ и демонов. Это Ужасы Молота Войны. Ничто не избегнет проклятия.

ТИШИНА

ЧАСТЬ 1

Планета называлась Тишина. Это был мир серых колонн и мрачных статуй, и теней, простиравшихся между ними. Среди этих теней бродили странные силуэты на тонких высоких ногах. Их позолоченные погребальные маски иногда поблескивали в тусклом свете ритуальных люменов. Шурша серыми саванами, они продолжали свой вечный труд.

Тишина была миром мертвых. Миром-кладбищем. Огромные вместилища для умерших тянулись высоко в бледные небеса и глубоко под землю. Величественные мавзолеи, упокоившие сотни – если не тысячи – благородных мертвецов, рядами стояли вдоль широких безмолвных бульваров. Общие могилы в узких переулках дали последний приют бесчисленным миллионам бедняков и нищих.

Как в жизни, так и в смерти.

Воздух мира-кладбища был холодным и сырым, насыщенным туманом и ароматом ладана. Он висел над улицами, скрывая зловоние разлагающейся плоти. Силуэты кибернетических херувимов скользили в тумане на потрепанных крыльях, их лица были похожи на золотые черепа. Сквозь тьму и безмолвие они несли дымящиеся кадила, распевая гимны тонкими металлическими голосами. Капли воды стекали по мозаичным окнам, выходящим на широкие улицы и проспекты вниз.

Мир был гробницей из камня и стекла. Он умер столетия назад, но никто этого не заметил. Единственными его обитателями были кибер-херувимы и похоронные сервиторы с их тонкими ногами и нечеловеческими телами, облаченными в саваны.

Как и все сервиторы, они, по сути, не жили, а лишь существовали. Они ходили, осматривая гробницы, заботясь, чтобы все было подобающим образом и на должном месте. Они исполняли свою работу в полной тишине, за исключением глухого звона погребальных колокольчиков, висевших на их телах. Останавливались они лишь затем, чтобы взглянуть, как немногочисленные пилигримы, посетившие Тишину, идут по мрачным полям надгробий и статуй.

Иногда, по каким-то своим причинам похоронные сервиторы следовали за этими пилигримами на некотором расстоянии. Словно проявляя любопытство к их намерениям. Или, возможно, в ожидании неизбежного.

Именно последнее занимало разум Эгина Валемара, когда он шел в одиночестве по улицам Тишины. Он был высоким и худым, его тень тянулась далеко за ним. Похоронные сервиторы наблюдали за ним, а он свою очередь следил за ними с настороженностью солдата. Борясь с холодом, он плотнее натянул воротник своей шинели. Шинель была черной, как и высокая комиссарская фуражка, которую он носил.

Валемар был зол. Он часто бывал зол. В данный момент он был зол потому, что он был на Тишине, а не со своим новым полком. Он был зол потому, что ему приказали прибыть сюда, хотя он не знал, кто и зачем. И он был зол потому, что у него болела голова.

Голова болела уже некоторое время. Непрерывная боль вспыхивала в его черепе. Иногда он настолько привыкал к боли, что забывал о ней. И тогда боль внезапной резкой вспышкой снова напоминала ему о себе. Боль вгрызалась в него, и было трудно думать о чем-то еще.

Он остановился и потер лоб, пытаясь облегчить боль, пульсировавшую в висках. Под давлением его пальцев она ослабела, но лишь ненадолго. Это были последствия стресса, связанного с его последним местом службы. Он вздохнул и опустил руки.

- Мне жаль, полковник, - прошептал он.

Он подумал, не поэтому ли ему было приказано прибыть на Тишину, хотя невозможно было предположить, кто мог бы приказать ему это. Он пытался выяснить, но Муниторум был непроницаемым лабиринтом бюрократии, и у Валемара не хватало терпения блуждать в нем. Лучше просто отправиться сюда, чем рисковать быть обвиненным в пренебрежении долгом. И в любом случае, если он был здесь, именно здесь он и должен был быть.

Он поднял взгляд. Вдоль проспекта стояли статуи забытых героев Империи, на их постаментах указывались их подвиги и дата смерти. Или, в некоторых случаях, предполагаемая дата смерти. Иногда было трудно сказать точно. Имперская бюрократия была медленной рекой. В конце концов, все, что плывет по ней, достигает моря, но в свое время.

Это была поговорка полковника.

Валемар нахмурился, раздраженный этой мыслью. Полковник мертв, и сентиментальность была убежищем труса.

Где-то поблизости зазвенели погребальные колокольчики. Валемар замер, внезапно напрягшись. Между статуями и могилами висел густой туман, почти полностью окутывавший улицу, по которой он шел. Он поспешил дальше, но колокольчики зазвенели снова. На этот раз ближе. Слева. Он остановился и повернулся, ему очень хотелось выхватить оружие. Внезапное чувство паранойи охватило его.

Возможно, это была ловушка. Возможно, это его враги заманили его сюда. И где лучше всего убить человека, как не на планете-кладбище? Он мрачно рассмеялся. Им повезет в этом не больше, чем в прошлый раз. Бог-Император защищает его. Валемар был уверен в этом больше, чем в чём-либо еще. Единственная определенность в этой зыбкой и изменчивой жизни.

Словно прочитав его мысли, колокольчики умолкли. Что бы это ни было, оно теперь удалялось от него. Он подождал немного, прежде чем направиться дальше. Он не знал в точности, куда он идет, но знал, что должен быть там вовремя.

За поворотом его ждал похоронный сервитор.

Оптические сенсоры его погребальной маски, сиявшие багровым светом, устремили взгляд на Валемара. Сервитор был выше него, и еще более тонким. Ноги его представляли собой коленчатые металлические секции, усеянные сенсорными нитями, похожими на волоски на лапах паука. Тело сервитора было скрыто истрепанным серым саваном, но Валемар видел, как что-то подергивается в его складках. Невидимые механизмы жужжали и щелкали, ощущался запах старого ладана, пропитавший грязную заскорузлую ткань.

Голова сервитора возвышалась на длинной шее, составленной из металлических позвоночных сегментов. Они слегка скрипели, когда сервитор повернулся к нему. Золотая

погребальная маска была выполнена в виде округлого лица улыбающегося херувима. Автоматон, слегка скрипнув, шагнул навстречу ему. Валемар не двинулся с места. За вездесущим ароматом ладана он чувствовал зловоние гниющего мяса. Он не доверял машинам – особенно машинам, облаченным в плоть. Его рука скользнула к кобуре с лазерным пистолетом на бедре. Взгляд красных глаз последовал за рукой, потом снова обратился на него.

- *Назовите себя*, - произнес похоронный сервитор певучим голосом, похожим на голос ребенка.

- Валемар. Комиссар Эгин Валемар. Меня здесь ждут.

Валемар на мгновение задумался, зачем он сказал это. Насколько ему было известно, никто его здесь не ждал. Никто живой, по крайней мере. Однако, это, казалось, возымело желаемый эффект. Сервитор утвердительно хмыкнул и отошел с его пути, скрывшись в тумане. Вскоре почти ничего не напоминало, что он здесь вообще был.

Валемар направился дальше. Головная боль стала утихать, когда он вышел на небольшую площадь, заполненную рядами катафалков. Вдалеке он видел и другие такие площади, усеивавшие ландшафт города-кладбища согласно некоей схеме, которую он пока не мог понять. Валемар всегда умел заметить схему, даже если не понимал ее значения.

На каждом из катафалков лежала укрытая саваном фигура. Валемар ощутил дрожь, проходя мимо их рядов, словно они в любое мгновение могли подняться и спросить, зачем он здесь. Он направился к центру площади. Туман по пути становился все менее густым. Валемар слышал голоса. Приглушенные. Неясные.

Он остановился и потянулся к оружию. Туман рассеялся, и он увидел двух человек, стоявших посреди площади. Они повернулись к нему. Валемар подошел к ним, держа руку на кобуре с пистолетом. Один из них был ниже среднего роста и темнокожим. Он был облачен в тяжелые одеяния миссионера Экклезиархии, и нервно переводил взгляд то на Валемара, то на свою спутницу. Она была невысокого роста и худощавого телосложения, но с резкими чертами лица и суровыми глазами, и одета в форму офицера Астра Милитарум. Она рассеяно дергала за края повязок, торчавших из-под ее рукавов.

Валемар остановился, не зная, стоит ли ей козырять, и решил ограничиться кивком. Она нахмурилась, но кивнула в ответ.

Миссионер протянул руку.

- Освик, - представился он. – Освик Маррикус. А это...

- Я сама могу представиться, священник, - сказала женщина, ее голос был резким и хриплым. – Полевой командир первого класса Лина Вендерсен. А вы?

Валемар не пожал руку Маррикуса. Священник, нахмурившись, убрал руку. Валемар сосредоточил внимание на офицере.

- Комиссар Валемар, - представился он. – Мне приказали прибыть сюда.

- Нам всем приказали прибыть сюда, комиссар, - сказала Вендерсен. – Хотя я не имею ни малейшего представления зачем.

Она озадаченно нахмурилась.

- Если уж на то пошло, я не знаю... - она замолчала и огляделась вокруг, словно в растерянности.

Маррикус кивнул.

- Вы не знаете, как здесь оказались. И я не знаю, - он выжидающе посмотрел на Валемара.

- Разумеется, я знаю, как оказался здесь, - сказал комиссар. Священник сразу ему не понравился, хотя он не мог сказать почему. Женщина, казалось, нервничала. Возможно, ей было что скрывать. Что-то, что, по ее мнению, лучше не знать комиссару.

- Мне было приказано прибыть, и я... - Валемар замялся. – Корабль, - сказал он наконец.

Но он не помнил. Он не помнил, как прибыл сюда. Он огляделся вокруг, словно в первый раз увидев окружающую местность. Как он оказался здесь?

- Что корабль? – спросил Маррикус.

- Я здесь не для того, чтобы меня допрашивали, - огрызнулся Валемар.

- Тогда зачем вы здесь? – спросила Вендерсен.

И снова Валемар замялся. Он думал, что знал, но сейчас он обнаружил, что не может вспомнить, зачем он здесь. Он встряхнул головой.

- Мои приказы вас не касаются, - резко ответил он.

Она ощетибилась, и, казалось, хотела что-то возразить, но Маррикус опередил ее.

- Зачем каждый из нас оказался здесь? – он смотрел то на нее, то на комиссара. – Вы помните, что вас пригласили сюда? – он взглянул на Валемара. Потом снова на Вендерсен. – А вы?

Священник оглянулся вокруг.

- Может быть, это уже не важно, - тихо сказал он. – Мы здесь, и пусть Бог-Император сохранит нас от вреда.

Вендерсен фыркнула.

Валемар гневно посмотрел на нее.

- Не богохульствуйте.

Он оглянулся на ближайшее из тел, укрытое саваном, и попытался разглядеть под тонкой тканью черты лица умершего. Они казались необъяснимо знакомыми.

Валемар потянулся к савану, чтобы отдернуть его, но остановился, услышав звон колокольчиков. Оглянувшись, он увидел на краю площади силуэт похоронного сервитора, внимательно наблюдавшего за ним. Взгляд светящихся красных глаз был устремлен на комиссара. Валемар медленно убрал руку.

Вендерсен покачала головой.

- Они не любят, когда тревожат мертвых, - сказала она. – Издают ужасный звук. Словно кто-то заживо сдирает шкуру с джиринкса.

- А еще они не позволяют нам уйти, - добавил Маррикус. – Я пытался. Они привели меня обратно сюда, - он потер руки, словно замерз. – Только Бог-Император знает почему.

Валемар увидел и других сервиторов, бродивших вдоль рядов катафалков, шепча бинарные молитвы. Что-то в них действовало ему на нервы. В голове снова начало стучать, он потер виски.

- У меня есть оружие, - сказал он.

- Не только у вас, – Вендерсен похлопала по стволу богато украшенного лазгана с примкнутым штыком.

- Может быть, нам стоит просто подождать, - сказал Маррикус. – Кто-нибудь в конце концов придет и скажет, зачем мы здесь.

- А если нет? – сказала Вендерсен.

- Почему мы? – спросил Валемар. Другие посмотрели на него. Он встретил их взгляды, ища в них признак чего-то неправильного. Чего-то, чего не должно быть. Но в их глазах не

было ничего, кроме той же растерянности, что испытывал он.

- Что? – не понял Маррикус.

- Почему мы? Почему здесь? – Валемар указал на катафалки. – У нас есть что-то общее?

Он облизал губы, внезапно ощутив приступ тревоги. Хотелось бежать прочь, хотя он не мог понять от чего.

- Что последнее вы помните? – спросил он.

- Что вы имеете в виду? – настороженно спросила Вендерсен.

- Никто из нас не помнит, зачем мы здесь, или как мы оказались в этом месте. Что из последнего вы помните?

Вендерсен подозрительно посмотрела на него.

- Сначала вы, комиссар.

- Да, пожалуй, это неплохая идея, - быстро произнес Маррикус, прежде чем Валемар успел ответить. – Мы расскажем каждый свою историю, и посмотрим, нет ли в них ответа.

Он взглянул на Валемара.

- Вы первый, комиссар. Пожалуйста.

Валемар покачал головой.

- Хорошо, - он посмотрел на ближайшее из мертвых тел. – Я помню...

Он улыбнулся.

- Я помню, что небо было в огне....

Джош Рейнольдс

ЗВЕРЬ В ТРАНШЕЯХ

Небо было в огне.

Сначала я думал, что в этом есть некая поэтичность. Мы были на войне – а когда мы не были на войне? – и мир горел под нашими ногами. Воздух был насыщен дымом, и жар давил на меня, словно рука Бога-Императора. В ушах у меня звенело, но я слышал, как мои люди вопят в траншеях. Они всегда вопили. Кричали и плакали. Мой полк, к большому сожалению, состоял по большей части из трусов и детей.

Феррокритовый настил погнулся подо мной, когда я вскочил на ноги, потянувшись к лазерному пистолету на бедре. Грязь – мы обычно называли ее «супом» по очевидным причинам – кипела под настилом от жара обстрела. Траншея вспучивалась и оплывала, принимая новую форму, пока я пытался пройти по ней в сторону ближайших воплей. Ее стены пузырились, вылезая наружу или проваливаясь внутрь. Феррокритовый настил трескался и разбивался. Иногда целые секции траншеи – и все, что в них было – исчезали в грязевом супе. Словно их никогда и не было.

Война была ненасытным зверем, и она жадно пожирала свою добычу. Целый полк мог погибнуть в одно мгновение, триумф превратиться в трагедию, победа в поражение. И укротить голод войны можно, лишь поддерживая дисциплину. Но дисциплина, как

феррокрит, может дать трещины и разбиться, и исчезнуть в грязи – если кто-то не позаботится о ней.

Солдаты суетились вокруг меня, но я едва замечал их – серые тени, их форма покрыта грязью и пеплом, респираторы придавали им одинаковый нечеловеческий облик. Я нечасто надевал свой респиратор, хотя мои легкие и нос горели от жара. Я хотел, чтобы солдаты видели меня. Видели мое лицо. Видели, что я не такой как они. Им необходимо было напоминать об этом. Мне самому было необходимо об этом помнить. Дисциплину следовало поддерживать на должном уровне.

Кашляя, я шагал по траншее, расталкивая солдат. Они не протестовали, или я просто не слышал их. Они видели мое лицо, видели высокую фуражку и черную шинель – хотя и запачканную грязью – и знали, кто я. Они знали, кто я есть и что это означает. И они успокаивались и возвращались на свои места. Как и положено хорошим солдатам.

Но где есть хорошие солдаты, там бывают и плохие. В каждом полку всегда найдутся плохие солдаты. Ленивые - и трусливые. Безнравственные – и безумные. Но Бог-Император видит их, и я видел их тоже. Всю свою жизнь я учился замечать их. Замечать, что храбрость солдата поколебалась, иногда, прежде чем сам солдат поймет это. И тогда – действовать.

Если трусость не остановить, она распространится, как зараза. И не только трусость. Распущенность, непочтительность... все это находит плодородную почву в душах солдат, если о них не заботиться. И если эти проявления не пресечь, они могут погубить полк. Сделать его небоеспособным и даже уничтожить.

Но не в тот день. Не тогда, когда небо горело от химического огня, и траншея вокруг меня превращалась в кипящий суп. Эти вопли плохо действовали на моральный дух. Это было плохо для полка. И я знал, что должен делать.

С лазерным пистолетом в руке я шел по траншее, ускорив шаг. Чем дольше продолжались вопли, тем хуже они действовали на людей. Еще один урок, который я выучил в Схоле Прогениум. Там меня научили многим полезным вещам. Каждую ночь я благодарю Бога-Императора за те времена, хотя они и были нелегкими.

Траншеи, по которым я шел, представляли собой неровные каньоны в грязи, укрепленные плитами феррокрита. В некоторых местах их дополняли сборные бункеры из камня и металла, утопавшие в грязи, полковых эмблем на них было почти не видно из-за грязи и повреждений. Кое-где были натянуты тяжелые сети для защиты от неблагоприятных погодных условий. Здесь они не помогали. Они вообще редко где помогали, но мы все равно устанавливали их, как положено по инструкции. Несмотря на грязь, мы выкопали траншеи предписанной глубины, установили орудия и разместили оборонительные сооружения.

Есть правильный образ действий и неправильный. Я знал это. Еще один урок, который я воспринял всем сердцем. Правильный – поступать так, как хочет Бог-Император. Неправильный – путь ереси, непочтительности и недисциплинированности.

На брустверах траншей стояли большие щиты из армапласта, солдаты укрывались за ними, стоя на перевернутых ящиках или феррокритовых плитах. Треск огня лазганов раскалывал воздух – солдаты изливали свою злость на невидимого врага. Так было всегда – во время обстрела или сразу после него они зря расходовали ценный заряд своих лазганов. Офицеры уже выбились из сил в попытках заставить их прекратить стрелять по призракам.

Странное слово. Призраки. Но, думаю, для наших врагов вполне подходящее. Они расстреливали нас издалека, лишь редко осмеливаясь приблизиться. Или может быть, редко снисходя до этого. Я не могу вспомнить ни дня без их обстрелов. Без этого проклятого шума.

Даже когда их орудия молчали, воздух был наполнен их эхом. От него невозможно было спастись даже во сне. Если бы не моя подготовка, вполне возможно, что от этого я бы сошел с ума.

Некоторые из моих подчиненных действительно сходили с ума. Непрерывные обстрелы разрушительно подтачивали их простые души, ломая разум и дух. И когда такое случалось, я должен был действовать быстро. Нельзя было позволять этой слабости распространиться.

Через несколько мгновений я достиг источника воплей, протолкнувшись сквозь серую толпу бездельников в респираторах.

- Назад, по местам! – прорычал я, расталкивая солдат. – Разошлись, назад!

Они что-то бормотали, их голоса были приглушены респираторами. Но они хорошо знали, что лучше не спорить. Спорить с комиссаром все равно что заснуть под танком – может и сойти с рук, но редко.

Разогнав глазающих солдат, я увидел того, кто кричал. Он был молодым, и сорвал свой респиратор, открыв молочно-белое лицо и синие глаза. Сначала я подумал, что он ранен. Его форма была запачкана грязью и пеплом, оружия при нем не было. Над ним склонился санитар, эмблема с кадуцеем на его наплечнике потускнела и почти стерлась. Кричавший, судя по всему, не был ранен. Я спрятал пистолет в кобуру.

- Почему он кричит?

Санитар посмотрел на меня выпученными глазами и что-то сказал, но его голос был плохо слышен из-под респиратора. Я еще не встречал санитаря, от которого была хоть какая-то польза. Оттолкнув его, я схватил кричавшего за шиворот. Он извивался в моей руке, словно червь, и лепетал что-то на шепелявом диалекте низкого готика, на котором говорила большая часть солдат полка. Я никогда не тратил время на попытки его выучить, и большинство из них в конце концов обучались говорить нормально.

- Встать! – приказал я, вздернув его на ноги. – Отвечай!

Его рука бессмысленно хлопала по стене траншеи, откуда из грязи, словно экскременты, выдавливались кости. Черепа, бедренные кости, расколотые грудные клетки... Отбросы поля боя. Трупы варились в грязи, если санитары не успевали убрать их. Кожа и мышцы разваривались, оставались только кости. Я остановился, глядя на это зрелище.

Иногда, когда кипящая грязь сильно сжимала траншеи, кости выступали на поверхность. Они сыпались со стен и скапливались на дне траншеи. Большая их часть снова тонула в грязи, но иногда они оставались. Я оттолкнул солдата и, выхватив из горячей грязи дымящийся череп, поднес к его лицу.

- Это? Ты кричишь из-за этого?

Я снова схватил его, прежде чем он успел отвернуться.

Он был трусом. Как и все они. Что толку от солдата, который не может смотреть в лицо смерти? Не больше, чем от пушки, которая не может стрелять.

Воздух дрожал от глухого грохота вражеской артиллерии. Траншея содрогалась и изгибалась, люди падали с ног или пытались держаться за феррохитовые плиты, удерживавшие волны грязи. Глаза за респираторами были полны страха. Ропот голосов становился громче. Оказавшись между смертью в грязи и воплями этого труса, они были на грани.

Дисциплину следует поддерживать. И поддерживать ее – мой долг.

Я схватил его за бронезилет и подтащил ближе.

- Замолчи! – приказал я. – Замолчи!

Но он не умолкал. Возможно, он уже не мог остановиться. Я не эксперт в области душевных болезней. Может быть, его разум был сломлен настолько, что мир вокруг него превратился в нечто столь бесконечно ужасное, что он не мог думать ни о чем другом, как вопить и вопить и вопить... Этот шум был как нож, буравящий череп. Наверное, даже хуже непрерывного грома вражеских пушек.

Я должен был заставить его замолчать. Ради блага полка. Ради дисциплины. Я подтащил его к обвалившейся стене траншеи и костям. Он пытался вырваться, колотя по моей руке. Слабые удары. Слабый разум. Слабое звено. Я отшвырнул череп и ткнул кричавшего лицом в грудь костей.

- Идиот, - прорычал я. – Мертвые не могут причинить тебе вред. Но я могу, если ты не прекратишь эти глупости.

Он дергался в моих руках и визжал. Санитар свалился и пытался подняться на ноги. Другие смотрели. Наблюдали. Я хотел, чтобы они это видели. Видели, что здесь нечего бояться. Кроме меня.

Его вопли изменились, превратившись в отчаянный детский плач. Слабый, как я и говорил. Возможно, слишком молодой для поля боя. Но Бог-Император выбрал его и привел его сюда. И наименьшее, что он мог сделать – проявить немного смелости. Это все, чего Бог-Император хочет от своих слуг. Смелость делать то, что необходимо, невзирая на цену. Я говорил это ему, говорил им всем, держа его здесь, лицом в грязи, и не обращая внимания на его попытки вырваться. Эту возможность преподать урок нельзя было упускать, даже посреди ужаса артиллерийского обстрела.

Он отчаянно пытался вырваться. Я толкал его глубже лицом в грязь, пока кости из стены траншеи не посыпались мне на руки и грудь. Его ботинок ударил меня по голени, а его руки тщетно вцепились в грязь по обеим сторонам от его головы. Он пытался держаться за стену траншеи, все еще вопя, хотя теперь его крики были едва слышны за грохотом орудий.

И внезапно он умолк. Это было так неожиданно, что я почти выпустил его. Но я его не выпустил. Я держал его еще мгновение, может быть, больше. Я хотел убедиться. Он должен был осознать преступление, которое он совершил. Трусость – сорняк в саду победы. Страх – порок слабых. А я не потерплю слабости в моем полку.

Когда я вытянул его обратно, стало ясно, что я переоценил его. Он был еще слабее, чем я думал. В этот момент я понял, что оказал ему услугу, и это разозлило меня. Слабость следует наказывать, а не поощрять.

Он мертвым грузом висел в моих руках, и я бросил его. Его тело рухнуло на дно траншеи и осталось лежать неподвижно. Синие глаза, широко раскрытые и пустые, смотрели в никуда. Ощувив на себе взгляды других солдат, я повернулся, глядя в их ошеломленные глаза.

- На что вы смотрите? – негромко спросил я.

Они ничего не сказали. Да они и не могли ничего сказать. Их жизни принадлежали мне. Я имел власть судить их и выносить приговор по своему усмотрению. И они знали это. Хотя знали они и то, что я не стану судить их несправедливо. Иные комиссары могли – маленькие тираны, прятавшиеся за властью Его. Но я не был таким. Десница Бога-Императора велела мне, и свет Его горел во мне.

Иногда я задумывался, видят ли они это. Способны ли они это видеть. Свет Императора, я имею в виду. Или их души были слишком примитивны, чтобы воспринять славу Его? Честно говоря, я часто задавал себе этот вопрос. Я – благословен среди верующих? Или эта

милость – общая судьба всего человечества, разделяемая всеми, осознают они это или нет?

Признаюсь, этот вопрос не дает мне покоя.

Но в тот момент я думал не о милости и не о свете. Я думал о мертвеце у моих ног, о том, как его глаза смотрели в небо, словно пытаюсь узреть звезды. Синие глаза. Ни у кого в полку не было синих глаз. Я знал это, потому что это моя работа – знать такие вещи. Когда большую часть дня, который длится 36 терранских часов, все носят респираторы, то учишься узнавать людей по глазам, по голосам и по движениям.

Я узнал его. Не по имени. Но его глаза... они изменились? В таких условиях иногда встречались и мутации. Еще один признак слабости. Его преступления усугублялись, даже в смерти. Или, возможно, в воздухе или грязи был какой-то яд, повлиявший на изменения, случившиеся с ним? Эта мысль вызвала у меня дрожь, и признаюсь, я посмотрел на свой респиратор, висевший на поясе, и выругал себя за глупую браваду.

И, наверное, только из-за этой секундной заминки я заметил медальон. Маленькую вещицу из золота. Она выбилась из-под его бронежилета и лежала на его неподвижной груди, потускневшая позолота была еле видна под грязью. Я потянулся и сорвал его с шеи мертвеца.

Медальон висел в моих пальцах, покачиваясь, и я увидел, что на нем есть замок. Возможно, что-то внутри. Какой-то секрет. Секреты и тайны – еще одна трещина в стене дисциплины. Солдатам не позволено иметь тайн. Их жизнь в идеале должна быть простой, чистой и прямой, как наточенный штык.

Еще одна слабость. Еще одно преступление. С каждым мгновением его смерть казалась все более оправданной, и я ощутил удовлетворение. Сам Бог-Император направил мою руку, как и много раз до этого.

- Убрать его, - приказал я. Пока я рассматривал медальон, санитар склонился над трупом. Несмотря ни на что, мне стало любопытно. Что было в медальоне? Картинка, письмо – или что-то еще? Я сжал медальон в кулаке.

- Чего ты ждешь? Я сказал, убрать его.

- Он мертв, - сказал санитар бесцветным голосом.

- Знаю. Я могу отличить мертвеца от живого, - я спрятал медальон в карман шинели. – Тем лучше. За контрабанду наказание такое же, как и за трусость – смертная казнь. Приговор приведен в исполнение.

Я оглянулся.

- Остальным – вернуться на боевые посты!

Санитар посмотрел на меня. Его взгляд был непроницаем. Бесстрастные карие глаза. Глаза солдата.

- Куда его девать?

Я посмотрел на мертвое тело.

- Брось его в «суп».

Конечно, кто-то разболтал. Они всегда болтают. Как всегда, дошло до полковника. И меня вызвали к нему.

Конечно, я пошел. Хотя формально комиссары вне цепи командования, на практике мы часть ее. Некоторые могут щеголять своей независимостью, но для меня дисциплина прежде всего. А не следуя правилам, закреплены они официально или нет, дисциплину поддерживать невозможно. Поэтому я подчинялся тем, кто обладал большей властью,

возложенной на них Богом-Императором.

Полковник был именно таким человеком. Это был старый и суровый ветеран, чем-то похожий на окаменевшие обломки костей, иногда всплывавшие из грязевого «супа», крепкого телосложения, что говорило и о твердости духа. Он щегольски носил свою форму, а лицо его являло собой массу шрамов и старинной кибернетики. Часть его челюсти и один глаз были металлическими. Механизмы глаза жужжали и щелкали, линзы двигались.

Я часто думал, каково это – видеть мир через такое устройство? Вещи виделись яснее, или напротив – еще более запутанно? Жаль, что я не спросил его, когда у меня была такая возможность.

- Мне сказали, что вы задушили парня, Валемар, - без предисловий заявил он, как только я вошел в командирский бункер. Прямо к делу – таков был полковник. Я знал его имя, но имена для гражданских. А воинские звания для того и существуют, чтобы напоминать солдатам об их месте в великом механизме войны.

- *Комиссар*, - поправил я его. Эта игра шла между нами с того дня, как меня назначили в этот полк. Он уже тогда был старым, а я еще молодым. Теперь я стал старше, но игра продолжалась.

Я огляделся вокруг. Никого кроме нас в бункере не было. Никого важного, я имею в виду. Только его адъютант – непримечательный маленький субъект, не представляющий особого интереса или важности. Еще одна серая тень среди полка серых теней.

Обычно полковника сопровождало целое стадо подчиненных – младшие офицеры и их адъютанты. И, конечно, адъютант полковника всегда суетился где-то позади – маленькая молчаливая тень. Они все были лишь тенями полковника, как солдаты полка были моими тенями. Их дисциплина и вера были всего лишь отражениями моей веры и моей дисциплины.

Вы думаете, это слишком высокомерно с моей стороны заявлять так? Уверяю вас, это правда. Как комиссар, я являюсь душой полка. Если поколеблется полк, это потому, что сначала поколебался я. Вот что значит быть комиссаром. Ты *и есть* полк. Когда страдает полк, страдаешь и ты. Когда полк преуспевает в своем деле, это потому, что преуспел в своем деле ты.

Люди – солдаты, я имею в виду – не понимают роли политического офицера. Они не видят во мне необходимости. Это потому, что они не обладали дальновидностью такого человека, как полковник. Полковник понимал меня. Он знал меня, и знал, что моя вера сильна. Поэтому он доверял мне. Нет, мы не были друзьями. Но мы доверяли друг другу.

Полковник прочистил горло, адъютант поднес ему кружку рекафа.

- Почему вы задушили его, комиссар?

- Он был трусом, мутантом и вором.

Последнее было всего лишь предположением. Я еще не успел рассмотреть медальон, но я думал, что весьма велика вероятность того, что этот негодяй его украл.

- И вы задушили его?

- Наглядный урок остальным.

Полковник рассмеялся. Его смех был резким и хриплым, похожим на карканье.

- Разве лазерный выстрел в голову не послужил бы той же цели?

Он склонил голову набок и пристально посмотрел на меня бионическим глазом, его линзы светились кроваво-красным.

- Или вы были особенно разгневаны его преступлениями?

Я ничего не сказал.

Он улыбнулся, словно я ответил.

- Вы воспринимаете это настолько... лично, Валемар? Словно их слабости и проступки – ваши.

- *Комиссар*, - сказал я.

- Комиссар, - поправился он. – Это уже который по счету? С тех пор, как мы прибыли сюда, я имею в виду.

Это не был настоящий вопрос, и я не видел причины отвечать на него. У полковника были и более важные дела, чем способ казни труса. Война тянулась уже многие месяцы. Даже годы. Трудно сказать точно, когда день и ночь сливаются в одно бесконечно серое ничто. Но такова была война здесь. Бог-Император повелел, и мы должны были повиноваться.

Когда полковник увидел, что я не собираюсь отвечать, он хмыкнул и отвернулся.

Снаружи я слышал грохот, ритмичный и пронзительный.

- Мощь их огня впечатляет, - сказал он, глядя на карты и пикт-снимки на стене, и постучал по карте. – Невозможно заставить замолчать их орудия, не преодолев открытое пространство ничейной земли. Невозможно преодолеть открытое пространство, не потеряв как минимум треть полка от огня их оборонительных сооружений. Невозможно прорвать их оборонительные сооружения без поддержки с воздуха. А поддержка с воздуха невозможна из-за их пушек. Настоящая ловушка, и мы в нее попались.

Он посмотрел на меня.

- Некоторые из моих офицеров не согласны с моей оценкой ситуации. А что думаете вы?

Я взглянул на карты без особого интереса. В отличие от некоторых, носивших черную фуражку и шинель, я знал свое место. Я не был строевым офицером и не пытался притворяться им. Мой долг – исполнять приказы, а не подсказывать их. У полковника были свои советники. Я был слушателем иного рода.

- Вы командир этого полка. Если вы считаете, что это ловушка, то это ловушка.

Он усмехнулся.

- Хороший ответ. Хотел бы я, чтобы у меня была сотня таких как вы, Валемар.

- *Комиссар*.

- Конечно. Комиссар. К сожалению, вы только один. Как и я.

В его голосе действительно явно слышалось сожаление. Мне это не понравилось. Инструкции на этот счет ясны. Сожаление ведет к сомнению, сомнение к страху, страх к предательству...

- Лишите несогласных их званий, - сказал я.

Он покачал головой.

- Вы видите простые решения там, где их нет.

Я не понял, что это значило, и решил оставить без внимания.

- Вы хотите, чтобы я расследовал?

- Нет. Это последнее, чего я хочу.

Он перешел к другой теме.

- Как солдаты? Как их настроение?

- В целом лояльны, - сказал я без промедления.

Он засмеялся. Я услышал подобострастное хихиканье позади и, обернувшись, увидел

адъютанта, переключавшего стопки документов. Адъютант попятился от моего взгляда. Я знал, что он боится меня, хотя не слишком думал об этом. Он имел основания бояться. Если я решу, что он заслуживает казни, его близость к полковнику не спасет его. Я подождал, пока адъютант прошмыгнет в другой конец бункера, после чего объяснил полковнику свой ответ.

- Моральный дух солдат пострадал, но еще в приемлемых параметрах. Разговоры о дезертирстве неизбежны, но я уже вычислил потенциальные векторы.

- Векторы... вы имеете в виду людей?

- Четверо мужчин, две женщины.

Полковник кивнул. Металлическая часть его челюсти дернулась, словно от нервного тика.

- И ваше решение?

Я пожал плечами.

- Пока – наблюдение.

- Я удивлен, что вы еще не казнили их.

- Нет смысла. И они еще не совершили преступления. Пока что, - моя рука скользнула к пистолету, и я похлопал по кобуре. Но они его совершат. И когда они его совершат, я покараю их в назидание другим.

- Надеюсь, не всех сразу, - он посмотрел на меня. - Только не снова.

В его голосе слышался едва заметный оттенок упрека. Это задело меня, ибо я никогда не превышал свои полномочия. Никогда. Я только исполнял свой долг. Солдаты знали это, и полковник тоже знал. Я всегда только исполнял свой долг, как повелел Бог-Император. Для этого я и жил.

- Это будет зависеть от них, - ответил я, не позволяя гневу проявиться в моих словах.

Полковник внимательно посмотрел на меня, его бионический глаз пощелкивал, линзы переключались в световом спектре. После этого он снова отвернулся.

- Вы свободны, комиссар.

Я козырнул и вышел, едва не споткнувшись о его адъютанта. Ногой я отпихнул идиота в сторону, не обращая внимания на его дурацкие протесты. Ему не следовало путаться под ногами и подслушивать, о чем говорят начальники. Адъютанты были неисправимыми сплетниками. Если бы убить их всех, это значительно улучшило бы моральное состояние полка. Я не сомневаюсь в этом и сейчас.

У бункера слонялись несколько солдат, и я сразу учуял в воздухе запах курительных наркотиков. Я посмотрел на них, сохраняя бесстрастное выражение лица.

- Разве вы не должны быть на своих постах?

Курение на посту было запрещено. Оно притупляло чувства и расслабляло людей. Кроме того, огонек сигареты делал курящих легкой целью вражеских снайперов.

Солдаты бросились в стороны, как испуганные птицы. Я охотился на птиц, когда был мальчишкой. До того, как Схола Прогениум сделала меня мужчиной. Я до сих пор помню, как бились их крошечные сердца, когда я держал их. Помню треск их хрупких костей, когда я сжимал руку и сворачивал им шею. У людей много общего с птицами. Маленькие, бесполезные жизни, существующие только для самих себя. Полк дал им – нам – цель существования. Смысл. И все же столь немногие из них были благодарны за это.

Они были слишком глупы, чтобы видеть свет Императора, как видел его я. Я уже говорил это, но могу и повторить. Они были тупыми скотами, а я – я был ангелом того

немногого хорошего, что было в их природе. Я направлял их, как Бог-Император направлял меня. Это мой долг, и я воистину рад этому.

Я направился обратно к своему бункеру. Начался дождь. Большие пепельные капли обрушились на растянутые над траншеями сети, забарабанили по крышам бункеров. Струи дождя потекли по моей фуражке, заливаясь за воротник и обжигая шею. Дождь был горячим, как и грязь, и когда он начинался, то шел ливнем. Я был вынужден укрыться в одном из временных убежищ, вырытых в стене траншеи. Как и все они, это была просто ниша, покрытая сетью или листами металла. Иногда солдаты расширяли и углубляли их, выкапывая новые дороги в темноте, и еще больше запутывая изгибы и повороты траншей. Это было запрещено, но мне еще никого не удалось поймать за этим. Отчасти я был этому почти рад.

Я стоял в сырой нише, слушая, как дождь стучит по листу металла над головой. По траншее медленно двигались смутные серые силуэты. Противник прекратил обстрел. Его артиллерия всегда прекращала огонь, когда начинался дождь. Я думал, что погодные условия, вероятно, как-то влияют на их системы наведения. Возможно, дождь был более токсичен для них, чем для нас. Есть много видов ксеносов, плохо выдерживающих условия, которые человек переносит достаточно легко. Война здесь подтвердила по крайней мере это. Наши орудия где-то в тылу не прекращали огонь.

Тусклые оранжевые вспышки сверкнули на бруствере траншеи. Прошли уже дни – вероятно, недели – с тех пор, как я последний раз осмеливался выглянуть за бруствер и посмотреть на опустошенную землю, лежавшую между нашими и вражескими позициями. Снайперы противника отлично умели маскироваться и часто подползали близко. Мы потеряли почти сотню человек, прежде чем выучили этот урок. Для защиты от снайперов служили щиты на брустверах. Но даже они не всегда спасали. Тела убитых, варившиеся в грязевом «супе» были наглядным тому подтверждением.

Что-то стукнуло по моему сапогу. Из стены убежища вывалился обломок кости, с него свисал проржавевший солдатский жетон. Он напомнил мне о медальоне в моем кармане, и я вытащил его. Медальон был маленьким и выполнен в незнакомом мне стиле. Он явно открывался, но я не мог найти замок. Проведя пальцами по круглой поверхности медальона, я снова подумал о его бывшем владельце. О его глазах, глядевших в никуда.

Ярко-синие глаза. Это было необычно.

Я все еще не мог вспомнить его имя. Это было неудивительно. Мои мысли продолжали возвращаться к его глазам. Они тревожили меня. Возможно, напоминали мне о чем-то еще.

Кто-то кашлянул. Я ощутил резкий запах курительных наркотиков и обернулся.

В убежище был кто-то еще. Сначала я его не заметил. Он присел в дальнем углу, поверх формы на нем был тяжелый брезентовый дождевик. Невозможно было определить, мужчина это или женщина. В полку служили те и другие. Со времени нашего прибытия сюда я привлек к ответственности многих солдат обоих полов по обвинению в незаконных связях.

Чтобы закурить наркотическую сигарету, он сдвинул свой респиратор со рта. Глаза под защитными линзами уставились на меня, и на мгновение я едва не рассмеялся над нелепостью ситуации.

- Почему не на посту? – спросил я, засунув медальон в карман. Я не знал, видел ли солдат, как я пытался открыть медальон, и не знал, почему меня беспокоило, что он мог это увидеть.

- Я на посту, комиссар, - ответил солдат. Голос был мужской. Солдат указал на

противоположную сторону траншеи. Там на стрелковой ступени лежал лазган. – Просто хотел укрыться от дождя.

Он говорил на низком готике с варварским акцентом, раздражавшим мой слух. Полк формировался в какой-то захолустной системе, в основном из жителей аграрных миров. Я подозревал, что это одна из причин, почему дисциплина в полку так плоха.

- Ты оставил свое оружие под дождем, - я посмотрел на него. – Наказание – двенадцать часов дежурства.

Дождь начал ослабевать, его стук утихал. Солдат медленно поднялся. Неохотно. Я знал таких. Лодырь и бездельник. Такой становится солдатом только в присутствии офицера или сержанта.

- Кроме того, курение на посту запрещено. Наказание – шесть часов дежурства.

- Я на посту уже восемнадцать часов, - тихо сказал он.

Он спорил со мной. Такое бывало, хотя последний раз нечто подобное случалось несколько недель назад. Неподчинение наказывалось смертью. Мое сердце забилося быстрее, во рту пересохло.

- Значит, ты уже привык к этому, - произнес я бесстрастным голосом. Я не хотел, чтобы меня потом обвинили в провокации, если здесь окажутся свидетели.

Эта мысль заставила меня оглянуться. И моя невнимательность едва не стоила мне жизни.

Я и сейчас не знаю, действовал он преднамеренно или под влиянием испуга. Когда кончился дождь, вражеская артиллерия возобновила огонь. Грохот орудий противника расколол воздух. Где-то в стороне участок траншеи обрушился, и что-то взорвалось. Вся линия траншей содрогнулась, и грязевой суп снова начал закипать под нашими ногами.

Убежище вдруг сжалось вокруг нас. Это было внезапно – быстрее, чем я когда-либо видел. В одно мгновение я еще смотрел на солдата, в следующую секунду мы столкнулись, и грязь вскипела вокруг нас. Лавина грязи ударила меня в спину, по голове и плечам. Я пошатнулся - и он был здесь, и что-то блеснуло в его руке.

Позже я думал, что, возможно, он в действительности пытался помочь мне. Но в то мгновение я действовал инстинктивно. Когда я почувствовал его тяжесть, моя рука скользнула к пистолету. Бурлящая грязь отшвырнула нас назад и стала бросать туда-сюда. Я пытался закричать, но тут же оказался с полным ртом мерзкой грязи.

Мы боролись во тьме. Кто-нибудь, возможно, предположил бы, что он просто пытался выбраться из грязи. Но я знал, что это не так. Не так уж часто солдат пытается убить комиссара. Такое преступление означает казнь или нечто худшее. Но такое случается. И со мной это случалось не один раз. Иногда они пытались убить меня от отчаяния, а иногда потому, что сходили с ума...

Но в этот раз... в этот раз было по-другому. В удушливой тьме его респиратор сорвался с лица. И я увидел его глаза. Синие. Ярко-синие. Как небо мира, который я едва помню. Как глаза человека, которого я казнил тогда утром.

И на мгновение это *был он*. Только на одно мгновение. И лишь когда я почувствовал, как острие его штыка запуталось в складках моей шинели, мое потрясение уступило место гневу.

Я слышал его сдавленные ругательства, похожие на рычание зверя. Локтем я ударил его по виску, пытаясь выиграть достаточно пространства, чтобы выхватить пистолет. Его штык прорезал мою шинель. Я схватил его за руку, и штык рассек мое запястье. Его колени

врезалось мне в живот, и я задохнулся. Он схватил меня за горло, и, тяжело дыша, издал яростное рычание.

Острые штыка пронзило мою щеку, и мои пальцы сомкнулись на его запястье. Я сдавил сильнее, и его рука судорожно разжалась. Штык выпал, и я метнулся за ним. Кипящая грязь пузырилась, обжигая мое лицо и шею. Он бросился на меня, пытаясь вцепиться мне в голову.

Я схватил штык, и, обернув, всадил во что-то мягкое. Нападавший издал тихий стон, его глаза испуганно расширились, и он осел в бурлящую грязь. Я вырвал штык и выбрался из обвалившегося убежища, успев выхватить из грязи свою фуражку.

Мое сердце бешено колотилось, и на мгновение я подумал, что оно разорвется. Привалившись к противоположной стене траншеи, я наблюдал, как тело нападавшего медленно погружается в грязевой суп. Его голова была покрыта слоем грязи, широко открытые глаза безучастно смотрели на меня.

Они вовсе не были синими.

Мне это привиделось под влиянием стресса? Я не знаю.

Я тяжело опустился на стрелковую ступень, держа в руках фуражку и штык, и смотрел, как труп исчезает в грязи, а с ним и все следы нашей борьбы. Я посмотрел на штык, заляпанный грязью и испачканный кровью. И тогда я услышал голоса. В траншеях раздались крики, санитары искали раненых. Я спрятал штык в шинель.

Траншею затянуло дымом, в нем двигались силуэты. Они пришли проверить состояние траншеи. Увидев меня, они остановились. Их было четверо, один из них санитар.

- Комиссар? – робко спросил он.

Я подумал, не тот ли это санитар, которого я видел утром.

Прежде чем ответить ему, я надел фуражку.

- Убежище обвалилось. Больше никто не выбрался.

Позже в своем бункере я рассмотрел медальон и штык. Трудно представить два более непохожих предмета. Что общего у одного с другим. На первый взгляд ничего. И все же между ними была связь.

Я не знал, какая именно. Пока не знал. Но это должно что-то значить. *Всё* что-то значит. Я усвоил это еще в детстве, и пока ничего из моего опыта не убеждало меня в обратном. Даже самые незначительные фразы что-то значат. «*Это последнее, чего я хочу*». Так сказал полковник. Но он не это имел в виду. Я знал его достаточно хорошо, чтобы понять это. Он был чем-то обеспокоен – и явно не противником. Чем-то другим.

Это означало, что и мне следовало обеспокоиться.

Мое жилище было утилитарным. Простой сборный бункер, установленный в укрепленном котловане ближе к тыловой части позиций. В стенах виднелись трещины и пятна там, где сквозь них просачивалась грязь. Моя постель была простой койкой, а рабочий стол сделан из пустого ящика, поставленного на два феррокритовых блока.

Я редко задерживался в моем жилище. Редко спал. Приходил туда, только когда это было необходимо. Мне не нравилось ощущение, которое испытываешь в таком месте. Слишком похоже на тюремную камеру – или склеп. Кроме того, всегда было очень много дел. Поддержание дисциплины. Наказания провинившихся. Принятие решений.

Что беспокоило полковника? Я сидел за столом, смотрел на штык и медальон, и думал. Пытался думать, по крайней мере. Я знал, что должен доложить о нападении на меня. Но я решил скрыть этот факт. Некий инстинкт подсказал мне поступить так, а я не из тех, кто

игнорирует такие озарения. Бог-Император говорит со всеми нами. Надо лишь внимательно слушать, чтобы понять мудрость Его.

Я знал, что Он говорит со мной. Так было всегда. И в тот момент Он предупреждал меня. Говорил мне, что происходит что-то, чего я пока не понимаю.

Я почувствовал себя странно одиноким. Я всегда был одинок – по природе я не склонен к компании других. И поэтому я мог эффективно исполнять свои обязанности. Но тогда я ощутил себя... изолированным. Одиноким в толпе. Словно я заблудился и оказался за линией фронта.

Я решил расследовать это дело. Если что-то действительно происходит, лучше быстрее выяснить, что именно. Полковник одобрил бы мою инициативу. Если проблема касается полка, то мой долг – разобраться с ней. Решив, что делать дальше, я почувствовал себя лучше. Неопределенность – трещина в стене веры. Нельзя сомневаться в пути впереди, не рискуя упасть.

Я встал из-за стола и подошел к моей койке. Под ней был спрятан ящик. Я достал его и открыл, как поступал я каждый день моей службы в этом полку. Рутинная – стража на стенах разума. Важно установить четкий порядок действий и следовать ему. Отклонения от порядка ведут к ошибкам, ошибки к неэффективности, неэффективность к поражению. На скользком склоне следует идти с осторожностью.

В ящике хранились предметы, которые я конфисковал у солдат за время службы в полку. Обычно эти незаконные предметы следовало передавать квартирмейстеру для уничтожения. Но у меня не доходили до этого руки. Всегда находились более важные дела, да и какое имело значение, где это все хранилось? Когда-то в ящике хранились боеприпасы, уже не помню для чего. А теперь в нем было то, что я привык считать моей коллекцией. Признаю, это глупая мысль. В любом случае, начал собирать эту коллекцию не я.

Ее собирал еще мой предшественник, а я обнаружил ее, когда приступил к исполнению обязанностей. Подозреваю, что он использовал эти предметы, чтобы вознаграждать своих фаворитов в полку. Он был уже стариком, а полк еще молодым. Его бдительность притупилась за долгое время слишком спокойной службы. Так сказал полковник. Поэтому он запросил назначение в полк нового комиссара. Более энергичного, который помог бы ему привести полк в должный вид.

Именно это я и делал. Я находил слабые звенья и удалял их, делая полк сильнее. Полковник одобрял мою работу. Он предоставил мне свободу действий, зная, что это необходимо. Он был мудрым человеком. Но одной мудрости часто недостаточно. Нужно обладать не только мудростью, но и волей. У меня была воля. И чтобы укрепить ее, я испытывал ее каждый день.

Коллекция помогала в этом. За годы службы в полку я увеличивал ее. Сначала не задумываясь об этом, но потом уже осмысленно. В ней были ювелирные украшения и запретные материалы для чтения. Неположенные предметы одежды, флажки со спиртным и наркотики. За те годы, что я провел с этим полком, коллекция сильно разрослась.

Моя коллекция служила для того, чтобы напоминать мне о многих соблазнах, угрожавших целостности полка. Соблазнах для тела, разума и души. Она напоминала мне, что я должен не терять бдительность. Оставаться настороже. В редкие моменты уединения я иногда рассматривал предметы один за другим, вспоминая мгновение казни их обладателей и чувство выполненного долга. Взгляд их глаз, когда мой лазерный пистолет гасил их жизни.

Я иногда думал, что, по крайней мере, некоторые из них в последние мгновения своей

жизни все понимали. Понимали, что у меня нет выбора, и я не испытываю удовольствия от их казни. Удовлетворение от выполненного долга, несомненно. Но не удовольствие. И у каждого из них я забирал что-то, так что я никогда не забывал цену жизни. Долг тяжким бременем ложится на честного человека, но он все равно несет это бремя.

Я добавил в коллекцию медальон и штык. Они казались подходящим дополнением.

После этого я закрыл ящик с коллекцией. Лишь несколько секунд в день я позволял себе взглянуть на нее. Просто, чтобы напоминать себе, что в ней было. Чтобы помнить. И после я задвинул ящик обратно.

Остаток дня я провел за бумажной работой, словно в награду себе. В отличие от иных моих коллег из Комиссариата, я любил бумажную работу. Стены Империи поддерживали не только феррокрит и лазганы. Числа и цифры, отчеты и анализы – все это было не менее важно для правильной работы военной машины. Могущественная бюрократия была несгибаемым хребтом Империи.

Но пока я просматривал документы, ставил подписи и печати, я вдруг обнаружил, что задумался над тем, есть ли у противника своя бюрократия, такая, как у нас? Я остановился, услышав, что вражеские пушки замолчали. На какое-то время противник прекратил обстрел. Но через несколько часов он возобновится. В это время мы могли бы атаковать. Использовать удачный момент, дарованный Богом-Императором, и вонзить сталь наших штыков в глотку врага. Но приказа наступать не было, и мы ждали. Ждали, пока вражеские пушки снова начнут обстрел, наши станут им отвечать, а мы опять окажемся между двух огней.

Если бы я был комиссаром иного рода, то мог бы побудить полковника перехватить инициативу и атаковать. Броситься в бой за славой – или за славной смертью. Но не в этом был мой долг.

Тем не менее, я иногда задумывался, почему командование не присылает нам новых приказов? О нас просто забыли? Или хуже...

Глупая мысль, но... бывало и такое. Если в каком-то донесении наш полк числился уничтоженным, то фактически мы были уничтожены. И ничто, никакие аргументы, не могло этого изменить. Признать ошибку было чем-то немыслимым. Департамент Муниторум не совершает ошибок. Военная машина Империи непогрешима. Это факт, нерушимый и неоспоримый.

Я отбросил эту мысль, как всегда. Если дело обстояло так, то оставалось только держаться и ждать, пока бумажный факт не станет реальностью. В конце концов вражеская артиллерия превратит нас в ничто, если сперва нас не поглотит грязевой суп. Тем временем я продолжу исполнять свой долг, а полковник, несомненно, будет исполнять свой.

Я закончил свою работу с документами к тому времени, как пушки снова завели свою песню. Я не мог заснуть, хотя и очень устал. Я не спал уже два дня. Не из-за шума – я привык к нему – а скорее из-за возбуждения. Не часто мне приходилось казнить двоих в один день. Мой пульс учащенно бился, и было трудно усидеть на месте. Хотелось выйти. И продолжить исполнять свой долг.

Я вышел из своего бункера, заперев его на замок. Не потому, что я думал, будто это кого-то остановит от проникновения внутрь. Но если я, вернувшись, обнаружу, что замок сломан, то буду знать, что кто-то сюда проник.

Такое было один раз, в самом начале моей службы в полку. Очевидно, проникнуть в жилище комиссара считалось чем-то вроде ритуала. По крайней мере, до моего прибытия.

Мой предшественник хранил под койкой запас амасека, и солдатам это было известно. Я вылил весь амасек в первый же час своего пребывания в полку. А ко второму часу я совершил свою первую казнь, когда какой-то дурак пробрался в бункер в поисках амасека. Я пристрелил его на месте. Больше никто не пытался влезть в мое жилище. Но я все равно всегда запираю его на замок.

Хотя небо уже потемнело, полк бодрствовал. Светящиеся люмены, потрескивая, свисали с навесов убежищ и сетей, отбрасывая причудливые тени на стены траншей. Солдаты – мужчины и женщины – сидели, хлебая холодную кашу из котелков, или стояли на постах, сохраняя бдительность и помня о коварном враге.

Грязевой суп в это время бурлил сильнее всего. Казалось, наступление темноты разжигало его ярость, и я чувствовал, как он кипит под ферроокритовыми плитами. Кое-где он уже поглощал их, и я видел, как солдаты отчаянно пытаются восстановить траншею. Один раз я видел, как солдата засосала грязь из стены траншеи. Он заснул на посту, и я не стал ему помогать, хотя это была более легкая смерть, чем он заслуживал.

Это воспоминание еще занимало мой разум, когда мою задумчивость прервал пронзительный вой вражеского снаряда. Я не поднял взгляд. Только дурак стал бы смотреть вверх. Я знал, что это значит, и мне не было необходимости видеть это. Я прижался к стене траншеи, понимая, что обстрел начался снова. Когда огонь накрыл линию траншей, грязь вскипела еще сильнее. Солдат подбрасывало в воздух, иногда целиком, но чаще кусками. Земля содрогнулась подо мной, и грязевой суп хлынул из трещин в ферроокрите, доходя мне до голеней.

Я выругался и забрался на стрелковую ступень, чтобы не затянуло в грязь. Новые взрывы сотрясали линию траншей. Я слышал, как ферроокритовые плиты трескаются и ломаются. Ближайшее убежище обрушилось, похоронив тех, кто в нем прятался. Другие бросились им на помощь, но увязли в кипящей грязи, как едва не увяз я. Стена рядом со мной треснула, и горячие потоки грязи залили мою шинель. Ее струи били меня, словно кулаками. Ферроокритовая плита покрывалась все новыми трещинами, и сквозь них лилась грязь. Даже стрелковая ступень начала тонуть.

Я упал в грязевой суп, жадно засосавший мои руки, когда я тщетно пытался удержаться. Его зловоние ударило в нос. Оно было похоже на смесь запахов дегтя, гниющего мяса и разлитого прометия. Меня затошнило, и я пожалел, что не надел респиратор. Я отчаянно пытался выбраться, но грязь все сильнее затягивала мои руки и ноги. Сквозь сапоги и перчатки я чувствовал ее жар, и понимал, что мне сильно повезет, если отделаюсь одними ожогами.

Слева от меня стена траншеи рухнула, едва не похоронив несколько солдат. Этот участок траншеи исчезнет в грязевом супе через несколько секунд. Я все же вырвался из объятий грязи и вздернул на ноги ближайшего солдата.

- Встать! - мне пришлось кричать, чтобы быть услышанным в грохоте орудий. – Забирай снаряжение и беги вдоль траншеи, быстро!

Я толкнул его в том направлении, куда следовало идти, и стал поднимать на ноги остальных.

- Пошли, пошли!

Сначала они двигались медленно. Некоторые зря тратили время, пытаясь помочь другим. Я не стал вмешиваться. Либо грязь поглотит их, либо нет. Если они выберутся, я накажу их.

Довольно странно – идти по траншее, которую заливают грязевой суп. Ее стены сжимаются, земля вокруг словно поднимается. Если поток грязи подхватит тебя, то тебе конец. Из стен сыплются кости и обломки феррокрита, на поверхность грязевого потока всплывают забытые предметы снаряжения.

Феррокритовые плиты рушились, и не один солдат, захваченный врасплох, был раздавлен насмерть. Я сам едва избежал подобной участи, когда подгонял солдат пинками, тычками и ругательствами. Они отупели от страха, словно животные, неспособные спастись от ножа мясника.

К тому времени, когда мы достигли стабильного участка земли, грязь доходила нам до бедер. Следующий участок линии траншей находился на небольшой возвышенности и избежал обрушения. Руки потянулись, чтобы подхватить нас, и я услышал крики офицеров и технопровидцев, заглушавшие испуганный ропот солдат. Я позволил втащить себя наверх, и лежал, тяжело дыша и наблюдая, как поток грязевого супа поднимается и льется, словно красно-коричневая река. В нем виднелись трупы, плывшие или запутавшиеся в обрывках сетей. Из лопающихся пузырей грязи поднимался ядовитый пар, и я отшатнулся, зажимая рот и нос. Этот участок траншей будет нестабильным еще несколько дней, если не дольше.

Выбившись из сил, я забрался в пустое убежище, и сидел там, ожидая, пока утихнет боль в конечностях и легких. Я задумался, уцелело ли мое жилище. Оно располагалось достаточно далеко от этого участка, но ничего нельзя было гарантировать. Как бы то ни было, я слишком устал, чтобы беспокоиться об этом.

Должно быть, я там заснул, хотя не знаю, сколько я проспал. В любом случае недолго.

Я не видел снов. Я вообще редко вижу сны. Сны для слабых духом и разумом. Вместо этого я вспоминал. Вспоминал события этого дня или предшествовавших ему дней, прокручивая их обратно на экране своего разума. Я изучал себя, замечая недостатки и достоинства. Иногда Бог-Император говорил со мной в этих воспоминаниях.

На этот раз Его утешающего голоса не было слышно. Только визг свиней.

Я ненавижу свиней. Моей первой обязанностью в Схоле Прогениум было кормить свиней и чистить их загоны. Снова и снова. Они никогда не прекращали жрать, гадить и совокупляться. Жирные, грязные, не поддающиеся обучению твари, всегда подкапывающие изгороди. Никакой дисциплины. Их невозможно обучить, невозможно дрессировать.

Они были живучи. Они сопровождали человека к звездам, как собаки и крысы. И как собакам и крысам, галактика им понравилась. Где были люди, там были и свиньи. Они ели, и их ели.

У меня до сих пор шрам на бедре, где кабан ранил меня клыком. Он подбросил меня в воздух и швырнул в грязь. Я вопил и истекал кровью. Помню, как голодные свиньи с алчным хрюканьем окружили меня. Грязные серые волосатые курганы, их глаза сквозь грязь смотрели на меня.

У каждой из них были ярко-синие глаза.

Только это было не правильно. Я проснулся, зная, что это было не так. У свиней не было синих глаз. У тех, что разводили в нашей Схоле вообще не было глаз, потому что их поколениями выращивали в подземных загонах. Эта мысль напугала меня так, что я проснулся и мгновение не мог вспомнить, где я нахожусь. Сердце страшно колотилось. Я не слышал грохота пушек.

Теперь я понимаю, что пушки стали для меня чем-то вроде ориентира. Чем-то неизменным в непрерывно изменяющемся мире. Сама линия траншей искажалась и

деформировалась, но грохот пушек был слышен почти всегда. Они стали определять границы моего мира. Пределы моего долга.

Когда пушки стреляли, мир был понятным. Когда они прекращали стрелять, и наступала тишина, мир казался неясным, неопределенным. Тогда был именно такой момент. Я поднялся на ноги, моргая спросонья, и отбросил воспоминания о хрюкающих свиньях. Было слышно, как где-то в тылу, за линией траншей, режут сирены. В воздухе пахло дымом. Что-то горело.

Напротив в траншее стояли солдаты, повернувшись лицами в сторону врага. На мгновение я подумал, что противник наконец-то наступает. Но тогда солдаты должны были стрелять. Или нет? С тревогой я представил, как все они оборачиваются ко мне, и из-за каждого респиратора на меня смотрят синие глаза. Как у свиней. Но свиньи были слепы. Почему в моем воспоминании было иначе?

Встряхнув головой, я поднялся на стрелковую ступень и присел за щитом, заметив наклеенные на него пикт-снимки. Незнакомые места и лица, мужчины, женщины и дети. Я сорвал снимки, и, смяв их, бросил в грязь. Солдатам, которые слишком часто думают о доме, труднее сосредоточиться на выполнении боевой задачи.

Если кто-то из солдат поблизости заметил это, они ничего не сказали. Они делали вид, что игнорируют меня, как это часто бывало. Пока кто-то не совершит какой-либо дисциплинарный проступок. Тогда взгляды всех устремились на меня. Не знаю, было это из-за страха или ненависти ко мне. В обоих случаях это меня устраивало. Чем меньше приходится иметь с ними дело, тем лучше.

Мы стояли в тишине – целый ряд внимательных взглядов. Было трудно дышать, но я не стал надевать респиратор. Если солдаты увидят, как я его надеваю, это будет воспринято как признак слабости, даже еще хуже, чем если бы они просто увидели меня в нем. Глаза слезились от ядовитого пара, клубившегося между щитами, грязь под стрелковыми ступенями шевелилась и вздрагивала.

Я знал, что мы все думали об одном – что если противник подходит ближе? Использует моменты затишья, чтобы продвинуть свои позиции вперед? Как я уже говорил, я не стратег, но мне кажется, что умный противник использовал бы каждое преимущество. Наши позиции были неподвижны, за исключением тех участков, где грязевой суп деформировал их. Может быть, противник испытывал такие же трудности? Может быть, все, что он мог делать – как и мы, пытаться сохранить свои позиции от полного поглощения грязью?

- Думаете, они там? – прошептала одна из солдат, нарушив тишину. Я взглянул на нее. Она была как остальные – в респираторе, и вся в грязи, от нее пахло потом и гарью. Только по голосу можно было понять, что она женщина. Она едва заметно тряслась. С ними это бывало иногда – побочный эффект постоянного шума и движения, по крайней мере, так говорили санитары. Я же подозревал, что это от страха и волнения. В основном потому, что они переставали трястись, когда я смотрел на них, а те, кто не переставал, вскоре вообще переставали двигаться.

Я не ответил ей. Вряд ли этот вопрос был обращен к кому-то. Они говорили скорее чтобы услышать себя, чем для поддержания беседы. Еще один признак их недостатка дисциплины. Молчание есть щит души. А пустые слова могут навлечь проклятие. Я часто пытался внушить им эту простую мудрость, но мужчины и женщины в этом полку плохо усваивали даже такие простые уроки. Поэтому часто требовались более суровые меры.

Я всмотрелся в пустоши ничейной земли. Было почти невозможно разглядеть что-то за

ядовитыми испарениями, поднимавшимися от грязевого супа, и закрывавшими врага от нас, а нас от него. Дым, пар и туман смешивались в непроницаемую завесу цвета желчи. В ее волнах я мог разглядеть едва заметные контуры земляных укреплений и нечто вроде артиллерийского орудия. Знакомого и в то же время совершенно чуждого.

- Я никогда их не видела. Я поняла это сегодня.

Она все еще говорила. Я никогда не понимал, почему они чувствуют потребность говорить в такие моменты, особенно со мной. Но потом я подумал, что здесь во мраке мы все выгладим похоже. Возможно, она просто не знала, к кому обращается.

- Они ксеносы? Люди? Они мятежники, или захватчики, или что-то еще? – она посмотрела на меня. – Почему мы здесь? Почему они стреляют в нас?

В ее голосе звучало что-то умоляющее, и я сдержал вспышку гнева.

Такие вопросы неизбежны в любом военном конфликте более-менее значительного масштаба. Но они не имеют значения. Империи ведет войну против всей падшей галактики, и имя нашим врагам – легион. Какая разница, кто они? Важно то, что они на другой стороне.

- Потому что они наши враги, - сказал я.

- Но почему?

Одного этого вопроса, в общем, было уже достаточно, чтобы наказать ее. Но когда я уже собирался сделать ей выговор, то вдруг остановился. В голову мне пришла мысль, которая мне сильно не понравилась. Я подумал, что заставило ее задать такой вопрос – особенно мне.

В первый раз я обернулся и посмотрел на нее. Я точно не знаю, что я искал. Это был какой-то инстинкт, наверное. Что-то было не так, и в моем разуме словно взвыл сигнал тревоги. Я посмотрел на нее и увидел пару синих глаз, смотревших на меня из-за смятого респиратора.

Как и раньше, когда я видел эти глаза, я замер. Признаю, это была моя ошибка. Я не помню, о чем тогда думал. Возможно, вспоминал других и то отвращение, которое испытывал, когда видел эти глаза. Как глаза свиней – только у свиней не было глаз. Так о чем я думал? Я и сейчас не знаю.

Тем не менее, я выхватил пистолет раньше, чем осознал это. Мой палец сам нажал спуск, и синее стало красным. Она молча свалилась в грязь. Остальные в страхе отшатнулись от меня, их голоса были похожи на писк испуганных крыс. Они не видели того, что видел я. Или даже если видели, то не понимали. Да и как они могли понять? Идиоты. Трусы и глупцы. Вот поэтому им был нужен я. Как нужен был я и тогда, когда спас их в траншее. Без меня полк бы пропал. Я это говорю не из высокомерия. Это лишь констатация факта.

Я сорвал с нее респиратор, но лица у нее не было – мой выстрел превратил его в неузнаваемую массу обугленных костей. Я отвернулся, держа респиратор в руке. Другие солдаты не смотрели на меня, и я был рад этому. Я не хотел видеть эти синие глаза, смотревшие на меня из-за другого респиратора – или, может быть, из-за всех их сразу. При этой мысли я содрогнулся от отвращения.

Я взглянул на мертвое тело, и увидел, что грязевой суп уже поглощает его. Поле боя было алчным. И когда пушки начали стрелять снова, я знал, что ему сегодня достанется много еды, как и во все предшествующие дни. Подняв взгляд, я увидел, как небо снова охватило огонь, и ощутил, как моя неуверенность сгорает в нем.

Происходило что-то странное. Я чувствовал это по запаху в воздухе, смешанному с дымом и зловонием смерти. Полковник был чем-то встревожен. И, похоже, у него были на то

основания, хотя причины этого пока были неясны. И поняв это, я возликовал. Ведь это как будто сам Бог-Император говорил со мной. Я еще не мог слышать Его голос достаточно ясно. Пока не мог. Но я услышу Его.

И сделаю то, что Он повелит.

После этого полковник вызвал меня. Словно я был лишь еще одной шестеренкой в военной машине. Конечно, я понимаю. Две публичных казни, одна почти сразу после другой. Да, тут требовалось подтверждение со стороны старших офицеров. Когда-то это было не нужно. Но те времена прошли, и обстоятельства изменились, хотя и не к лучшему.

Это было не просто ради блага полка, но и сигнал мне. Напоминание о том, что если я превысил свои полномочия, меня заменят новым комиссаром. Таков порядок. Если я превысил полномочия. Если я был неисправной шестеренкой. Но это было не так. Я исполнял свой долг. Как всегда. И не моя вина, что они не могли понять этого.

Я уже потерял счет, сколько раз полковник вызывал меня, чтобы сделать выговор в присутствии своих подчиненных. Я энергично исполнял свой долг, и это требовало, чтобы и полковник был энергичен в исполнении своего долга. Или, по крайней мере, выглядел таковым. Думаю, что он был благодарен за такую возможность. Лениость не менее опасный порок, чем распушенность или ересь.

В командирском бункере было больше людей, чем обычно во время моих визитов. Он был полон потных тел, покрытых грязью и неотличимых. Воздух был более затхлым, чем обычно, и я подумал, что очистители снова неисправны.

Никто не носил респираторов, но их бледные лица в тусклом свете были для меня такими же одинаковыми. Вероятно, и я выглядел так же, за исключением высокой фуражки и шинели. Это было напоминание, что я не такой, как они. И в глазах некоторых из них я увидел взгляды, которые мне не понравились.

Я давно видел такие взгляды, и они редко беспокоили меня. И не ожидается, что офицеры и солдаты будут любить нас. Если они любят комиссара, значит, комиссар плохо исполняет свой долг. Но в этот момент их враждебность была слишком очевидна. В их взглядах было давление, яростный вызов. Они намеревались судить меня. Меня.

На мгновение я был поражен их заносчивостью. Кто они такие, чтобы судить меня? Судить – моя обязанность, не их. Я знал свое место, и должен был удостовериться, что они знают свое. Поэтому я смотрел им прямо в глаза, встречая их злобные взгляды, и один за другим, они отворачивались. Все кроме полковника. Он никогда не проявлял слабости передо мной.

Он повернулся ко мне.

- Ну, Валемар? Давно не виделись.

Он усмехнулся, и подхалимы в толпе стали смеяться.

- Сколько часов прошло с тех пор, как я последний раз вызывал вас сюда?

Я не ответил.

Он кивнул и оглянулся вокруг.

- Мне сказали, что при недавнем обрушении траншеи вы проявили настоящий героизм. Несколько солдат доложили, что вы спасли их.

- Я исполнял свой долг, - скромно сказал я.

Полковник снова кивнул. Его улыбка была жесткой и насмешливой.

- А потом вы застрелили кого-то.

- Я казнил ее.

- Почему вы казнили ее?

Я мучительно придумывал ответ.

- Подстрекательство к ереси, - сказал я.

У нее были синие глаза. Но этого я сказать не мог. Полковник, вероятно, понял бы, но остальные нет. Офицерам нужны были простые ответы, доступные для понимания в рамках их служебных обязанностей. В этом отношении они были похожи на солдат, которыми командовали. Безыскусные автоматы из плоти. Еще один урок, который я выучил в Схоле Прогениум – не занимать их умы такими вещами. Это – моя работа. Мой долг. Я заботился о душе полка. Они заботились о его теле.

- Я слышал другое, - внезапно сказал кто-то.

Я посмотрел на него. Капитан, судя по знакам различия. Я знал его лицо, но не имя. Под грязной щетиной у него были мягкие черты лица, чем-то напоминавшие ребенка. Ношение бород не запрещалось полковым регламентом, но его борода была слишком неряшливой и цвета желчи.

- Я слышал, что это был очередной из ваших приступов, Валемар, - он выплюнул мое имя, словно ругательство, и я уже хотел застрелить его на месте. Но взгляд полковника заставил меня передумать.

После этих слов в толпе послышался ропот. Он напомнил мне хрюканье свиней, которым не терпелось наброситься на еду. В этом случае едой был я. Полковник понимал значение моей службы и признавал необходимость моего присутствия в полку, но его подчиненные не обладали такой дальновидностью. Они всегда искали возможность дискредитировать меня в его глазах и в глазах солдат.

Думаю, они боялись меня. Точнее, боялись того, что я представлял. Такие люди не хотели понять, что их власть имеет предел, а воплощением этого предела был я. И, столкнувшись с этим пределом, они реагировали болезненно.

- Что именно ты слышал, Дакко? – спросил полковник. Его голос был негромким. Почти скучающим. Но он слушал. Это внушало тревогу. Полковник терпеливо относился к моим методам, но я знал, что терпение имеет пределы.

- Я слышал, что Валемар...

- *Комиссар*, - перебил я. Капитан повернулся ко мне, и я был поражен, увидев, какая ненависть отразилась на его лице.

- Я слышал, что *комиссар* Валемар вопил, как безумный, когда убил эту несчастную. Он убил ее за то, что она задала вопрос. Не за ересь. За любопытство.

- Любопытство есть ересь, - автоматически сказал я. – Невежество есть щит души.

- Видите? – воскликнул капитан, жестикулируя. – Только послушайте его. Он изрекает эти банальности, как будто они все объясняют. Я никогда не видел их ни в каком уставе или наставлении. Думаю, он просто придумывает их, чтобы оправдать свои действия.

Я видел кивающие головы. Не слишком уверенно, но все же кивающие. Я брал на заметку их лица. Их действия следует рассмотреть...

- Дакко, - произнес полковник предостерегающим тоном. Но капитан слишком увлекся, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

- Полковник, возможно, я перехожу границы, но даже вы должны признать, что мы больше не можем допустить, чтобы этот зверь в черной шинели бродил по траншеям и ухудшал и без того тяжелое положение полка.

И снова они кивают. Снова согласно хмыкают. Снова я запоминаю лица. Я вспомнил траншею и то чувство, когда грязь сомкнулась вокруг меня, пытаюсь поглотить. Я испытывал то же чувство сейчас, когда капитан продолжал яростно нападать на меня.

Он продолжал безостановочно, становясь все более ожесточенным с каждым новым оскорблением. У меня руки чесались выхватить лазерный пистолет, и я с трудом сохранял бесстрастное выражение лица. Любая вспышка гнева, любое отрицание только сильнее распалит их ненависть. Я задумался, было ли это объявление мне войны спонтанным проявлением враждебности, или же это нечто более расчетливое? Возможно, это первый шаг в попытке удалить меня с моего поста?

Конечно, я слышал о подобных вещах. Солдаты обычно пытались решить такое дело штыком в спину, или, кинув гранату в жилище ненавистного комиссара, пока тот спит. Но офицеры были более цивилизованны. Они вели борьбу словами. Вместо гранат они предпочитали бросаться клеветой. Даже не знаю, что из этого хуже.

Как я уже говорил, я знал, что они боятся меня. Но это был не страх. Или, по крайней мере, не только страх. И это заставило меня насторожиться. Полк нуждался во мне. Без меня он бы погиб. Ради их же блага я не мог позволить им узурпировать мою власть.

Я посмотрел на полковника, надеясь, что он вмешается. Его слово было законом. Если бы он объявил мои действия правомерными, то они ничего не смогли бы сделать, за исключением прямого мятежа. А если бы они подняли мятеж...

Признаюсь, я почти надеялся, что они поддадутся такому предательскому побуждению, если оно у них было. Это бы все упростило. Я давно считал, что слишком большое количество офицеров делает полк трудноуправляемым и слишком медленно действующим. А в нашем полку офицеров было более чем достаточно.

Конечно, никто из них не был повышен в звании из нижних чинов. Из солдат офицеры получают не лучше, чем комиссары. Нет, они были отпрысками захолустной аристократии, рожденными, чтобы командовать. Так, как они считали нужным. Полковник, как и я, был иномирцем, но они прощали ему это. Он был человек такого рода, которым они восхищались в своей примитивной манере.

Но я не вписывался в их порядок вещей. Я не был крестьянином, которому можно отдавать приказы. Не был я и их начальником. Значит, я был врагом. И, похоже, сейчас они наконец-то решили избавиться от меня. Однако я не собирался уходить без борьбы.

Когда капитан, наконец, начал выдыхаться, полковник жестом заставил его замолчать.

- Хватит, Дакко. Твои жалобы учтены, и я приму их к сведению.

Я удивленно посмотрел на него, чувствуя, что меня предали. Никто из них теперь не смотрел на меня. Все взгляды были устремлены на него. Как и положено.

Полковник вздохнул и сцепил руки за спиной.

- Когда я сказал, что приму их к сведению, я говорил вполне серьезно. Мы находимся в опасном положении и не можем допустить усиления недовольства среди солдат. Как не можем позволить разногласий среди командного состава. Особенно важно, чтобы солдаты этого не заметили, их моральное состояние и так достаточно шаткое.

Он оглядел всех собравшихся.

- Это касается всех нас, господа. Или мы будем действовать общими усилиями, или нам конец, - полковник посмотрел на меня. - В том числе и вам, комиссар.

Помолчав некоторое время, он сказал:

- *Больше никаких казней.*

Я моргнул.

- Что?

- Вы слышали меня, Валемар.

- *Комиссар*, - машинально поправил я.

Спустя мгновение, я спросил:

- Вы хотите сказать, что я больше не могу исполнять свой долг?

Эти слова оставили отвратительный привкус. Я был уверен, что ослышался. Полковник просто не мог такое сказать. Я чувствовал, что здесь идет какая-то скрытая игра, которую я пока не мог понять.

- Нет. Я говорю, что вы больше не можете никого казнить без моего особого разрешения.

Я снова ответил не сразу.

- Но... я вне цепи командования, полковник, - я говорил медленно, пытаюсь объяснить ему. Возможно, он просто забыл. – Вы не можете приказать мне игнорировать замеченные мною...

- Я не приказываю вам игнорировать, *Валемар*, - он подчеркнуто произнес мое имя, и я едва удержался, чтобы поправить его. Аугметический глаз полковника издал жужжание, и светящаяся багровым линза повернулась ко мне. – Я говорю, что, прежде чем хвататься за пистолет, вы должны прийти ко мне. Назначайте наказания, как считаете нужным – но казнить только с моего разрешения.

Он снова оглядел собравшихся, и я с некоторым опозданием понял, что эти слова предназначались не только для меня. Полковник адресовал их и другим. Он демонстрировал им, что... что он контролирует меня.

Он посмотрел на меня.

- Вы поняли?

Я не был уверен, что вполне понял. Но я все же кивнул, хоть и неохотно. Полковник, хмыкнув, отвернулся, очевидно, удовлетворенный этим. Я слегка расслабился, и заметил, что и капитан и остальные офицеры тоже расслабились. Некоторые из них стали перешептываться между собой, и мне показалось, что они смеются надо мной.

Адъютант полковника поднес мне кружку растворимого рекафа. Он был несвежим и холодным. Здесь вообще не было ничего горячего, кроме грязи. Но я все же выпил его, разжевывая гранулы.

- Новые карты? – спросил я, пытаюсь сменить тему.

Полковник кивнул. Он выглядел усталым. Я сочувствовал ему. Его обязанности были нелегкими, а враждебная окружающая среда и некомпетентность подчиненных делали их еще труднее. Я почувствовал – не вину, но сожаление, что невольно добавил ему проблем.

- За прошедший день мы потеряли три участка линии траншей, в том числе тот, где едва не погибли вы. Мы до сих пор пытаемся откопать людей.

- Если так пойдет дальше, мы потеряем всё, - произнес младший офицер – один из товарищей капитана. Я внимательно посмотрел на него, думая, не скрывается ли за его словами что-то еще. Его глаза не были синими. Просто коричневыми, как грязь, и покрасневшими от недосыпания. Спустя мгновение я удивился, почему я подумал об этом. Я что-то увидел и не понял этого?

Эта мысль вызвала у меня тревогу. Допив рекаф, я внимательно наблюдал за ними, внезапно ощутив подозрение. Я подумал о солдате, которого я убил в убежище – и о котором

пока никто еще не знал. Его глаза стали синими перед тем, как он напал на меня. Я обнаружил, что смотрю на капитана, но его глаза были такими же грязно-коричневыми, как у остальных.

И все-таки... что-то было не так. Я чувствовал, что за мной наблюдают. И не просто смотрят, а внимательно изучают. Я огляделся вокруг, пытаюсь найти источник этого ощущения, но не заметил ничего. Полковник говорил что-то офицерам, указывая на новые карты. Я не слушал. Воздух был наполнен обычным зловонием, но мне показалось, что за ним ощущается другой запах. Что-то сладкое и чистое, и совершенное не подходящее к этому месту.

В этот момент кто-то кашлянул позади меня. Адьютант полковника.

- Еще рекафа, сэр? – прошептал он.

Я терпеть не мог его голос. В нем отсутствовала какая-либо властность. Он был словно дуновение воздуха. Я заметил, что моя рука скользнула к пистолету, и отдернул ее. Никто этого не заметил, кроме, возможно, адъютанта, а он не имел значения. Я хмыкнул и отдал ему кружку.

На инструктажах мне всегда было скучно. Вероятно, поэтому, присутствуя на них, я всегда думал о чем-то другом. Как я уже говорил, я не стратег и не тактик. Я иду туда, куда приказано, и делаю то, что должен. Не обязательно быть военным гением, чтобы стрелять во врага, или в того, кто бежит от врага. Но полковник всегда настаивал, чтобы я уделял внимание инструктажам в тех редких случаях, когда присутствовал на них.

Пока он говорил, я рассматривал пикт-снимки и новые карты, и заметил, что за последнее время весьма мало что изменилось. Возможно, я и не стратег, но память у меня хорошая. Линии траншей извивались, словно черви после дождя, но никуда не сдвинулись.

Сделав глоток рекафа, я спросил:

- Что говорит командование?

Разговоры остановились. Полковник посмотрел на меня, словно удивленный, что я еще здесь.

- Ничего.

- Ничего? – это прозвучало с моей стороны как обвинение, хотя и непреднамеренно.

Полковник смотрел на меня. В бункере стало тихо. Они все смотрели на меня. Я демонстративно отставил кружку с рекафом. Через секунду она исчезла. Маленький адъютант продолжал суетиться поблизости, словно пребывая в блаженном неведении о том напряжении, которое повисло в воздухе. Блаженный дурак стоит двух неверующих.

- Вы на что-то намекаете, Валемар?

- *Комиссар Валемар*, - поправил я.

Время, казалось, замедлилось. Его взгляд встретился с моим взглядом. На других я не обращал внимания. Они были мало чем лучше своих солдат – бесполезны, если не считать их способность исполнять приказы.

Как я и думал, полковник снова посмотрел на карты, его аугметический глаз жужжал и щелкал.

- Комиссар Валемар, - рассеянно поправился он.

- Со всем уважением, полковник, я лишь нахожу странным, что командование так долго игнорирует нашу передовую позицию, и не дает приказ наступать, или - прости Император – отступить. Вместо этого мы сидим на месте.

- Мы удерживаем позиции до получения новых приказов.

- Трудно их удерживать, когда земля так извивается, - проворчал один из офицеров. – Хуже, чем женщина в день именованья.

Эта грубая шутка была встречена хриплым смехом. Только я не смеялся, хотя бы потому, что не знал, что это за день именованья, и причем тут движения женщин. И в любом случае, я предпочитал, чтобы мои женщины были неподвижны.

Резким жестом полковник заставил их замолчать. Это у него было доведено до искусства – резкий взмах руки, движение бровей. Часто я смотрел на него, пытаюсь выучить этот жест. Сейчас я думаю, что это просто талант, который у некоторых людей есть, а у других его нет.

- Как бы ни вела себя земля, мы будем удерживать оборону, пока не получим других приказов. Вы свободны, - он посмотрел на меня. – Валемар, задержитесь на минуту.

Капитан и другие офицеры вышли. Некоторые бросали в мою сторону мрачные взгляды. Я не обращал на них внимания.

Когда последние из них покинули бункер, полковник и я некоторое время стояли в молчании. Потом полковник вздохнул.

- Что мне с вами делать, Валемар – *комиссар* Валемар, прошу прощения. Две казни за два дня. В обоих случаях практически без повода. Так не может продолжаться.

- В обоих случаях был повод, - я решил не упоминать о солдате в убежище. Что-то говорило мне, что от этого будет только хуже.

- Люди говорят иначе.

- Люди... - начал я. Услышав ярость в своем голосе, я заставил себя успокоиться. – Если послушать людей, они никогда не будут виноваты в своих пороках. Они никогда не возьмут ответственность за свои преступления. У них всегда будет виноват кто-то другой.

- Возможно и так. Но иногда лучше взглянуть с другой стороны.

Я посмотрел на него. Мы всегда понимали друг друга, он и я. По крайней мере, я так думал. Но здесь и сейчас он говорил ересь. Я почувствовал тошноту.

- Когда я прибыл в полк, вы говорили совсем другое.

- Когда вы прибыли в полк, он нуждался в твердой руке. Это были всего лишь крестьяне и шахтеры. Отбросы. А мне были нужны солдаты. Вы помогли мне сделать из них солдат. Но клинок нельзя затачивать до того, что он сломается.

- И вы полагаете – что? Что они близки к тому, чтобы сломаться? – я поставил кружку. – Что-то происходит, полковник. Что-то назревает. Я чувствую это.

- Да. Я знаю. И пытаюсь это предотвратить. Я пытаюсь защитить вас, Валемар.

Он потянулся, будто чтобы положить руку мне на плечо, но я отодвинулся. Не люблю, когда меня трогают, даже человек, которого я уважаю.

- Мне не требуется защита.

Полковник снова вздохнул и отвернулся.

- Вы нужны мне, комиссар. Более того, вы нужны мне живым. Запомните то, что я сказал.

Он махнул рукой.

- Вы свободны.

И я вышел из бункера.

Снаружи было тихо. Пушки молчали, и единственным шумом было негромкое бульканье грязи. Я повернулся в одну сторону, потом в другую, испытывая странную

неуверенность. За мной следили. Я чувствовал это. Никто из солдат, стоявших на постах у командирского бункера, не смотрел на меня. Но это не означало, что они не могли за мной следить.

Некоторое время я стоял на месте. Грязь у моих ног взбурлила, и на ее поверхность между ферроокристовыми плитами всплыли кости, после чего снова погрузились в грязевой суп. Суеверный человек увидел бы в этом дурной знак. Но я не был суеверным.

Я оглянулся на командирский бункер и увидел, что у его входа стоит адъютант полковника и смотрит на меня, держа во рту наркосигарету. Я даже не сразу заметил его. Он кивнул мне, словно мы были приятелями. Я подавил желание выругать его и пошел к траншеям.

Вскоре загрохотали пушки.

Когда я вернулся к своему жилищу, то заметил, что кто-то в нем был.

Замок был взломан. Я и сейчас не знаю, что они искали. Ничего из моей коллекции конфискованных предметов не было украдено. Все уставы, инструкции и документы – всё было на месте. Но дверь была взломана, и в воздухе был странный запах. Запах, напоминавший мне о синих глазах.

Некоторое время я просто сидел, обводя взглядом помещение. Пытаясь найти что-то необычное. Даже малейшие следы могли указать мне на того, кто это сделал. Но ничего необычного не было. Как будто они вломились сюда просто чтобы посмотреть.

Наверное, я чувствовал бы себя не так мерзко, если бы они что-то украли. Тогда их мотивы были бы понятны, и мои ответные действия оправданы. Вместо этого я чувствовал себя так, словно вошел в темный лес и заблудился. Все казалось бессмысленным. Превьющая уверенность рушилась. Даже на полковника нельзя было рассчитывать.

Когда я вышел из своего жилища, солдаты снаружи старались не смотреть на меня. Они сидели, прислонившись к стенам траншей и негромко разговаривали, почти неслышно за грохотом пушек. Они что-то знали. Они могли не знать, что они знали, но все-таки они знали. Они видели, как преступник взломал дверь в мое жилище? Они помогали ему?

Я смотрел на них, держа руку на рукояти пистолета. Пылающее небо отбрасывало длинные тени, затемнявшие обе стороны траншеи, и на мгновение показалось, что у каждого солдата синие глаза, и все они смотрят на меня.

- Какие-то проблемы, комиссар?

Я обернулся, вынимая лазерный пистолет.

Это был тот капитан. Он смотрел на меня с более высокого участка траншеи. Хотя на нем был респиратор, я был уверен, что он улыбается.

- Нет, - сказал я, выпрямляясь.

- Вы уверены? Вы выглядите расстроенным. Возможно, это воздух. Он довольно скверный. Вам стоило бы надеть респиратор. Некрасиво будет, если вы потеряете сознание от яда, накопившегося в легких, не так ли?

Я поднял взгляд на него. Он дразнил меня. Это меня не волновало – разве что тот факт, что он почувствовал себя достаточно смелым для этого. Помня о приказах полковника, я старался сохранять спокойный тон.

- Я приму это к сведению.

Он спустился в мою часть траншеи. Солдаты отодвинулись от него. Трудно сказать, кого они больше боялись – его или меня. Я продолжал держать руку на рукояти пистолета.

Он явился сюда один? Тогда он еще больший дурак, чем я думал.

Он посмотрел на мое жилище.

- Это и есть ваша конура? Далековато от остальных. Не совсем по инструкциям, не правда ли?

- Я люблю уединение.

- *Уединение, сэр.*

Я позволил себе улыбнуться.

- Я люблю уединение.

Он издал звук, который мог быть рычанием или смехом. С респиратором на лице трудно разобрать.

- Он долго покрывал вас, Валемар. Но он не всегда будет рядом.

Я даже не стал поправлять его.

- Это угроза, капитан?

- А это важно? Вы все равно ничего не сделаете. Он надел на вас намордник.

- Вы скоро увидите, что у меня еще есть зубы, - я постучал пальцами по рукояти пистолета. Капитан взглянул на него, потом снова на меня, и потянулся к своему пистолету.

- Вы не посмеете, - он говорил тихо и без высокомерия.

- Это вопрос не смелости, а долга.

- Если вы убьете меня, то не доживете до конца дня.

Я посмотрел на пылающее небо. Ядовитые облака, казалось, приняли форму знакомого силуэта, и я ощутил чувство умиротворенности. Глубоко вздохнув, я опустил взгляд.

- Мы все живем у времени в долгу, капитан.

- Некоторые больше, чем другие, - сказал он.

Нарочито медленно он шагнул назад. Я не расслаблялся.

- Посмотрите на себя. Бешеный пес полковника. Сколько трупов он похоронил для вас? Сколько вы похоронили для него?

- Я исполняю приказы. Как и вы.

Капитан фыркнул.

- У нас нет ничего общего.

Он отвернулся, словно приглашая застрелить его. Меня провоцировали. Приказы полковника были ясны. Но когда капитан стал подниматься на более высокий участок траншеи, он оглянулся на меня, и во вспышке разрыва его глаза сверкнули синим, прежде чем он отвернулся.

Я знал, что Бог-Император говорит со мной. Что это Он указал мне на врага Настоящего врага – не того, который за ничейной землей, а того, который у меня за спиной. Внутренний враг есть самый опасный, как часто напоминают наставления.

В полку готовится заговор. Капитан практически признался в этом. Но я не знал, что с этим делать. Мое обучение не готовило меня к работе следователя. Если комиссар находил проблему, он устранял ее. Нет человека – нет проблемы. Так было всегда. Но теперь я не мог решить проблему этим способом – из-за полковника.

Я был вынужден импровизировать и меньше рисковать. Я последовал совету полковника. Все же я был хорошим солдатом, и понимал, что он прав, хотя мне мучительно это признавать даже сейчас. Мне следовало быть более осторожным. Более внимательным. Важнее было выяснить, что происходит, чем пытаться карать каждое нарушение, как ни была мне неприятна эта мысль. Особенно если за мной следили. Возможно, они искали

способ дискредитировать меня. Спровоцировать. Возможно, именно об этом полковник пытался предупредить меня.

И я ждал. И наблюдал. Я наблюдал за людьми, как когда-то наблюдал за птицами и крысами. Я следил за ними, когда они собирались вместе, и слушал, как они говорят, наблюдал, как они едят и пьют. Наблюдал их особенности и повадки, как у птиц, за которыми я охотился в детстве.

День за днем. Неделю за неделей.

Так продолжалось.

У всего есть свои характерные особенности. Случайностей не бывает. Свои особенности есть у стрельбы вражеских пушек, и у наших. Та же последовательность ведения огня снова и снова, осознают это расчеты орудий или нет. Свои особенности были и у глаз. И когда я наблюдал за ними, я понял, что и они наблюдают за мной. Изучают меня, как я изучал их. Мы прятались у всех на виду, я в траншеях, а они – в телах людей.

И с каждым днем их становилось все больше. Их численность росла, а наша уменьшалась. Они шептались в углах, ставили под сомнение наши цели и решения полковника. Они говорили о поражении и о смерти. О сдаче. Орды синеглазых дьяволов, проникающих в наши ряды и ослабляющих нас. И только я мог видеть их.

Повсюду было одно и то же. Трещины в стене. И со временем эти трещины становились все больше.

Но хотя я видел их, я не мог их опознать. Это звучит бессмысленно, я знаю. Но, тем не менее, это правда. В одно мгновение у человека могли быть синие глаза, в следующее уже карие. Я видел их краем глаза или мельком, когда они поворачивали за угол траншеи или прятались в убежище. Только среди рядовых солдат. Среди офицеров их не было. Пока не было.

Кроме того капитана. Он был одним из них. Я не сомневался в этом. Но он старался держаться подальше от меня. Возможно, он понял, что я знаю его тайну. Возможно, он просто побаивался меня после нашей встречи в траншее. Часто я замечал, как он следил за мной издали. Иногда это был не он, а те, которых я знал как его сообщников.

Иногда это были просто солдаты. Они следили за мной своими неестественными глазами.

Чем же они были? Я и сейчас не знаю. Оставались ли они людьми? Или это была просто маскировка? Я слышал истории о скверне, о чуме неверия, но это было что-то более коварное. Более точное. Возможно, не колдовство, а некое оружие. Яд, распространявшийся по траншеям скверну инакомыслия. Возможно, он был в воздухе, или в воде.

Я размышлял над этими вопросами целыми днями. Неделями. Я так часто прокручивал их в голове, что уже терял представление, о чем же я думал, пока снова не замечал очередной взгляд синих глаз, смотревших на меня из-под защитных линз.

И тогда я вспоминал, и все начиналось снова.

Единственное, в чем я был уверен – что это исчезало после смерти. Это я понял еще тогда, когда убил солдата, напавшего на меня в убежище. Его глаза перестали быть синими. И то, что овладело им, покинуло его в тот момент, когда я всадил в него штык.

Чтобы удостовериться, я убил еще одного. Незаметно, чтобы не вызывать подозрений. Разумеется, я подождал, пока заметил очевидное нарушение дисциплины с его стороны. Я не убийца.

Это было нетрудно. Я хорошо выбрал момент. Снова грохотали пушки и небо горело.

Траншеи снова изгибались и деформировались, и солдаты разошлись по своим постам после того, как зазвучал сигнал тревоги. Кроме одного, который направился в отхожее место. С определенной точки зрения это можно рассматривать как трусость перед лицом врага. Какая польза от солдата, если он не может контролировать свой организм в бою?

Я последовал за ним. Он так и не заметил меня. Я позаботился об этом. Я уже не носил черную шинель и фуражку. Эти знаки моей власти я оставил в своем бункере, и носил обычную форму, запачканную грязью, как у всех, и респиратор. Это было неудобно, но ради блага полка можно пойти на такие жертвы. Этого требует Бог-Император.

На каждом участке траншей было отведено место под туалет. В основном это были просто канавы в грязи, стенки которых укреплялись листами металла. Вдоль канав стояли скамьи, и все сооружение было отделено от траншеи брезентом. Грязевой суп пожирал все, что в него попадало, и не было особой необходимости их чистить, хотя я часто назначал чистку туалетов как наказание.

Я последовал за ним, откинул брезент, и подождал, пока он начнет. Так проще. Если он и заметил меня, то ничего не сказал. Возможно, он подумал, что я пытаюсь спрятаться, или ему просто было все равно. Солдаты быстро учатся не задавать вопросов друг другу. Особенно в туалете.

Я присел у входа и из-за брезента наблюдал за траншеей. Вдоль стен траншеи плясали тени, тонкие и будто дразнящие. Я видел, как они извивались в момент грохота разрывов. То, как они двигались и извивались, напоминало мне о чем-то, но о чем именно – я не мог сказать. Я только понял, что это зрелище заставляет меня чувствовать себя словно больным, и быстро отвернулся.

Моя жертва, кряхтя, что-то напевала, и этот мотив действовал на меня усыпляюще. Они все напевали это – какую-то пастушескую песенку с их родного мира. Все они были крестьяне или дети крестьян. Даже не знаю, почему кто-то решил, что из них могут выйти хорошие солдаты.

Хороший солдат должен быть быстрым и жестким, и обладать привычкой к насилию. Я думаю, что лучшие солдаты получаются из жителей городов-ульев. В темных туннелях и узких улицах вырастают жестокие бойцы. Но крестьяне обладают определенным деревенским прагматизмом, хотя он не всегда очевиден. Те и другие одинаково хорошо умирают. В конце концов, в этом и состоит их предназначение – умереть за Бога-Императора. Стать стеной плоти и благочестия, окружая Его владения и отгоняя тьму долгой ночи. Это и мое предназначение тоже, и оно воистину славно.

Умереть во имя Его – разве есть большее счастье для человека, я спрашиваю вас?

Если только убивать во имя Его.

Снаружи грохотали пушки. Их и наши. Словно бьющиеся сердца сражавшихся гигантов. Я подумал, когда же противник наконец устанет от этой игры. Когда же он начнет наступать прямо под огонь наших орудий. Или он ждет чего-то еще?

Именно об этом я начал размышлять где-то глубоко в лабиринтах своей паранойи. То, на что я наткнулся, отнюдь не было ни с чем не связанной случайностью, но являлось частью некоего крупномасштабного вражеского плана. Явных доказательств этого не было, кроме того, что я это чувствовал, но комиссар должен доверять своим инстинктам. А мои инстинкты просто кричали, предупреждая меня, что этот заговор имеет более глубокие корни, чем я думал.

В конце концов, поэтому я решил начать свои эксперименты.

Мне нужно было понять их. Узнать о них всё. Тот солдат в туалете был лишь первым.

Я подождал, пока он закончит. Когда он вздохнул и начал вставать, надевая штаны, я бросился на него. Я был вооружен штыком – тем, который я забрал себе в коллекцию. Это был отличный клинок – легкий, острый. Он выполнил свою задачу с похвальной эффективностью. Я вскрыл его от паха до глотки, как я вскрывал птиц в детстве. Хотя по виду и не скажешь, но человеческое тело, в сущности, мешок с водой, кислотами, желчью и кровью. И все это выливается, если резать достаточно глубоко. И чтобы не перепачкаться в этом, надо быть ловким, особенно в замкнутом пространстве. К счастью, я знал эти тонкости.

Он рухнул с испуганным стоном, прозвучавшим почти как вздох. Словно он не мог поверить в происходящее. Да и многие ли ожидают умереть в туалете?

Я держал его за подбородок, пока он истекал кровью, как свинья на бойне. Я смотрел, как его глаза становятся из синих карими, когда он умер. Я заметил, сколько времени это заняло. Несколько секунд. Я вытер штык о его рукав и, обыскав труп, обнаружил обычный хлам, большую часть которого взял с собой. Позже я намеревался рассмотреть его вещи подробнее, узнать, не хранят ли они каких-либо тайн.

Однако до этого так и не дошло.

Потом я был слишком занят. Выскользнуть из туалета незаметно было очень просто, никто не обратил внимания. Когда стреляли пушки, все смотрели в сторону врага.

Так же удачно все было и во второй раз, и в третий. В обоих случаях я выслеживал своих жертв часами и заставлял их в одиночестве, всегда так, чтобы их смерть совпала со временем обстрела. В обоих случаях их глаза изменялись. У третьей жертвы я попытался вырезать глаза до того, как они изменились, но окровавленные глазные яблоки стали коричневыми в моих руках. После этого я решил провести новый эксперимент. Мне нужно было допросить одного из них.

Но я знал, что для этого мне потребуется уединение.

- Разведка? – спросил полковник, глядя на меня своим немигающим красным глазом. Командирский бункер, как всегда, был полон паразитов в форме. За недели своих наблюдений я привык презирать их. Незаметно наблюдая за ними, я видел тысячи нарушений дисциплины, и малых, и больших. Я знал, что все они мрази и подонки до последнего. Я уже начал желать, чтобы горячий дождь скорее затопил траншеи и все живое в них. Все больше я приходил к заключению, что полк уже не спасти.

Как я сказал, новый эксперимент я решил провести после третьей жертвы. Она была сержантом. Я думал – надеялся – что эта зараза, проклятие, как ее ни назови, не затронет офицеров, кроме, возможно, капитана. Но моя надежда была тщетной. Зараза распространялась. Повсюду я видел синие глаза. В столовой, в убежищах. В дожде.

Спустя несколько дней после третьего убийства, я понял, что грохот пушек выявляет их. В моменты затишья они хорошо прятались. Но как только начинали стрелять пушки, мне легко было обнаруживать их. Отчасти я подозревал, что это может быть некий сигнал, возможно, в схеме ведения огня, или, вероятно, это звук заставляет их проявляться. Как бы то ни было, я сформулировал новый план. Он требовал большой храбрости и хладнокровия, а этими качествами я обладаю в избытке. И снова я не хвастаюсь, ибо без них невозможно быть комиссаром.

- Мы в тупиковой ситуации, - сказал я, оглядывая собравшихся в бункере. – Если мы не

можем наступать без приказа, то как минимум мы могли бы попытаться более точно выяснить положение позиций противника. Найти потенциально слабое место в его обороне – на всякий случай.

- Вы настолько заскучили, комиссар? – спросил он. Но я уже знал, что он согласится. Он считал это умным решением, хотя и не понимал моих истинных мотивов. Разведкой часто пренебрегают во многих кампаниях. Слишком многие командиры полагаются на грубую силу, чтобы добиться победы. Нанести удар по врагу – это хорошо. Но еще лучше нанести удар в то место, где он причинит врагу наибольший ущерб – и в наиболее подходящее время.

- Честно говоря, да, - ответил я. Среди офицеров послышались смешки. – Так как я не могу исполнять свой долг как раньше, то буду исполнять его иным образом. Я намереваюсь выйти на ничейную землю между нашими позициями и противником, и посмотреть, что там.

- Один? – спросил капитан. Некоторое время он вел себя тихо. Я знал, что он следит за мной, но также я знал, что его шпионы в полку не сообщают ему обо мне ничего. Они считали меня дураком – тупым и лишенным воображения. Они не могли представить, чтобы я снял знаки своей власти, чтобы охотиться за своими жертвами. По крайней мере, я надеялся на это.

- Желательно не один. Но я пойму, если никто не захочет пойти.

Снова смешки. Капитан нахмурился и посмотрел на своих товарищей. Полковник тоже, хотя, вероятно, по другим причинам. Следующий момент был самым опасным, и я вздохнул, прежде чем продолжать.

- Так как я вне цепи командования, это заявление с моей стороны лишь формальность. В любом случае я намереваюсь отправиться на разведку, так как считаю это аспектом своего долга. Я буду оберегать полк так или иначе.

- А если вас убьют? – спросил полковник.

- Тогда вы попросите прислать нового комиссара. Соответствующие документы в моем жилом бункере, - сказав это, я посмотрел на капитана, и увидел, что он прищурил глаза.

Полковник покачал головой.

- Конечно, вы правы. Я не могу остановить вас. Возьмите с собой одного из солдат. Капитан, назначьте добровольца.

- Я пойду, - сказал капитан, и мое сердце подпрыгнуло в груди. Я знал, что он считает это вызовом. Такие как он любят вызов. Но полковник махнул рукой.

- Нет. Вы нужны мне здесь. Пошлите кого-то из нижних чинов.

Я бросил взгляд на полковника, подумав, не заподозрил ли он что-то в моем плане. Может быть, он беспокоился, что если мы с капитаном отправимся на разведку вдвоем, то назад вернется только один из нас. Или, может быть, он боялся за меня.

- Любая помощь приветствуется, - сказал я.

- Я найду кого-нибудь... желающего, - произнес капитан. И на мгновение, только на секунду, мне показалось, что его глаза сверкнули синим блеском. Я сохранял бесстрастное выражение лица, несмотря на наполнявшую меня радость. Как я и надеялся, они проглотили наживку.

- Пусть этот доброволец возьмет с собой продовольствие. Мы можем отсутствовать несколько дней.

- Тогда решено, - сказал полковник. – Все свободны. Кроме вас, Валемар.

Я даже не стал его поправлять, мой разум был полностью сосредоточен на предстоящей

задаче. Он жестом пригласил меня сесть, но я остался стоять. По инструкциям комиссар должен был стоять в присутствии полкового командира, чтобы подчеркнуть свою независимость от цепи командования.

Адъютант принес полковнику стакан с вином. Я даже не слышал, как он вошел. Я всегда удивлялся, как они понимали друг друга без слов. Возможно, это просто привычка. Полковник сразу выпил вино, и адъютант налил ему еще.

- Отличное вино, - сказал полковник, допивая второй стакан более медленно. - Не желаете выпить?

- Я при исполнении служебных обязанностей.

- А если бы я приказал вам?

Я не ответил ничего. Разговор зашел на незнакомую территорию.

Полковник вздохнул.

- Возможно, это и к лучшему. Это последнее, что осталось. У нас всё заканчивается. Даже вино, - он посмотрел на меня. - Иногда вы разочаровываете меня, Валемар.

Эти слова больно укололи меня, и, наверное, я вздрогнул.

- Прошу прощения, полковник, если я когда-либо... - начал я, но он отмахнулся.

- Извинения - признак слабости. Вы подвергаете себя ненужной опасности. У меня есть более важные дела для вас, чем разведка, с которой справился бы любой солдат.

- Тогда почему бы не послать их?

- Потому что мы и так обладаем всей необходимой информацией, комиссар. Командование приказало нам удерживать эти позиции. И пока мы не получим других приказов, именно это мы и будем выполнять, - его красный глаз с жужжанием повернулся ко мне. - Но ведь вы это не ради разведки затеяли, не так ли?

Я хотел сказать ему правду. Но я знал, что он мне не поверит.

- Не понимаю, что вы имеете в виду, сэр.

Полковник помолчал. И когда он наконец заговорил, в его голосе звучало сожаление. Мне это не понравилось.

- Нет. Может быть, и нет. Иногда я думаю, что очень плохо использовал вас, Валемар. Комиссар. А иногда думаю, что, возможно, я получил именно то, что хотел. Наши предшественники погубили бы полк. Такие люди, как Дакко, разложили бы его. Но мы с вами сделали его сильным, не так ли?

- Я исполнял свой долг, полковник. Как и вы.

Полковник издал звук, который, вероятно, был смехом. Я иногда забывал, что мы оба были чужими для этого полка, иномирцами. Полковник запросил назначение нового комиссара в полк вскоре после того, как сам вступил в командование. Я так и не узнал, что случилось с его предшественником. Да это было и не так уж важно. Полк принадлежал тому, кто им командует. Ему. Нам.

- Да, мы исполняли свой долг. И продолжим его исполнять, - он посмотрел на меня через край своего стакана. - Будьте осторожны, комиссар. Дакко не замедлит всадить вам нож в спину, если посчитает, что ему это сойдет с рук.

С этими неутешительными словами он отпустил меня. В первый раз мы открыто говорили о таких вещах. Были и другие вроде Дакко. Другие офицеры, которые не могли приспособиться к новому положению дел в полку. Я исполнял свой долг, как приказал полковник, и мы очищали пространство для новых офицеров. Таких, которые были бы более восприимчивы к образу мыслей полковника. Но в этот раз он впервые предупредил меня об

опасности со стороны недовольных. Тогда я понял, что он гораздо более обеспокоен, чем я предполагал сначала. Могу только догадываться, что именно поэтому он публично отчитал меня раньше.

Потом я подумал, не видит ли полковник то же, что и я. Может быть, так он пытается сказать мне, что знает о происходящем, но его положение не позволяет ему действовать? Что он одобряет мои действия? Я надеялся, что это так. С его помощью будет легче спасти полк.

Конечно, я взял с собой штык из коллекции. Он хорошо послужил мне в моем расследовании, и я привык к нему. Как и я, это было оружие простое и функциональное. Послушное и смертоносное. Кроме того, его было легко спрятать.

Капитан прислал мне солдата по имени Гомес. Высокий и мускулистый, он возвышался надо мной. Он едва говорил, лишь поприветствовав меня.

Я знал имя Гомеса лишь потому, что был уверен – он убил другого солдата за карточной игрой, хотя я не нашел явных доказательств. Такое преступление наказывалось смертью, и Гомес знал это, поэтому он хорошо постарался замести следы.

Я часто думал, какими средствами капитан убедил его пойти. Возможно, деньгами. Для громил вроде Гомеса часто этого бывает достаточно. Как бы то ни было, когда я увидел его, то сразу понял, что он непременно попытается меня убить.

Мы шли по траншеям, пробираясь к внешним, самым отдаленным позициям. Там они уже начали превращаться в труднопроходимые овраги, полные бурлящей грязи, в которой тонули разбитые бункеры. Земля была мягкой и неровной, и не раз нам приходилось ждать, пока она перестанет двигаться, прежде чем мы могли идти дальше. Воздух был полон испарений, воняющих горячей грязью и чем-то непонятным. Мне пришлось надеть респиратор и пару толстых перчаток. Несмотря на эту защиту, я чувствовал жар, исходящий от деформировавшихся стен покинутых траншей.

По пути мы видели, как они изменялись. Стены траншей принимали новую форму, дно поднималось или уходило еще глубже, унося нас в одно мгновение вниз, в следующее снова вверх.

Мы пробирались по жидкой слякоти, доходившей до колен, и спотыкались на засохшей грязи. Гейзеры пара вырывались в воздух, когда грязевой суп приходил в движение, и не раз я, оглядываясь назад, терял из виду Гомеса. Но он всегда появлялся снова, шагая по моему следу с неторопливой решимостью.

Мы шли по полям мертвецов. Жар и ядовитые вещества жутко искажали останки, придавая им странный и пугающий вид – в бурлящей грязи росли костяные цветы, тянущие к огненным небесам свои лепестки, словно покрытые глазурью из костного мозга. Колючие заросли из шлака и костей свисали со стен траншей на нашем пути, будто тяжелый занавес, и несколько раз нам приходилось прорубать путь сквозь них. Жар становился все сильнее, и я страшно потел в своей шинели. Я знал, что и Гомес, должно быть, страдает не меньше, но он ничего не сказал.

Гомес попытается убить меня. Я знал это так же твердо, как свое имя. И одно это давало мне все необходимые оправдания для того, что я намеревался сделать. Как минимум это оправдывало мое дальнейшее расследование, что бы там ни говорил полковник.

Вражеские позиции были отнюдь не близко. Я воображал, что они видны из наших траншей невооруженным глазом, но в действительности мы не могли видеть их. За туманом, испарениями и грязью они были лишь размытой линией где-то на горизонте. Нам

понадобилось почти три дня, чтобы приблизиться и разглядеть их передовые позиции, и даже тогда там мало что можно было увидеть. Лишь траншеи и импровизированные укрепления, очень похожие на наши.

Увидев их в первый раз, я невольно подумал, вдруг *они* – это *наши*. Вы понимаете, что я имею в виду. Бюрократия Империи огромна и медлительна, и могут происходить ошибки. Так полки могут получить приказ захватить мир, который уже захвачен, и никакие протесты не убедят высоких начальников, что это ошибка. Они видят только цифры, а не людей. В этом и разница между ними и такими людьми как полковник.

И когда эти еретические мысли мелькнули на краю моего сознания, я подумал, может быть, поэтому полковник в последнее время казался таким усталым и нерешительным. Может быть, он знал – а он почти наверняка должен был знать – что нам противостоят не ксеносы и не предатели, а такие же слуги Бога-Императора. Возможно, поэтому он так не хотел наступать. Возможно, он надеялся, что эта ошибка будет замечена его начальниками, прежде чем станет слишком поздно.

Но, конечно, такие мысли смешны. Да, люди склонны ошибаться, но Бог-Император никогда не ошибается. И Он не направил бы нас на этот адский мир, если бы мы не были нужны здесь. Я полагал, что мы были направлены сюда по важной причине. Что я здесь по важной причине. И я был прав.

За эти три дня я хорошо узнал Гомеса. Не лично, но такие люди, как он, для меня вроде открытой книги. Он был свирепым громилой – скорее всего бандитом до службы в полку. Это объясняло его кровожадную сущность. Но он был хитер. Он прятал от меня свои глаза. Никогда не смотрел на меня прямо. Я не мог выявить у него синие глаза, как ни пытался. Каждый раз, когда я смотрел на него, он отворачивался.

Как бы то ни было, наконец я понял, что придется рискнуть. Ничего не говоря Гомесу, я достал дальномер – еще один предмет из моей коллекции. Он был старым и тяжелым. Вскоре после моего прибытия в полк мне пришлось казнить одного из полковых артиллеристов за напрасную трату боеприпасов. Тогда мы отражали наступление противника, но это не оправдание для такого расточительства.

Я пробрался по грязи, поднявшись на низкий склон на краю заброшенной траншеи, за разбитыми брустверами и старыми проволочными заграждениями, и навел дальномер на вражеские укрепления. Но даже с ним я ничего не увидел. Иногда я думаю об этом моменте. Я надеялся увидеть что-то – хоть что-нибудь. Увидеть, кто стоит за этими пушками. Но я видел лишь туман, пар и грязь.

И тогда Гомес напал на меня, как я и ожидал.

Он подкрался так тихо, что если бы я не был готов, то не заметил бы его, пока не стало бы слишком поздно. Капитан хорошо выбрал, какого убийцу подослать ко мне. Мою шею мгновенно захлестнула удавка. Но прежде чем Гомес уперся коленом мне в спину, я метнулся в сторону и скатился по склону обратно на дно траншеи. Он явно этого не ожидал и потерял равновесие. Издав приглушенный вскрик, он полетел за мной в траншею. Прежде чем он успел вскочить на ноги, я выхватил штык и нанес удар.

Его огромные руки вцепились в мои, пытаюсь отжать клинок, оказавшийся между нами. Я ударил с такой силой, что отбросил его назад, и он врезался в остатки разрушенного убежища. Я слышал, как он ругается, но смотрел только в его глаза. Они не были синими. Я не знал, что это значит. И все-таки он пытался убить меня.

Я сильнее, чем выгляжу. Гомес явно думал, что я окажусь легкой добычей. Мы боролись

в обвалившейся траншее, почти по колено в грязи. Я не хотел использовать свой пистолет. Вспышка выстрела, любой звук – все это могло привлечь внимание противника. Кроме того, мне нужны были ответы. И Гомес мог дать их.

Я ударил его коленом в живот. Он охнул и согнулся, пытаясь заставить меня потерять равновесие. Грязь позади него вдруг разошлась, и он осел в нее. Я надавил всей тяжестью на штык, вгоняя Гомеса глубже в грязь. Его глаза испуганно расширились, когда из стены траншеи на нас посыпались кости и обломки феррокрита.

Это секундное отвлечение было всё, что мне нужно. На мгновение его хватка ослабела, и я, резко рванув, освободил руки. Сразу же я резанул штыком по его животу под краем бронежилета, и шагнул назад. Гомес скорчился, схватившись за живот. Грязь уже засасывала его, и он отчаянно бился, пытаясь вырваться, между его пальцами пузырилась кровь. Но его глаза все еще были карими.

Я поднял штык и направил на него.

- Покушение на убийство офицера карается смертной казнью. Казнить тебя здесь или после трибунала?

Он простонал:

- Сволочь...

- Да. Почему ты пытался убить меня?

Он продолжал биться, пытаясь вырваться из затягивающей его грязи. И почти вырвался, но я ударил его ногой, вгоняя назад в растекающуюся стену траншеи. Он издал придушенный вопль. Одной рукой я схватил его за плечо, а другой приставил штык к его глотке. Я был уверен, что он не попытается задушить меня, иначе его кишки вывалятся наружу.

- От такой раны ты можешь умирать долго. Возможно, несколько часов. Или смерть может быть быстрой. Выбор за тобой.

- Мне заплатили... - прохрипел он.

- Кто?

Он злобно посмотрел на меня. Я быстро потянулся к его животу и выхватил что-то мокрое и мягкое из-под его ослабевших рук. Он завизжал как свинья, когда я сжал кусок его потрохов, который лопнул в моей руке, разбрызгивая жидкость в грязь.

- Говори, - приказал я.

Он не мог говорить из-за боли. Но я и так знал. Я вытер штык о его рукав и положил обратно в карман шинели, после чего вытер руку о его грудь.

- Плохая сделка. Не только ты заплатишься жизнью.

Я подобрал свой и его вещмешки. Напрасная трата предметов снабжения есть грех перед Богом-Императором.

- П-подожди... - простонал он, схватив меня за полу шинели. – Убей...

- Я уже убил тебя. А Бог-Император заберет тебя, когда на то будет Его воля.

Я оставил его там, увязшего в медленно поднимавшейся грязи. Уходя, я не оглядывался назад. Я не чувствовал никакого сожаления по поводу его смерти. Он пытался убить комиссара. Кара была справедливой.

Когда пушки снова замолчали, я начал долгий путь обратно. Когда через несколько дней я добрался до наших позиций, часовые на постах отреагировали на мое появление не так быстро, как было положено. Я подумывал казнить и их, но воздержался. Потом будет достаточно времени наказать их.

Я был не удивлен, увидев, что капитан ждет меня. Хотя он был удивлен, увидев меня

ЖИВЫМ.

- Гомес? – спросил он, не глядя на меня.

- Несчастный случай. Он утонул в «супе».

- Какой несчастный случай? Комиссар?

Я прошел мимо него, не отвечая. Он продолжал звать меня некоторое время. Его голос напоминал мне вокс-запись. Такой же искусственный и безжизненный.

Нечеловеческий.

Понадобилось еще два выхода на разведку, прежде чем я получил свои ответы. В обоих случаях я не убивал своих спутников. Не стоило возбуждать лишние подозрения, особенно после того, что случилось с Гомесом. Кроме того, ни у кого из них не было синих глаз. Или, если и были, я не заметил.

Но четвертый... Именно этого я и ждал.

Полковник не хотел соглашаться на новую разведку после случая с Гомесом. Я не виню его, даже сейчас. Должно быть, он знал, что произошло, или, по крайней мере, подозревал. Он слишком давно меня знал, чтобы принять мой ответ за чистую монету. Как Бог-Император, он видел мою ложь, неизбежную в сложившихся обстоятельствах, но принял ее.

Он был хорошим человеком. Выдающимся человеком.

Возможно, вы задаетесь вопросом, почему я продолжал скрывать от него свои подозрения. Не из дурных побуждений, уверяю вас. Я знал, какое тяжкое бремя он нес, знал это лучше всех других. Как я уже сказал, он был воистину выдающимся человеком. Он честно заслужил высокое звание, и многое пережил на службе Богу-Императору. Мои подозрения были основаны в лучшем случае на косвенных доказательствах. Мне нужно было больше доказательств – неопровержимых доказательств о природе заговора, прежде чем я рассказал бы о нем полковнику.

К сожалению, после того, как мой третий выход на разведку также не принес новой информации, он не разрешил мне выйти в четвертый раз.

- Понимаю, что ограничиваю вас, комиссар, - сказал он, - но это слишком большой риск ради слишком малой выгоды. Ведь те сведения, что вам удалось собрать – все то же самое мы можем увидеть здесь, - он указал на пикт-снимки, развешанные на стенах командирского бункера.

- Мне нужно подобраться ближе, - сказал я.

- Еще ближе, и вы окажетесь прямо перед их укреплениями.

- Именно туда я и собираюсь.

- Нет, - полковник покачал головой.

- Разрешите обратиться, - произнес капитан. Он был одним из немногих других офицеров, присутствовавших в командирском бункере. В этот раз приглашены были не все. Число тех, кому можно было доверять, за дни и недели становилось все меньше.

За этой тенденцией я не мог следить, но все же замечал ее. Полковник с каждым днем выглядел все более усталым и измученным, а число преданных ему офицеров сокращалось. Некоторые были лишены званий и разжалованы в рядовые, другие отправлены в тыл, или изолированы, оставаясь со своими подразделениями в дальних траншеях.

Он терял контроль над полком, который явно разлагался, теряя дисциплину и стойкость. Это и не удивительно – если все время сидеть в траншеях на одном месте, под огнем вражеской артиллерии. Но я знал, что это усугублялось невидимой гнилью, более

глубокой, чем кто-либо из них мог представить.

Полковник кивнул.

- Да, Дакко. Говори.

- Я думаю, что комиссар прав.

Я сдержал улыбку. Честно говоря, я этого не ожидал. По крайней мере, не так скоро. Я думал, что мне придется убить еще несколько таких как Гомес.

Полковник тоже был удивлен. Его живой глаз слегка расширился.

- Ты думаешь? – я услышал в его голосе подозрение. Наверное, он боялся за меня. Мне жаль. Полковник был хорошим человеком. Хорошим офицером. Для меня было честью служить с ним. Но полк важнее, чем один человек.

- Да, сэр, - капитан посмотрел на меня. Его лицо было спокойным, глаза карими. Чем бы он ни был, он был неглуп. Насчет него я все еще не был уверен – то, что я видел, было реальным, или это всего лишь мое воображение? *Я хотел*, чтобы он был одним из них. Но я обладаю достаточной дисциплиной, чтобы не поддаваться таким желаниям. Я не отморозок вроде Гомеса, убивающий по своему капризу. В конце концов, я не убийца.

Капитан выглядел усталым. Я заметил, что все они выглядели усталыми, не только полковник. Они все были истощенными и измученными. Словно тяжесть войны раздавила их души. Их форма была грязной. Некоторые были небриты. Они вздрагивали от грохота вражеских пушек. Трусы и слабаки. Только слабый будет бояться врага, которого можно увидеть.

Только слабый может помышлять о предательстве.

Я хотел снова сделать их сильными. Это все, чего я хотел. Для этого полковник просил прислать в полк меня. Чтобы сделать его сильным. Чтобы очистить его от слабости. В этом и состоит долг комиссара. Мой долг.

- На этот раз я собираюсь пойти с ним, - продолжал капитан. – Может быть, я замечу что-то, чего остальные не увидели.

Он взглянул на меня.

- Если вы считаете это приемлемым, комиссар.

Я посмотрел на полковника прежде чем отвечать. Я ожидал, что он будет возражать, как тогда, когда капитан в первый раз вызвался добровольцем. Но он только покачал головой.

Я повернулся к капитану.

- Да. Мы отправляемся этим вечером. Возьмите с собой только самое необходимое.

Капитан кивнул. Полковник отпустил нас, махнув рукой, и офицеры молча вышли. Я собирался последовать за ними, но полковник остановил меня.

- Валемар, - сказал он, взяв меня за руку. Я попытался вырвать руку, но полковник держал ее крепко.

- Посмотри на меня, - он говорил тихо, и я почувствовал какой-то запах в его дыхании. Солдаты иногда готовили запрещенные алкогольные напитки в туалетах – крепкая выпивка, если не обращать внимания на ужасный вкус и запах. Я попытался отойти, но он не отпуская меня.

- *Комиссар*, - сказал я.

- Да. Мой комиссар, - он нахмурился. Кожа на его лице обвисла, словно сила по капле уходила из него. Было мучительно видеть, как этот сильный человек превращается в сломленную развалину. Я знал, что он беспокоится за полк не меньше меня, хотя он не

говорил этого вслух.

- Я говорил, что он хочет тебя убить.

- Я знаю.

- Вряд ли, - он подтащил меня ближе, и волна его зловонного дыхания окатила мое лицо. – Ты нужен мне живым, Валемар. Возвращайся невредимым.

Он отпустил мою руку и отвернулся. Снова вернувшись к своим картам, своим страхам и своей выпивке. Я увидел, как его адъютант проскользнул в бункер, держа в руке кружку с выпивкой. Мелькнула мысль, как часто эта сцена повторяется каждый день.

Он был хорошим человеком. Лучшим из людей. Было мучительно видеть его слабым. Видеть его напуганным.

- Постараюсь, полковник, - сказал я. Но он уже не слушал. Его разум уже был занят другими проблемами, не относившимися ко мне.

Капитан ждал меня снаружи. Он не смотрел на меня.

- Что он сказал? – спросил он.

- Сказал, чтобы я вернулся невредимым.

- Разумный совет, - кивнул он. – Посмотрим, насколько он выполним.

Мне не понравился его тон. На этот раз в нем не было насмешки – только мрачная решимость. Я хотел застрелить его здесь же, но увидел, что адъютант полковника смотрит на меня, стоя у входа в бункер – и убрал руку от пистолета. Когда адъютант вернулся в бункер, я сказал:

- Да. Готовьтесь, капитан. Я не буду ждать вас.

- Думаю, будете, - сказал он. – Но я не опоздаю.

Когда он натянул респиратор и повернулся, чтобы уйти, мне показалось, что его глаза сверкнули синим.

Мы вышли в путь, когда артобстрел был в самом разгаре. Рев орудий рвал воздух и сотрясал траншеи до основания. Иногда было даже трудно устоять на ногах – так содрогалась земля. Казалось, что сам мир знал, что дело идет к развязке, и стремился помешать неизбежному.

Впрочем, я, возможно, преувеличиваю свою значимость. Мир не замечал нас, как и эти пушки. Снаряды падали, словно дождь, и я думал, в какую же цену обходится такая расточительная трата боеприпасов. Когда-то я подсчитал цену дневной нормы расхода снарядов, и после этого с еще большим уважением стал относиться к труду Департамента Муниторум. Я горжусь тем, что исполняю свой долг, но знаю, что есть слуги Бога-Императора, чей долг еще труднее.

Как и тогда с Гомесом, мы шли в молчании. Капитан явно не имел желания разговаривать со мной, а я тем более не хотел говорить с ним. Теперь я понимаю, что возненавидел его с первой нашей встречи. Он напоминал мне одного особенно мерзкого типа из Схолы Прогениум. Одного из старших парней с претензиями на авторитет. Из таких обычно получают комиссары, которые заканчивают свою карьеру, получив выстрел в спину от своих же солдат.

Я не помню его имя. Да его и не стоит помнить. Но его лицо я помню даже сейчас. Помню, как выпучились его глаза, когда я сунул его голову в кормушку с месивом для свиней, и держал там, пока он не перестал дергаться. Я не убил его, если вы об этом подумали. Как я не раз говорил, я не убийца. Я просто оставил его там без сознания, чтобы

его нашли свиньи. Я сказал себе, что если Бог-Император пощадит его, то значит, я был неправ. И когда я увидел, как свиньи пожирают его, я понял, что сам Бог-Император направлял меня.

Я знал это и тогда, когда шел по заброшенным траншеям, а капитан шагал следом за мной. Я знал, что он не попытается просто застрелить меня. Он был не настолько глуп. Также я полагал, что он захочет узнать, что мне известно о заговоре. Захочет узнать, не рассказал ли я кому-то еще. Нет, я знал, что он открыто потребует ответов. Но все равно держал штык наготове. Просто на всякий случай.

Путь был нелегким. Чем ближе мы подходили к вражеским позициям, тем менее стабильной становилась земля. Было даже хуже, чем в предыдущих выходах на разведку. Покинутые траншеи были почти поглощены грязью, над корчащейся, словно в мучениях, землей висела густая завеса ядовитого тумана. Снова мне пришлось надеть респиратор, и его линзы быстро запотели от испарений. Мы двигались по колено в грязи, она кипела и пузырилась вокруг, даже сквозь форму обжигая своими брызгами.

Пути, которыми я ходил раньше, теперь пропали, и нам пришлось искать новую тропу. Вскоре после того, как мы покинули наши траншеи, вдобавок ко всем злоключениям начался дождь. Он был словно смоляной и вонял горелой резиной, оставляя черные потеки на шинели и респираторе капитана и собираясь блестящими лужицами на поверхности грязи.

Часто нам приходилось останавливаться, чтобы не попасть под грязевые оползни и не быть унесенными потоками грязи, или просто чтобы очистить линзы респираторов от черных брызг. Мы взбирались на холмы феррокритовых обломков и пробирались сквозь лощины проволочных заграждений.

Можете мне не верить, но была в этом некая красота. Это было суровое место, но такие условия способствуют укреплению дисциплины. Капитан, однако, не был со мной согласен.

- Чем скорее мы покинем это место, тем лучше, - произнес он, его голос вырывался из-под респиратора резким хрипом. Мы как раз подошли к вражеским позициям настолько, что стали видны передовые укрепления противника. Я снова был поражен тем, как знакомо они выглядят. – Нам не следовало прилетать сюда.

- Трусость наказуема смертью, - сказал я. Я не смотрел на капитана, но чувствовал его взгляд на себе.

- Это не трусость. Это факт. Вы хоть знаете, что мы здесь делаем?

Я не стал утруждать себя ответом. Долг солдата состоит в том, чтобы исполнять приказы. Мы получили приказ направиться сюда. Капитан знал это – или должен был знать.

- Готов спорить, вы даже не задавались этим вопросом, - продолжал капитан. Он запыхался – было трудно идти по глубокой грязи и говорить, но это его не останавливало. Я был удивлен этой неожиданной разговорчивостью. Вероятно, он пытался усыпить мою бдительность, и я решил его не слушать. Если мое молчание и беспокоило его, он никак этого не проявил.

- Нет, только не вы. Только не Валемар, верный пес полковника. Я знал, что вы будете проблемой, как только вы появились в полку. Мы слышали всякое. И мы все знаем, почему полковник просил назначить вас. Он был напуган.

Я остановился. Грязь доходила почти до пояса, и я медленно повернулся, держа руку под шинелью, мои пальцы крепче сжали рукоять штыка.

- Полковник не напуган. Ничего подобного, - сказал я.

Капитан фыркнул.

- Конечно же он напуган. Он боится потерять лицо, потерять свой пост, быть обвиненным во всем этом бардаке. И еще он боится *нас*.

Помолчав, капитан добавил:

- И вас он тоже боится.

Вопреки своему намерению, я не смог удержаться от вопроса:

- Что вы имеете в виду?

- А вы как думаете? – он прошел мимо меня, и я едва не заколол его. Но что-то в его словах задело меня. Я смотрел, как он идет по грязи, спотыкаясь и ругаясь. И я пошел за ним.

Мы подбирались к позициям противника. Ближе и ближе. Мимо разбитых редутов и разорванных проволочных заграждений. Их позиции, как и наши, серьезно пострадали. Я не видел трупов. Не видел даже костей. Никаких следов врага, кроме грохота пушек и пылающего неба над головой.

Капитан остановился и оперся о разбитую ферроокритовую плиту, тяжело дыша. Грязь колыхалась вокруг нас волнами, словно вода на ветру.

Капитан тихо рассмеялся.

- Я знал...

На мгновение я подумал, что он сошел с ума.

- Что?

- Оглянитесь вокруг, Валемар. Что вы видите?

- Позиции противника.

- Да, но... что вы видите?

- Противника, - повторил я.

Он уставился на меня, словно это я был сумасшедшим, и, покачав головой, повел руками вокруг.

- Эти стройматериалы... Они того же образца, что использует Департамент Муниторум. Пушки, которые мы слышим? Они *наши*.

Он явно сошел с ума. Бредил.

- Очевидно, это все украдено, - сказал я. – Мятежники.

- Какие мятежники?! На такой планете, как эта? – он шагнул ко мне, и я отступил назад. Оглянувшись, я понял, что мы оказались в развалинах бункера. Крыши не было, но над поверхностью грязи все еще выступали остатки стен.

- Я знал. Я знал, что он скрывает что-то, жирный ублюдок.

- Кто?

- Брамвелл. Полковник, - он посмотрел на меня. – Вы хоть имя его знаете?

- Не по уставу обращаться к старшему офицеру по имени.

Капитан фыркнул.

- Вы понимаете, о чем я говорю, Валемар?

- Комиссар, - поправил я.

- Даже вы не можете быть настолько слепы, - прорычал он. Его глаза сверкнули за линзами респиратора. Я понял его намерение. Он пытался посеять сомнение в моем разуме. Сломить мою волю. Запутать меня.

- Посмотрите вокруг! Посмотрите же, проклятье!

И, против воли, я все же оглянулся вокруг. И тогда я увидел кости, едва заметные, обернутые в лохмотья обмундирования. Образец формы я не узнал, но он был все же

знакомым.

Капитан снова рассмеялся.

- Все это время мы сражались с другим полком. Кто-то послал нас не на тот участок фронта. Кто-то совершил ошибку, и полковник знает это. Но если он об этом сообщит – всю вину за ошибку возложат на него. Так уж это устроено. Поэтому он и не хочет связываться с командованием. Поэтому он и не приказывает наступать. И вот мы сидим здесь. Мы сидим и... - его плечи поникли – ... и сидим.

На мгновение мне было почти жаль его.

Но лишь на мгновение.

- Ты лжешь, - сказал я. – Полковник – хороший человек. Он хочет лучшего для полка. Поэтому он послал меня сюда.

Капитан посмотрел на меня. Несмотря на респиратор, я чувствовал, что он хмурится.

- Он послал нас сюда, чтобы внушить нам страх Бога-Императора, потому, что он боится, что солдаты будут слушать нас, а не его.

- Как должны бы.

Капитан снова фыркнул.

- Это вы так думаете.

- Неподчинение прямому приказу старшего офицера есть основание для смертного приговора.

- Готов спорить, вы много раз использовали это как повод для казни. Ведь вы убили Гомеса, не так ли?

- Гомес был дураком.

- Он был одним из самых храбрых солдат в полку.

- Неужели? – я искренне удивился. – Если это так, то дела в полку куда хуже, чем я думал.

Капитан держал руку на кобуре пистолета, но не решался вынимать его. Я наблюдал за ним. Наблюдал за его глазами, которые становились то синими, то карими. Я думал, что же это значит. Знает ли он об этом? Хоть кто-то из них знает?

- Ты просто животное.

- Мы все животные, - сказал я, держа руку под шинелью, на рукояти штыка. Я мог выхватить его мгновенно. Но подозревал, что он достанет пистолет из кобуры быстрее. – Единственное, что отделяет нас от зверей – наше чувство долга. Я знаю свой долг – а ты?

- Ты убийца.

- Я – воплощенный гнев Бога-Императора. А ты не человек.

Он изумленно посмотрел на меня.

- Что...?

- Я не знаю, что ты такое... Колдун, мутант, ксенос или что-то еще. Но я вижу знак ереси на тебе, - я указал на свои глаза. - Как видел его на остальных

- Остальных... - его глаза расширились. – Сколько же ты убил?

- Явно недостаточно. Сколько вас здесь? Сколько человек из полка поражены этим? – я выстреливал слова будто пули, пытаюсь вывести его из равновесия. Единственным моим преимуществом было наше уединение. Он не мог стрелять, не привлекая внимание. Мы не видели противника, но оба знали, что он поблизости.

- Поражены...? Ты с ума сошел? Ты меня не слушаешь?

- Я не слушаю еретиков или ксеносов.

- Ты безумец. Я думал, что ты просто глуп. Или упрям. Но ты... ты действительно сошел с ума.

Он вытащил лазерный пистолет. Прекрасное оружие. Рукоять украшена жемчужинами, с золотой насечкой. Оружие богатого человека. Они все были богаты, офицеры. Захолустная знать, искавшая славы на далеких полях сражений. Или нет? Что бы это ни было, оно всегда было в них? Или это что-то другое, что нашло плодородную почву в их испорченных душах? Эти вопросы пронеслись в моей голове, когда я глядел на ствол его пистолета.

- Я не безумец. Я просто вижу яснее, чем тебе хотелось бы. Когда ты понял, что я заметил? – я нахмурился. – В чем ваша цель? Вы служите врагу?

- Слушай, Валемар... - начал он. Но его глаза были синими. Ярко-синими. – О чем ты говоришь? Я только что сказал тебе, здесь нет врага...

- *Комиссар*, - сказал я и нанес удар. Ребром ладони я ударил по стволу пистолета, выбив его из руки капитана в тот момент, когда он выстрелил. Вой лазерного выстрела громко прозвучал в траншее. Я всадил штык ему в живот. Его глаза вылезли из орбит, он вцепился в меня. Его кулак ударил меня по виску, оглушив на мгновение. Он рванулся прочь от меня, прижимая руку к ране в животе.

Поднявшись, я последовал за ним. Я не спешил. Он пытался подобрать свое оружие, но грязь уже поглотила его. Я не слышал ни сирен, ни криков – никакой тревоги со стороны вражеских позиций. Я не тратил время на размышления об этом. Такие тайны сейчас только отвлекают от самого важного. Мой настоящий враг был передо мной, и я хотел получить от него ответы.

«Мы отлично изображаем охотника и жертву», подумал я, пробираясь сквозь лес развалин, где вместо сучьев была ржавая арматура, а вместо мха – колючая проволока. Воздух звенел вокруг нас, горячий и полный напряжения. Не раз мне казалось, что я слышу, будто еще кто-то двигается сквозь руины вместе с нами, но я ничего не видел. Позже я думал, что, наверное, действительно не я один участвовал в этой охоте. Возможно, сам Бог-Император вел меня тогда, как и прежде.

Капитан был храбр, стоит отдать ему должное. Человек или ксенос, он не поддался страху, который, несомненно, испытывал. Но одна храбрость не заменит силу духа. Не заменит веру. Я служил силе, более великой, чем что-либо еще в галактике. И эту силу нельзя отрицать.

Следующий удар штыка пришелся ему в спину. Я целился в почки, так меня учили. Он закашлялся и прислонился к стене траншеи. Я колот снова и снова – чистые удары. Быстрые. Но недостаточные, чтобы убить. Он был большим, и лилось много крови. Как из свиньи. И, как свинья, он визжал, когда я забивал его.

Забивал – подходящее слово для того, что я сделал. Я не горжусь этим, но я не притворщик, и не буду скрывать, что тогда потерял контроль над собой. Я ненавидел его – клянусь Богом-Императором, как я его ненавидел! И я позволил ненависти управлять собой, забыв о дисциплине и чувстве долга.

Снова и снова я вгонял штык в его мягкую плоть. Наверное, я смеялся. Он пришел сюда, думая запутать меня, увести от света Императора. Или, если это не получится, убить. А вместо этого я убью его. Как убью их всех.

Наконец, он рухнул в грязь, хрипя и содрогаясь в конвульсиях. Охряную поверхность грязевого супа украсили кровавые завитки. Он пытался уползти, но грязь держала его. Я склонился над ним, схватив его за волосы.

- Теперь они точно услышат нас, - прошептал я.

И, словно по команде, зазвучала сирена – знакомый звенящий вой, как и у нас. Я услышал голоса в отдалении, и заметил, как мелькают лучи света.

- Как думаешь, они идут помочь тебе? Или убьют нас обоих?

В действительности я не собирался это выяснять, и перевернул его на спину. Его лицо было бледным, взгляд затуманен. Он цеплялся за меня, пытаясь что-то сказать. Его синие глаза, скользнув по мне, устремили взор куда-то мимо, словно видели что-то еще. Я понял, что со слишком большим энтузиазмом исполнял свой долг. Склонившись к нему, я схватил его за толстый подбородок.

- Говори – что ты такое? Каковы ваши намерения?

Но в этот момент его синие глаза снова стали карими, и лицо обмякло. Мне подумалось, что в эти последние секунды жизни, когда он казался другим, словно некое бремя свалилось с его плеч. Как будто мой штык, забрав его жизнь, освободил его душу.

Мне хотелось бы думать, что он принял это как акт милосердия. Что он увидел, как Бог-Император, стоявший за моим плечом, приветствует его возвращение к человечеству. Теперь я знаю, что смерть неким образом освобождала их, хотя как именно – не могу объяснить. Думаю, что поэтому Бог-Император показал мне, как распознавать этих зараженных. Он избрал меня Своим орудием, и я мог лишь следовать тем путем, что Он указал мне.

Голоса становились громче. Вражеские часовые приближались, и не стоило тратить здесь время. Я оставил труп там, где они могли найти его.

Когда я направился в обратный путь, пушки снова начали стрелять.

Мне было над чем подумать, когда я вернулся к нашим позициям. Но времени на размышления у меня не оказалось. Полк был в таком тревожном, напряженном состоянии, какого я раньше не видел. Словно какой-то незримый сигнал прошел по траншеям.

Взгляды преследовали меня. Респираторы на лицах подергивались, когда я проходил мимо, и никто не приветствовал меня ни единым словом. Меня вообще редко приветствовали, но в этот раз было по-другому. В их глазах была такая враждебность, какой прежде не было – по крайней мере, если и была, то не настолько. Словно они знали о том, что произошло, и по своей обычной глупости винили во всем меня.

Когда я шел к докладом к полковнику, небо снова горело, и впереди и позади меня слышался злобный ропот. Я счел необходимым держать руку на кобуре с пистолетом. Мелькнула мысль, не могла ли моя вылазка встревожить противника настолько, что он собрался атаковать. Но прежде чем думать об этом, я решил сначала доложить полковнику. В конце концов, какая разница, если они решили атаковать? Я знал свой долг, и этого было достаточно. Противника следовало уничтожить. Не стоило тратить время на размышления об этом.

Я считаю, если и был в людях вроде полковника какой-то недостаток, то излишняя склонность к размышлениям. Они позволяли себе слишком много думать. Невежество есть сила. Размышляя, человек начинает представлять себе возможности развития событий, и, думая о них, может вообразить и возможность поражения. А думая о поражении, человек может счесть его неизбежным и сдаться этой неизбежности. Воистину верно было написано: «зачем человеку думать, если у него есть вера в Бога-Императора?»

Может быть, в этом и заключается ответ? Может быть, поэтому и случилось... то, что случилось. Но я забегаю вперед.

Офицеры ждали меня в командирском бункере. Их было всего трое. В отсутствие капитана круг доверенных лиц еще более сузился. Среди них не было ни одного с синими глазами. Были они предателями-приспособленцами или просто обманутыми дураками, как эта скотина Гомес, о котором никто не будет плакать? Конечно, это было неважно. Преступление есть преступление, а они совершили худшее из преступлений. Они поставили под угрозу существование полка, и эта угроза сохраняется, пока кто-то не остановит их. Пока я не остановлю их.

- Ну, Валемар? - спросил полковник. Он выглядел так, словно уже давно не спал. Когда он говорил, то оглядывал подчиненных живым глазом. – Какие новости?

- Позиции противника в еще худшем состоянии, чем наши. Целые секции траншей поглощены грязевым супом. Кроме того, они находятся дальше, чем мы предполагали. Карты устарели, их нужно обновить.

- Где Дакко? – спросил один из офицеров. Как и полковник, он выглядел усталым. Но не испуганным или нервничавшим. Скорее... смирившимся. Это меня насторожило.

- Мертв.

Наступила тишина. Полковник закрыл живой глаз, его лицо дернулось. Невозможно было понять, хмурится он – или улыбается.

- Как? – спросил он спустя несколько секунд.

- Противник, - ответил я. Это не была ложь. Его действительно убил противник. Не тот чьи позиции напротив наших, а другой, настоящий.

- Он лжет! – воскликнул один из офицеров. – Как он лгал насчет Гомеса.

- Тихо, Фельц.

- Нет! Дакко был прав. Вы защищаете его, а он грязный убийца. У нас есть доказательства. Мы видели, что он прячет в своем жилище...

Он запнулся, увидев выражение моего лица. Я был прав. Они взломали дверь. Копались в моих вещах.

Я посмотрел на него.

- Это признание?

Он шагнул назад, и его рука скользнула к кобуре. Я выхватил пистолет первым. Но прежде чем я успел выстрелить, полковник ударил меня. Его кулак врезался в мою челюсть, я ударился о стол и упал на пол, пистолет выпал из моей руки. Но не сила удара ошеломила меня, а предательство.

Полковник ударил меня. Он ударил меня, когда я только защищался. И все, что я мог – сидеть на полу и смотреть на него, когда он повернулся к другим.

- Спрячь оружие, Фельц. Или я...

- Он убил Дакко, мы все это знаем! – прорычал другой офицер.

- Мы не знаем. И пока нет явных доказательств, вы будете молчать, - полковник свирепо посмотрел на них, его аугметический глаз сверкал красным. – Моральный дух солдат и так низок, и я не позволю вам ухудшать его необоснованными обвинениями. Это понятно?

Они зароптали. На мгновение я подумал, что они набросятся на него. Они хотели. Я видел это по их глазам. Карие глаза, черные глаза, зеленые глаза. Синих глаз не было. Но капитан успел проделать свою разрушительную работу. Лестью и ложью он совратил их с пути праведности. Как пытался сделать это со мной.

Я знал, что должен убить их. Не прямо здесь, но позже. Казалось, они на какое-то время отступились. Они боялись – не меня, а полковника.

Что-то словно изменилось. Какой-то баланс был нарушен. Если они и имели какое-то преимущество, они его потеряли. Возможно, оно умерло вместе с капитаном. Я до сих пор не знаю.

Полковник отпустил их. И когда они ушли, он улыбнулся. Адьютант принес ему выпивку, и полковник сразу же проглотил ее. Вытерев рот, он заговорил.

- Мы балансируем над краем пропасти, Валемар. В некотором роде нам даже повезло, что Дакко погиб. Он бы толкнул нас в пропасть. У остальных духу не хватит. Теперь, когда его нет, они будут знать свое место.

Я все еще сидел на полу.

- Ну? Вставайте, они ушли.

Я медленно поднялся, все еще не в силах поверить, что он ударил меня, словно я был какой-то собакой. Снова вспомнились слова капитана. Хотя я знал, что это ложь, какая-то часть меня чувствовала, что в этой лжи может быть зерно правды, как бы ни было это отвратительно. Полковник сильно изменился за эти несколько недель.

Я прикоснулся к лицу, и увидел, что пальцы покраснели от крови. Его удар разбил мне щеку.

- Простите эту комедию, - сказал он. – Мне нужно было показать им, что вы у меня на коротком поводке. Понимаете?

- Понимаю.

Я сохранял бесстрастное выражение лица, но внутри весь кипел. И полковник знал это. Я видел это по блеску веселья в его живом глазу. Склонившись, я подобрал свой лазерный пистолет.

В тусклом освещении бункера полковник в своей грязной форме был как никогда похож на животное. В это мгновение я ненавидел его. Я ненавидел их всех. Но его больше всего. По крайней мере, насчет него капитан оказался прав. Полковник сломался – обстоятельства брали свое. Даже сильнейший дух может быть сломлен. Но в своем падении он потянет за собой весь полк.

И в этот момент я понял, кем он был. Он был свиньей, подрывающей изгородь и угрожающей обрушить ее. В нашем долгом сидении на позициях он обленился и опустил, и враг – не тот, что напротив нас – использовал слабость его духа.

- Вы уверены, что понимаете? – спросил полковник. Я удивленно посмотрел на него. Он смотрел не на меня, а на мой пистолет. Я не спрятал его в кобуру. Проглотив комок в горле, я, чувствуя странную неуверенность, убрал оружие.

- Вы же знаете, я не смогу защищать вас все время, - продолжал полковник. Его голос был мягким. Спокойным. – Вы храните контрабанду в своем жилище. Если солдаты узнают об этом...

- Храню контрабанду? – эти слова оставили мерзкий привкус. Что он имел в виду? Я конфисковал контрабанду, но она не была *моя*. Я не *хранил* ее. Она просто была там.

Он отвернулся.

- Мне не нужна защита, - сказал я. – Тем более защита от них.

- Я знаю, что вам было нелегко, Валемар. Нам всем пришлось нелегко...

- *Комиссар Валемар*, - сказал я.

Он продолжал, словно не слышал меня.

- Но это скоро закончится.

Его аугметический глаз повернулся ко мне, линза горела багровым. Я уже стал

ненавидеть этот глаз. Я начал думать, что же он в действительности видел. Можно ли верить тому, что он видел? Машины, как и люди, уязвимы к порче – мусорный код может осквернить самые благословенные механизмы. Я подумал о всей этой аугметике в голове полковника, о его все более неряшливом поведении, и задумался, был ли он все еще прежним человеком. Или уже кем-то другим.

- На какое-то время это должно прекратиться, - сказал полковник. – Дакко был последним. Больше никаких убийств. Пока не закончится эта проклятая кампания.

Снаружи снова загремели пушки. Грохот разрывов сотряс бункер, зазвенели кружки на столе, и зашуршали пикт-снимки и карты на стенах. Тени танцевали, и в них я видел такие вещи, которые человек не должен видеть. В грохоте орудий мне послышалось хрюканье свиней. Эти звуки слились в моей голове, обрушившись на меня. Я смотрел на полковника, видел, что его губы шевелятся, но не слышал его. Слышал только грохот.

Какого цвета был его живой глаз? В тот момент я не мог вспомнить. И невозможно было разглядеть его в тусклом освещении бункера, где красное сияние его аугметического глаза окрашивало все в кровавый оттенок.

Он все еще говорил, но я уже не слушал его. Я принял решение, хотя тогда еще не вполне понимал это. Я позволил всему этому зайти слишком далеко. Боясь за себя, я не исполнил свой долг и подвел полк. Что-то следовало сделать, и я был тем, кто обязан это сделать. Это была моя ответственность. Мой долг.

Тогда я понял, что это слабость полковника позволила инфекции распространиться. Из-за его некомпетентности полк был запятнан скверной. Его, не моей. Капитан был по-своему прав.

В своих мыслях я уже видел, как мой выстрел поражает его в эту ненавистную красную линзу. Быстро. Чисто. Я чувствовал на своем плече руку Бога-Императора, направляющую меня.

Позже я думал, как полковник увидел, что я собираюсь сделать. Был ли у него свой дух-хранитель? Или, может быть, его аугметика обнаружила и рассчитала мои движения, когда моя рука лишь дернулась. Как бы то ни было, он узнал. Он увидел.

И тогда он ударил меня. Сильно. Сильнее, чем раньше. С такой силой, что выбил воздух из моих легких, и я отлетел назад, и, хрипя, врезался в стену. Я не успел выхватить пистолет, как полковник отшвырнул стол и бросился на меня. Кружка с холодным рекафом ударила меня в висок, и я упал на одно колено, голова раскалывалась от боли.

Его большие руки схватили меня за горло и вздернули на ноги. Я помню, что был удивлен его силой. Он хорошо скрывал ее. Он ударил меня о стену раз, два, и стал душить, а я тщетно пытался оторвать его руки от своего горла. Его аугметический глаз злобно уставился на меня, красный и яростный.

- Ты с ума сошел? – прорычал он. – Ты окончательно потерял разум? Я пытаюсь помочь тебе, дурак.

И тогда я увидел его глаз. Его живой глаз, словно ярко-синий мрамор. Как у свиней. Как у того вопившего идиота. Как у капитана. Оба глаза, красный и синий, злобно смотрели на меня.

Мой пистолет все еще был в кобуре. Я пытался найти дыхание, чтобы ответить ему, но не мог. Я хотел проклясть его. Сказать ему, что это он сумасшедший, а не я. Что они все сумасшедшие.

Говорят, озарения часто приходят в моменты сильнейшего стресса. Когда тебя душит

твой командир, я думаю, это достаточно сильный стресс.

Оно было таким ясным. Таким ужасно, чудовищно ясным.

Как я и боялся, что-то распространялось среди них. Некая заразная био-чума, или миметическое колдовство. Вот что это было. Уловка врага, или что-то в воздухе этого мира. Откуда бы оно ни взялось, оно пожирало полк, словно раковая опухоль, убивало его тело и душу. И здесь был его источник, хотя я убеждал себя в обратном. Полковник впустил его, и оно распространялось.

Поэтому Бог-Император послал меня к нему. Чтобы помочь ему. Чтобы помочь им всем. Был лишь один способ остановить это. Лишь один способ спасти полк.

Пока полковник душил меня, я все-таки сумел выхватить лазерный пистолет. Уткнув ствол под его толстые подбородки, я выстрелил, и лазерный луч сжег его мозг. Его руки конвульсивно сжались, и я едва не потерял сознание. Но потом его хватка ослабела, и он пошатнулся, издав звук, которого я прежде не слышал. Из его открытого рта и механизмов аугметики пошел дым. Красный глаз потускнел, и его сияние сжалось в одну точку, прежде чем совсем погаснуть.

Он упал, расколов стол своей тяжестью, и замер неподвижно. Больше не полковник. Приговор был приведен в исполнение. Держась руками за горло, я оттолкнулся от стены. Мое сердце колотилось, словно собираясь сломать ребра, и я чувствовал себя так, будто весь разваливаюсь. Я смотрел на него, пытаюсь примирить себя с действительностью.

Это было необходимо. Я должен был это сделать. Ради блага полка. Но легче от этого не было. Я не чувствовал удовлетворения, как тогда, когда казнил других. Напротив, я чувствовал себя отвратительно. Теперь я знал. Знал, что боролся не просто с разложением и потерей дисциплины, а с чем-то куда более коварным. Возможно, люди, которых я убил, были не просто трусами, уклонявшимися от исполнения долга, а... больными. Даже капитан, хотя я его и ненавидел.

Я отбросил эти чувства. Все приговоры были вынесены справедливо. Никто не мог упрекнуть меня за мои действия. Мое единственное преступление состояло в том, что я до конца не замечал, насколько далеко все зашло.

Это был мой долг.

И я намеревался исполнить его.

От этой чумы было лишь одно лекарство. Ее следовало выжечь. Чтобы предотвратить ее распространение, требовалось уничтожить всех зараженных. Убивать их одного за другим было тщетной затеей. Неизвестно, насколько распространилась эта инфекция. Полк был заражен, и чтобы остановить чуму, требовались решительные меры.

Был только один известный мне способ сделать это. Но чтобы прибегнуть к нему, необходимо было пройти по траншеям в тыл. Я не стал прятать труп полковника. Только убийцы прячут доказательства своих деяний. Да и едва ли в бункере можно было спрятать тело так, чтобы его не нашли. Как невозможно было выйти из бункера без риска быть обнаруженным.

Я все еще сожалею, что оставил его там. Когда-то он был хорошим человеком. Он дал мне цель – полк, который я мог назвать своим. Это было самое доброе дело, которое кто-то когда-либо сделал для меня. А я отплатил за это, убив его. Я не раскаиваюсь в этом, потому что это было необходимо, и он уже не был тем человеком, которого я знал. Но даже я не настолько бессердечен, чтобы забыть то, что было раньше.

Когда я вышел из командирского бункера, то увидел, что траншеи охвачены хаосом.

Грохот разрывов, жар, паника – все это обрушилось на людей в ограниченном пространстве траншей. Я слышал, как булькает поднимающаяся грязь, и понял, что земля стала особенно нестабильной. Но все это было только мне на руку. Чем дольше они не понимают, что происходит, тем лучше. Я знал, что не могу доверять никому. Скверна в полку проникла слишком глубоко. Даже не зараженные могут быть соучастниками. А если даже и нет, то разве они поймут? Способны ли они осознать священную необходимость, которая движет мной?

Я знал, что надеяться на это не стоит.

Пробираясь сквозь царившее вокруг смятение, я направился к укрепленному бункеру, расположенному за передовой линией траншей. В нем хранились боеприпасы и аккумуляторы для лазганов. Другие бункеры были лишь квадратными коробками из феррокрита, а этот был крепостью.

Перед входом на постах стояли часовые. Здесь всегда стояли часовые и ходили люди, несмотря на грохот орудий и пылающие небеса. Курьеры несли сообщения, сервиторы катили тележки с боеприпасами – непрерывный поток свидетелей. Но я в тот момент уже не думал об этом.

Как я и подозревал, часовые были заражены. Они встретили мой взгляд синими глазами, небрежно отсалютовав. Больше они даже не трудились притворяться.

- Я должен проверить бункер, - сказал я.

- По чьему приказу? – хрипло спросил один.

Я удивленно моргнул.

- Согласно своим полномочиям.

- Простите, комиссар, но полковник приказал...

Я застрелил его. Не успел его товарищ повернуться ко мне, как я выхватил штык и всадил ему в горло, под респиратор. Повернув штык, я вырвал его, из раны хлынул поток крови. Я знал код замка и открыл дверь в бункер, не обращая внимания на изумленные лица свидетелей.

Услышав крики и сирены в траншеях, я подумал, что вероятно, тело полковника нашли. У меня оставалось мало времени. Чтобы спасти полк, следовало уничтожить чуму.

Внутри бункер был разделен на множество отсеков, попасть в которые можно было из центрального зала. В этом зале хранилась большая часть боеприпасов. Также в нем были когитаторные модули, управлявшие предохранительным устройством, которое при необходимости позволяло подорвать бункер.

В случае если траншеи будут захвачены противником, части полка должны были отступить к этому последнему редуту и ожидать подкреплений. Если это было невозможно, бункер следовало уничтожить с помощью предохранительного устройства, встроенного в его фундамент. Если поражение было грехом, то еще большим грехом было позволить противнику захватить ценные боеприпасы.

Только три человека знали коды управления предохранительным устройством. Одним из них был полковник. Другим – я. И третьим – офицер по боепитанию.

Поэтому следующей я убил ее.

Вы можете усомниться, была ли в этом необходимость, но все было достаточно просто – то, что один из нас мог активировать, другой мог отменить. Она могла быть заражена, а я не мог рисковать, и застрелил ее. Но я сделал это с сожалением, и, можно сказать, милосердно. Она даже не увидела, как это произошло. Это было прискорбно, но необходимо.

Мой долг требовал этого. Я думаю, что если бы она была осведомлена о всей тяжести ситуации, то согласилась бы с принятым мною решением.

Она была суровой женщиной, седоволосой, с удлинённым лицом. Своими владениями она управляла с эффективностью, достойной восхищения, и наши пути пересеклись лишь однажды, когда я расследовал случай воровства. Судя по всему, она была вполне довольна моим решением проблемы – казнью виновного. Вот почему я считаю, что она бы поняла меня. Думаю, как и полковник, она знала, что только я стою между полком и анархией.

Я увидел ее раньше, чем она заметила меня. Она спешила к входу в бункер, держа одну руку на кобуре с пистолетом, за ней следовали два сервитора. Это были уродливые существа – слишком мало плоти и слишком много механизмов. Смерть выглядит милосердной участью, если сравнить ее с превращением в сервитора. Я часто думал, осталось ли в их изуродованных черепах хоть что-то от тех, кем они были раньше. Или весь этот металл и кабели стерли из них все следы личности?

- Комиссар? – спросила она. – Что-то случилось? Вы редко покидаете фронт. – Она прислушалась, - Что это за сирены? Что происходит?

- Полковник мертв, - быстро сказал я. – Мы атакованы.

- Полковник... - ее лицо побледнело. – Как?

- Нет времени. Пойдем. Отведите меня к когитаторам.

- Что? Но... - она замолчала и шагнула назад, ее глаза прищурились. Ее рука скользнула к пистолету, и она повернулась к сервиторам, очевидно, чтобы отдать им приказ. Но мой выстрел заставил ее замолчать. Я не знаю, что выдало меня. Это могло быть что угодно. Возможно, она прочитала это по моим глазам. Сервиторы равнодушно смотрели, как она свалилась на пол. Когда стало ясно, что она больше не сможет отдавать приказы, их глаза повернулись ко мне.

Я указал лазерным пистолетом на вход.

- Охранять вход в бункер. Никого не пускать. Разрешено использовать смертельное оружие.

Они протопали мимо, подвывая сервоприводами. Они будут исполнять мой приказ, пока их не уничтожат, или пока другой офицер не отдаст им другой приказ. Так или иначе, они должны выиграть для меня время.

Я быстро прошел по залу мимо стоек с оружием и боеприпасами. Предохранительное устройство располагалось у дальней стены зала, где в нишах размещались когитаторы. Ниши были встроены глубоко в укрепленные стены, когитаторы тускло светились во мраке зала. Подключенные к ним сервиторы шептали предписанные гимны, чтобы успокоить машинные духи когитаторов. В полку была нехватка технопровидцев и техноадептов, хотя в тот момент я был только рад этому.

Но когда я подошел к когитаторам, то услышал позади характерное шарканье ботинок по феррокриту, и чей-то голос произнес:

- Валемар.

Вздвогнув, я обернулся, схватившись за лазерный пистолет. Я увидел знакомое лицо – адъютант полковника. Что он мог делать в складском бункере? Я получил ответ на этот вопрос, когда адъютант достал оружие – тяжелый автопистолет. Не по уставу, но адъютанты старших офицеров часто позволяют себе такие исключения. Тем не менее, я взял это на заметку.

- Ты убил его, - тихо произнес он. – Ты, злобный тупой ублюдок – зачем ты убил его?

За его словами последовал первый выстрел. Я успел метнуться в сторону и укрыться за феррохитовой стойкой. С колотящимся сердцем я выхватил свой лазерный пистолет. Странно, как он смог пройти мимо сервиторов? Но потом я подумал, что, будучи адъютантом полковника, он, вероятно, знал соответствующие ритуалы.

- Ты не понимаешь, - крикнул я. – Это было необходимо. Он был заражен. Если бы ты позволил мне объяснить...

Снова громыхнул автопистолет, в закрытом пространстве бункера звук выстрела был особенно громким. Скоро эти выстрелы привлекут внимание. Я знал, что должен действовать быстро. Но я не хотел бы убивать невинного человека. И когда эта мысль посетила меня, я задумался, был ли адъютант невинным.

Если полковник был заражен, как мог его адъютант избежать этого? Тогда я понял, что противнику известен мой план, и он пытается помешать мне. За этой мыслью последовали новые выстрелы, загоняя меня еще дальше в угол зала.

Конечно, он был одним из них. Сейчас я вспоминаю об этом и понимаю, как глупо было думать иначе. Конечно, он был одним из них. И, скорее всего, с самого начала. Все время рыскал повсюду, все вынюхивал, шпионил для своего начальника. Подслушивал разговоры. Если бы я был более бдительным, то понял бы это раньше, и нашел бы повод казнить его. Но моя верность полковнику ослепила меня. Сделала меня небрежным.

Разозленный этой мыслью, я быстро бросился в сторону, надеясь обойти его, прежде чем он снова заметит меня. Я знал, что если смогу прицелиться в него, эта схватка быстро закончится.

- Ты где, Валемар? – закричал он, эхо его голоса странно звучало в пространстве зала. – Выходи!

- Сначала ты, - ответил я. Разговаривая с ним, я старался отвлечь его. – Как ты нашел меня?

- Я следовал за тобой, а ты не заметил. Ты не слишком-то наблюдателен, Валемар.

Честно признаюсь, что его слова уязвили меня. Он был прав. Я был не наблюдателен. Я не выполнил своего долга в отношении полковника и полка. Но я намеревался это исправить.

- Возможно, и нет, но теперь я знаю, кто ты, - сказал я. – Сначала я думал, что главарем был капитан. Потом полковник. Но теперь я знаю правду. Это ты. Это все время был ты. Повсюду шнырял, подслушивал, шпионил. Все это твоих рук дело. Но у тебя ничего не выйдет. Теперь я знаю, и остальные тоже скоро узнают. Я сообщу командованию. Я...

Я застыл, и слова замерли на моих губах, когда я услышал позади щелчок автопистолета.

- Повернись, убийца.

Я медленно повернулся. Адъютант злобно смотрел на меня поверх ствола своего оружия, его глаза были словно куски льда. Автопистолет был нацелен мне в голову.

- Брось оружие.

Я бросил свой лазерный пистолет. Адъютант нахмурился.

- И другое.

Неохотно я вытащил штык из кармана шинели и бросил на пол. Адъютант кивнул, его невыразительное лицо было мрачным.

- Я говорил ему, - сказал он, словно я задал ему вопрос. – Я говорил ему, что тебе нельзя доверять. Все эти «инциденты» еще со времен Схолы Прогениум. Даже его друзья в командовании предупреждали его. Говорили ему, что ты бешеный пес. И твое место только в

штрафном легионе – или перед расстрельной командой. Но он не послушал. Он думал, что ему нужен такой как ты. Что он сможет контролировать тебя. А ты убил его.

- Он пытался убить меня.

- Заткнись, Валемар. Тебе конец.

- *Комиссар*, - сказал я.

Он нажал на спуск. Признаюсь, в этот момент я был уверен, что исполнение моего долга подошло к концу. Вся моя жизнь промелькнула перед глазами. Моменты удовлетворения и разочарования сменяли друг друга в памяти. Я увидел, как каждый враг, которого я убил, взвыл от радости. Но Бог-Император был тогда со мной, как Он со мной сейчас.

Вместо выстрела раздался лишь жалкий щелчок. Автопистолет был пуст – или, возможно, его заклинило. Я улыбнулся.

- Бог-Император за моим плечом, и я не познаю страха, - сказал я. – А тебе стоило бы лучше соблюдать огневую дисциплину. Напрасная трата боеприпасов наказуема.

Я схватил его, прежде чем он успел убежать. Он отбивался, как загнанное в угол животное, тяжело дыша и злобно ругаясь. Но он не был солдатом. Он был просто слабым стариком. Стариком с ужасно синими глазами. Не буду притворяться, что не получил удовольствия, избивая его. Я вырвал автопистолет из его рук и стал бить его рукоятью.

Он стонал и цеплялся за меня. Возможно, просил пощады. Но тщетно. Таким тварям не может быть пощады. Угрожать полку Астра Милитарум значит угрожать Империи и Самому Богу-Императору. Ибо Бог-Император есть Империя и все, кто служит ему. Но отвернувшиеся от света Его будут ввергнуты во тьму внешнюю, дабы рыдать там целую вечность.

И я бил его, пока рукоять автопистолета не сломалась. Я отбросил обломки и склонился над ним. Он был еще жив. А пока он жив, полк был в опасности. У меня не было выбора.

- Ваша ошибка была в том, что вы оставили меня в живых, - сказал я, схватив его за горло. До штыка и лазерного пистолета было не дотянуться, но иногда и лучше убить врага голыми руками. – Если бы вы убили меня сразу, я не смог бы обнаружить никого из вас. Но я вас обнаружил, и теперь убью вас всех, грязные твари. Кем бы вы ни были, вы не сможете осквернить душу этого полка.

Он хрипел и задыхался, вцепляясь в мои руки, его окровавленное лицо стало фиолетовым. Из-за этого его синие глаза стали заметны еще сильнее, и когда они выпучились, я крепче сжал его горло.

- Вы не сможете, - повторил я. – Я вам не позволю.

Его шея сломалась, хрустнув в моих руках. Я сел на пол, чувствуя прилив адреналина. Я ждал, когда его глаза станут первоначального цвета, какими они были, пока инфекция не коснулась его. Но его глаза не менялись, и я подумал, что, наверное, они всегда были синими. Или, может быть, он был их главарем все это время – паук, плетущий свою паутину на самом виду.

В моем разуме пронеслись варианты событий, один другого страшнее. Но какой бы из них ни оказался верным, все они имели смысл. Как адъютант полковника, он мог пройти где угодно, и никто не обратил бы на него внимания. Что могло бы служить лучшей маскировкой для такого существа – каким бы существом он ни был? Я до сих пор не знаю, кем он был. Да это и неважно. Я знал моего врага. Я знал, как его остановить. Мне не было необходимости знать его имя.

Шатаясь, я поднялся на ноги. Выли сирены. Мои руки сводило болью. Если вы никогда не душили другого человека, вы не можете представить, как болят потом пальцы и ладони. Но, несмотря на боль, было в этом что-то, приносящее глубокое удовлетворение. Даже дикую радость. Признаюсь, я чувствовал ее. Пусть все враги человечества встретят свой конец от рук честных людей.

Я прошел мимо стоек с оружием к нише с когитатором управления. По пути я взял лазган и запасные аккумуляторы к нему. Если мой план увенчается успехом, у меня не будет времени перезарядить оружие обычным способом.

Добравшись до предохранительного устройства, я увидел, что его достаточно просто включить и активировать. После этого прикладом лазгана я разбил панели когитатора, чтобы не позволить отключить его, и выключил сигнал тревоги. Приговор вынесен и будет приведен в исполнение без предупреждения. Потом я поднялся на верхний этаж бункера, пройдя по скрипящим мосткам и феррокритовым ступенькам.

Оказавшись на крыше бункера, я огляделся. Сверху открывался вид на ближайшие траншеи. Под пылающим небом, словно насекомые, туда-сюда суетились солдаты. Услышав выстрелы внизу, я понял, что кто-то обнаружил убитых часовых и вступил в бой с серверами. Скоро они добрались бы и до меня, если бы я остался там. Я прошептал молитву Богу-Императору и, доверившись Его защите, спрыгнул с крыши бункера в грязь. Что-то хрустнуло во мне, когда я приземлился, и, показалось, я не могу дышать. Но все же я поднялся на ноги. Время было против меня. Оставалось лишь несколько секунд, чтобы убежать как можно дальше от бункера.

Взрывом меня сбilo с ног и подбросило в воздух. Ребра треснули, когда я ударился о землю, но не выпустил из рук оружие. Жуткая боль охватила меня, но долг заставил подняться на ноги и следовать дальше. Небо пылало – на этот раз не от огня орудий, а от взрыва бункера. И земля тряслась, словно раненое животное в агонии.

Понадобился лишь один хороший удар в правильном месте. Траншеи содрогнулись и стали осыпаться. Не отдельные участки, а вся сеть. Каждая траншея, каждый отрезок – все исчезло под бешеным потоком кипящей грязи. Я услышал поднявшиеся вопли, потом раздались взрывы, когда наши пушки стали проваливаться в грязь. Новые взрывы слышались в дальних траншеях, и огонь в небе разгорался все ярче. Словно сияние света Бога-Императора, сжигающего врагов Его.

Я бежал сквозь туман и дым, тяжело дыша, несмотря на опасность, мимо рушащихся траншей. Я направлялся к пункту, который выбрал заранее – возвышенности, где земля была достаточно твердой.

Единственное безопасное место было на возвышенности над линией траншей. Большинство солдат полка не успели выбраться из траншей и утонули в грязи. А тех, кто успел, на возвышенности ждал я. Это был единственный способ удостовериться. Единственный способ спасти полк от ужасов, которые укрылись внутри него.

Иногда спасение можно найти лишь в смерти.

Я должен был быть уверен. Я не мог позволить спастись никому. Бог-Император поставил мне задачу, и я был твердо намерен выполнить ее. Я стоял, освещенный пламенем, окутанный дымом, и ждал, когда первые выжившие стали выбираться на возвышенность, кашляя и задыхаясь. По виду обычные солдаты. Окровавленные, грязные, израненные.

С синими глазами.

И тогда я услышал ветер. Я услышал его, и мне показалось, что в нем звучит голос.

Голос божественной воли, которая движет нами всеми. И я знал, что иду верным путем.

Я застрелил первого из них. Я застрелил их всех. Одного за другим. Несомненно, я казнил и невинных вместе с виновными в этом хаосе. Я не помню, были у них всех синие глаза, или нет. Тем не менее, я расстреливал их, пока не осталось никого, и слышно было только бульканье грязи и грохот вражеских орудий, обстреливавших уже несуществующие позиции.

Я должен был убедиться. Я должен был быть уверен.

Я уверен.

После я был взят под арест. Не буду утомлять вас подробностями тех последних дней. Противник – бежал. Я не сомневаюсь. Или, может быть, и не было никакого противника. Может быть, это был заговор зараженных изменников с целью натравить верных солдат Империи друг на друга. Все, что я знаю – что солдаты другого полка, такие же грязные, измученные и с пустыми глазами, нашли меня, сидевшего в грязи, с пустым лазганом в руках.

Были разговоры о военном суде, даже о казни. Но это были только разговоры. В конце концов меня отпустили. Меня судил совет комиссаров. Только комиссары могут судить комиссаров. Я не сделал ничего, что было бы признано неправильным. Не допустил очевидных нарушений. Я лишь исполнял свой долг. Мне сообщили, что когда дело будет решено, меня назначат в другой полк, и я был доволен этим решением.

Но все равно иногда я думаю. Думаю, действовал ли я правильно, или мои действия позволили кому-то из них спастись. Эти мысли посещают меня, когда я краем глаза замечаю, как мелькнет что-то синее.

Я часто думаю о словах адъютанта, которые он сказал перед смертью. О друзьях полковника в командовании. Что они предупреждали его остерегаться меня. Может быть, эти синеглазые дьяволы скрываются и в высших эшелонах Муниторума? Может быть, они прячутся среди миллиардов подданных Империи? Может быть, они следят за мной, даже здесь и сейчас?

Надеюсь, что нет. Если это так, думаю, они не совершат одну и ту же ошибку дважды.

Но я ищу их. И если увижу одного из них, я знаю, что должен делать.

И этого достаточно.

ТИШИНА

ЧАСТЬ 2

- Вот что я помню, - сказал Валемар. Он напрягся, услышав поблизости звон погребальных колокольчиков. Обернувшись, он заметил, как похоронный сервитор идет по улице, прижимая к своему нечеловеческому туловищу мертвое тело, укрытое саваном.

Неизвестно, куда они уносили мертвецов – и зачем.

- Их готовят к погребению, - сказал Маррикус, словно прочитав его мысли. – Это традиция. Они на некоторое время оставляют мертвых наедине с самими собой, а потом уносят вниз, где... очищают и готовят к погребению.

- Очищают? – спросил Валемар. Его голова все еще болела. Казалось, будто в черепе образовалась трещина, через которую в голову проникал свет и жар. Было такое ощущение, что мозг жарится, и трудно было сосредоточиться на одной мысли.

- Удаление органов, снятие кожи, ритуальная резьба по кости.

- Тоже традиции, - произнес Валемар.

- Да.

- Ненавижу это место, - сказала Вендерсен. – Почему они следят за нами?

Она кивнула на пару сервиторов в отдалении, неподвижно стоявших среди катафалков. Автоматоны некоторое время смотрели на них красными немигающими глазами, потом разошлись в разные стороны. Вскоре они скрылись в тумане, и единственным признаком их присутствия был звон колокольчиков.

- Может быть, они слушали историю комиссара, - предположил Маррикус. Он почесал грудь, и на мгновение Валемару показалось, будто что-то движется под одеяниями священника. Но это была лишь игра света.

- Больше похоже на исповедь, - поморщилась Вендерсен. – Думаю, они были правы. Вы безумец. Только сумасшедший мог придумать такую историю.

- Возможно, и нет, - сказал Маррикус. – В своих путешествиях я слышал и более странные истории.

- Не сомневаюсь, - она провела рукой по волосам, и, глядя на нее, Валемар вдруг увидел, что она больше не была собой. Вместо нее перед ним стояло что-то растерзанное, красное и... мертвое. Кровоточащая маска из разорванного мяса вместо лица скалилась рядом зубов. Ее руки до локтей были багровыми, и повсюду была кровь. Валемар встряхнул головой, прогоняя ужасное видение.

- В чем дело? – спросила она, и Валемару показалось, что он слышит что-то в ее голосе. Вздрогнув, он понял, что пристально смотрит на нее.

Она сжала кулаки.

- На что это вы уставились?

- Ни на что, - ответил он, потирая виски. – Давайте послушаем вашу историю? Я рассказал вам, что помню. Как насчет вас?

Она отвернулась.

- Я...

- Это будет честно. Он рассказал нам свою историю, - заметил Маррикус.

- Тогда почему бы вам не рассказать свою, священник? – огрызнулась она.

- Чего вы так боитесь? – спросил Валемар.

Какое-то время она не отвечала. Потом, наконец, запинаящимся голосом начала рассказывать.

ЖЕНЩИНА В СТЕНАХ

- Вывести ее из строя, - приказала я. Именно так я и сказала.

Вывести из строя.

Верно говорят – нельзя доверять савларцам. Среди нас, ноктайцев, само это слово считается ругательством. Если вы проведете десять минут в одной комнате с этой наркоманской мразью, то выйдя, обнаружите, что владеете куда меньшим количеством вещей, чем было, когда вы вошли. Если вам не повезет встретить моих старых «товарищей по оружию» из 270-го, то вы можете и вовсе не выйти.

Следовало бы знать, что эти идиоты перегнут палку. Штрафной легион навсегда останется штрафным легионом, что бы там ни говорилось в этом их Великом Прощении. Вероятно, я подозревала, что они примутся за старое, если я не буду их контролировать. Возможно, поэтому я им и платила – потому что так я могла делать вид, что я ни при чем. «Типичное поведение Лины», как сказала бы Маризель. Словно эта самодовольная аристократка и я были подругами.

Мы не были подругами.

Думаю, постфактум все это легко понять. Маризель Торн была полевым командиром Ноктайского 337-го, ради Терры, и, конечно, она бы не сдалась, не проломив сперва несколько черепов. Просто повезло, что больше никто не понял, что в действительности произошло. Но формально моя репутация осталась незапятнанной, хотя я все эти дни не могла нормально спать.

Следовало ожидать, что они устроят это на задании, где мне требовалась полная скрытность. От чего больше всего выигрывают химо-псы (если не считать их наркоты и торговли краденым) – от того, что их обычно недооценивают, и еще больше от своей непредсказуемости. Они это любят. Их это *опьяняет*. Их коварство и боевые навыки обычно не замечаются в свете того факта, что все, кому приходится сражаться вместе с ними, считают их ворами, мародерами и отморозками – даже каннибалами. И не без причин, скажу я вам. Кое-кто из них, когда приходилось особенно нелегко, опускался и до такого, это я знаю достоверно. Иногда на фронте у тебя просто нет выбора. У меня действительно не было выбора, когда мы умирали от голода в горах Геродда.

Я честно купила повинование савларцев из 270-го. И что сделали мои боевые псы? Как только они мне действительно понадобились, они все изгадили. Наркоманами легко манипулировать – до определенного момента.

Но я выбрала их не просто так. Савларцы – настоящие бойцы Астра Милитарум, дс мозга костей, и я не раз пользовалась их услугами в прошлом. Те, кто видел, как они сражаются, знают – они одни из самых свирепых убийц в рядах Гвардии.

Однако Маризель этого не понимала. Такие высокомерные аристократишки никогда не унизятся до того, чтобы сражаться вместе с простыми солдатами в траншее. Не будь она такой, вероятно, она могла бы остаться в живых, пусть и для того, чтобы влачить жалкое существование со всеми нами.

Первый Капитан Маризель Торн служила вместе с перворожденными сынами Вострой,

Вентриллианскими дворянами, и наконец вместе с Бульвадтом из Мордианской Элитной Гвардии. За свою блестящую пятнадцатилетнюю карьеру она не заработала ни одного шрама, но это не мешало ей бесконечно хвастать рассказами о своих кампаниях, словно она была героем войны на пиру победы.

Зубы Императора, меня до сих пор передергивает, когда я вспоминаю, как она пересыпала свои речи терминами вроде «мета-стратегия» и «выдающиеся полки». Для меня это означало полки, где больше интересуются тем, какие серебряные приборы подать к обеду в офицерской столовой, чем расположением вражеских огневых точек. Какая разница, сколько солдат вам придется послать против превосходящих сил врага, если ягодное суфле стынет? Несомненно, она отлично вписывалась в общество этих привилегированных дураков.

Как-то я услышала, как Джекен Отто, один из наших ноктайских ребят, назвал Маризель «ангелом». Я чуть не блеванула. За это я сочинила на него затейливое обвинение в богохульстве, и он у меня неделю чистил сортиры.

Она хоть раз в жизни участвовала в бою? Ей хоть раз приходилось очищать штык от крови, выдавливать глаза врагу в рукопашной, чувствовать запах сгоревшего аккумулятора лазгана? Очень сомневаюсь. Нет, она просто отсиживалась в штабах, переходя из одного в другой. А я заслужила свое звание тяжелым трудом. Заплатила за него тремя десятками лет крови, смерти и кошмаров. И знаете что? Я снова оказалась на втором месте.

Это мне просто надоело. Надоело настолько, что пора было что-то с этим делать.

Когда полевой командир Болл Гёртен получил пулю в грудь от мятежников, я приложила все силы, чтобы занять его место. По слухам соперничество за этот пост шло между Ее Императорским Высочеством и мной. Тренард намекнул, что больше никто не мог составить нам конкуренцию.

У меня, как у настоящей ноктайской крысы, было важное преимущество перед Маризель – стойкость и терпеливость. Мне пришлось тогда проделать огромную работу, сея семена успеха. Но хорошо известно, что мы, ноктайские пехотинцы, никогда не сдаемся. Особенно это верно в отношении наших женщин. Моя старая боевая подруга Викс Денштадт как-то сказала мне, что я своей карьерой сильно способствовала укреплению этой репутации. Это приятно вспомнить.

Я терпеть не могу сидеть сложа руки, особенно когда время против меня. Поэтому я задействовала все связи, удвоила усилия на всех фронтах и организовала три успешных наступления. Кроме того, я привлекла к делу моих старых друзей из 270-го, они распространяли все грязные слухи, какие я только смогла собрать о Маризель, была ли это полуправда или откровенная выдумка.

Но в ту же неделю она захватила дворец мятежного губернатора без единого выстрела, одними словами заставив его сдаться. Сэкономлены ресурсы, сохранены жизни – здорово. Самодовольная святоша в очередной раз укрепила свой благочестивый до тошноты образ. Но кто гарантирует, что агенты Великого Врага снова не заставили бы этих трусливых дураков перейти на их сторону?

Однако старый Бульвадт так не считал. Рациональность – это оружие, как он любил твердить нам при любой возможности. Эту мантру вбил ему в мозги его начальник, деспотичный ублюдок, которого мы прозвали Мясником Ноктая, за то, что он отправил в мясорубку три миллиона наших. Очень рационально. Бульвадт успел послать на смерть пока только около половины этого числа. Старый мордианский кретин вообразил себя Махарием

нашего времени.

И когда Бульвадт свалился от сердечного приступа, он передал командование Маризель. Со стороны Экклезиархии возражений, разумеется, не было. Еще бы, на каждой церковной службе она стояла впереди всех. Бульвадт и его приятели-святоши раздулись от гордости, когда Ее Высочество открыла ворота дворца меньше чем за день. Их плохо скрываемая увлеченность ею оправдалась. Меня просто тошнит при одной мысли об этом.

В своем докладе она сообщила, что побуждением действовать именно так для нее послужил тот факт, что «мы» потратили целую неделю, пытаясь разрушить ворота «без всяких результатов». Трон Святой, она так и сказала. Я до сих пор помню эти ее высокомерные слова. А под словом «мы» она, конечно, имела в виду «Лина» - я заметила, как она покосилась на меня, и не я одна.

И вот через месяц после своей «чудесной» победы Маризель стояла у подножия статуи Императора Вознесенного в Унг-Тем-Сити – вытянулась, будто кол проглотила – на церемонии присвоения ей звания полевого командира первого класса. Я, как капитан, хотя и второго класса, должна была стоять в первом ряду на этом спектакле. И я стояла по стойке смирно три часа на жаре в парадной форме. Пот лился по спине, а парадные сапоги жали как пыточные тиски. В конце даже пришлось салютовать ей. Меня чуть не стошнило, когда пришло время повторять клятвы.

Именно тогда я твердо решила, что Маризель Торн недолго быть на этом посту.

Трон Святой, я дорого заплатила за это. Даже сейчас по ночам я вижу этот изломанный, изуродованный силуэт. Я слышу постукивание, потом этот проклятый царапающий звук, будто ногти, скребущие по разбитым доскам. Говорят, что это пост-варповые слуховые галлюцинации, но мне кажется, что это нечто куда более реальное.

С тех пор она не оставляет меня. Я должна была кому-то об этом рассказать, иначе я больше не смогу заснуть.

Через десять часов после «несчастливого случая» с Маризель меня вызвали к Бульвадту во дворец Маринистра. Это высокое здание, увенчанное шпилем, с видом на море. Мы использовали его как штаб с первой недели кампании, и, несмотря на все усилия мятежников, оно оставалось невредимым.

Полковник первого класса Леонид Восток Бульвадт, верховный патриарх боевой группы Унг-Тем, был лысым здоровяком, затянутым в двубортный мордианский мундир. Характер у него был взрывной, как фосфорная бомба, но среди нас, офицеров, лысый тиран пользовался непререкаемым авторитетом, вроде строгого отца. Того, который вбивает в тебя дисциплину, но за всей злостью и страхом ты все же хочешь произвести на него впечатление.

Шагая по длинным коридорам дворца, я с нетерпением ждала встречи с ним. Почти так же, как ждала возможности пройти дезинфекцию.

Стук в дверь, глубокий вдох, и я вошла в его кабинет.

- Что тебе известно, Вендерсен? – спросил он своим лающим голосом, едва я успела закрыть окованную железом дверь. Как будто на тебя лаял сторожевой пес, и я с трудом удержалась, чтобы не вздрогнуть.

Я аккуратно закрыла дверь и медленно выдохнула, чтобы успокоиться. В кабинете ощущался запах красного дерева и начищенной меди. К нему примешивался оттенок гниющей ткани, вероятно, от истертого талларнского ковра, который старый Бульвадт

упрямо не хотел выбрасывать.

- Ничего такого, верховный патриарх, - ответила я, стоя по стойке смирно.

- Ничего такого, - его голос был преисполнен презрения. – Как всегда уклончиво. Вы, ноктайцы, когда-нибудь, можете ответить прямо?

- Меня там не было, сэр. Я могу сообщить вам только информацию из косвенных источников. Я не общаюсь с нижними чинами вне службы. Вы всегда говорили, что это не подобает офицерам.

- А где ты была?

- На этаже для отдыха, сэр. Играла в гексаграммон с Викс Денштадт. Пробовала новую стратегию, на тот случай, когда у вас будет время сыграть партию со мной.

Он фыркнул.

- Видит Император, практика бы тебе не помешала.

- Мы играли весь вечер, и закончили только после полуночи, сэр. Во время инцидента я была далеко от комнаты полевого командира Торн.

- Тебе и не обязательно было там быть. В этом «инциденте» явно замешаны третьи лица. И знаешь, это самое настоящее убийство.

- Несомненно, это трагическая смерть, - сказала я, продолжая смотреть прямо вперед. Лучше не смотреть Бульвадту в глаза, когда он в таком настроении.

- Первые прибывшие на место преступления сообщили, что в воздухе чувствовался запах вдыхаемых наркотиков. Тренард считает, что в деле замешаны химо-псы. А он обычно не склонен ошибаться.

Это была правда. Адьютант Бульвадта Макаваль Тренард был весьма компетентным и исключительно наблюдательным офицером, а также одним из тех немногих людей в нашей боевой группе, кого я все еще побаивалась. К нему я испытывала странную смесь ненависти и уважения.

- Ты же служила вместе с савларцами на Топентайре?

- Недолго, - ответила я. – Но после этого я служила еще с девятью полками. Мои руки чисты, верховный патриарх. Прикажите Тренарду проверить, где я была, если мне не верите.

- Прикажу, когда он вернется. И когда я выясню, кто это сделал, я лично этим подонкам кости переломаю.

Я не сомневалась, что он говорил вполне серьезно. Телесные наказания были пристрастием Бульвадта, он назначал их много и часто, как истинный мордианец, иной раз не дожидаясь решения Комиссариата. Старый Бульвадт и сам будучи отнюдь не слабаком, всегда готов был пустить в ход свою железную трость, просто чтобы не терять навык.

- Так что же случилось, сэр?

- Странно, что ты только сейчас спросила, - сказал он, с явным подозрением оглядывая меня. – На полевого командира Торн напали в ее комнате.

- Что? Кто?

- Ради Императора, уши прочисть, что ли. Говорю же, химо-псы!

- Химо-псы... Их было много?

- Да, много! Медики сообщили, что в комнате найдены четыре разных образца крови. А крови там было полно, и на полу, и на койке и на столе. Все залито, как сказал Тренард.

- Так что же, они били ее? Застрелили?

- Они проникли в ее комнату, воспользовавшись украденным кодом для замка, когда она спала. Судя по данным предварительного осмотра, проведенного Тренардом, они

переломали ей все конечности, прежде чем убить.

- Трон Святой. Но зачем?

- Вот и я думаю, зачем, а, Вендерсен?

- Кто-то еще расследует это дело?

- Насколько мне известно, нет.

Я почувствовала, что напряжение, державшее меня за горло, стало немного ослабевать.

- Четыре образца крови... Вероятно, она оказала сильное сопротивление.

- Да уж, - фыркнул он, но в его смехе больше слышалось боли, чем веселья. – Она была настоящим бойцом, наша Маризель, хоть и хрупкой с виду.

- И Тренард уверен, что это были химо-псы?

- Вдыхаемые боевые наркотики, - он воздел руки и посмотрел на меня, словно я была полной дурой. – Кто еще использует их в нашей боевой группе?

- Ну, насколько мне известно, кое-кто из Атонских Туннельных Крыс. Некоторые из Индиганских Префектов тоже. В их шлемах-саладах легко прятать такие штуки.

- Вот как.

- И еще Миазманские Красные Капюшоны, сэр. Я слышала, у них полно наркоманов, а запах легко замаскировать парами прометия от их огнеметов. У Торн было достаточно недоброжелателей, и виновные могут быть из любого из полудюжины полков.

- Похоже, ты хорошо разбираешься в наркотиках, второй капитан.

- Я хорошо разбираюсь во всем, что касается Астра Милитарум, сэр. Поэтому вы меня тут и держите.

- Да уж видит Император, не за твои уважительные манеры.

Старик откинулся в кресле – настоящем троне с высокой спинкой, сделанном из венстриллианской меди и бесценного катачанского огненного дуба, и обитом темно-красной скрипящей кожей. Однажды я буду сидеть в этом кресле, чего бы это ни стоило, и это место не покажется мне неудобным. Я пообещала это себе еще давно.

- Значит, если один из образцов крови принадлежал Торн, нападавших было как минимум трое, - сказала я.

- Тренард считает, что их было шесть, - вздохнул Бульвадт. – Бедная девушка. Она не заслуживала такой участи.

На мгновение он словно сдулся, его широкие плечи опустились, и покрасневшее от выпивки лицо сморщилось, от чего он сразу стал выглядеть старым и усталым. Протянув руку к графину из мордианского хрусталя, он налил себе рюмку густой жидкости.

- Отвратительно даже думать об этом. Должно быть, она отбивалась как дикая кошка. Но, увы, этого оказалось недостаточно.

- Ужасно, - поддакнула я. Говорят, что игра в гексаграммон хорошо учит сохранять бесстрастное лицо. Один раз, еще в начале моей карьеры, я сделала ошибку, выиграв у верховного патриарха. Я помню, как его лицо побагровело. Готова поклясться, та ночь стоила мне лишних три года трудного подъема по служебной лестнице. С тех пор я позволяла Бульвадту выигрывать так часто, что смогла убедить его, что в тот раз это была всего лишь случайность, и он куда лучше ориентируется в Лабиринте Лжеца, чем я.

Похоже, он так и не понял, что я уже долгие годы играю совсем в другую игру.

- Желаете, чтобы я приняла участие в расследовании? Я могу по-тихому расспросить кое-кого.

- Нет, - ответил Бульвадт, подчеркнув это слово, чтобы мне было максимально понятно.

– И близко к этому делу не подходи. На самом деле, учитывая обстоятельства, ты являешься основным подозреваемым. И если я найду хоть какое-то доказательство того, что ты имеешь отношение к убийству, ты и до решения Комиссариата не доживешь. Я сам тебя казню.

- Сэр, - сказала я, разведя руками. – Я все-таки не дура. Да, я надеялась превзойти полевого командира Торн, может быть, даже дискредитировать ее, если получится. Да, я соперничала с ней за это звание. Но я никогда не стала бы убивать товарища по оружию, тем более, кого-то из наших ноктайцев.

Говорят, что самая убедительная ложь – та, которая основана на правде. Я никогда не приказывала *убить* ее.

- Я знаю, что ты не стала бы, Лина, - сказал полковник. – Даже ты не опустилась бы до убийства.

Я почувствовала, как что-то дернулось внутри меня, но лицо мое оставалось будто каменным. Секунды шли. Я краем глаза наблюдала, как Бульвадт смотрит в никуда.

- Сэр, Унг-Тем все еще является зоной боевых действий после сдачи губернатора?

- Что? – он повернул взгляд ко мне. – Да. Да, но мы здесь уже почти победили. Еще один удар или два, и мы захватим окраины. Маризель взяла столицу без боя, одним своим красноречием. Наверняка это сохранило нам несколько тысяч солдат.

- Все так говорят, - я изо всех сил изобразила печальную улыбку. – Без нее полк будет уже не тот.

- Ты справишься с задачей окончательно вернуть этот город под знамя Империиума?

- Уже приступила, - ответила я и, достав инфопланшет из-под мундира, включила его. – Вспомогательная база мятежников изолирована, и мой отряд развивает достигнутый успех.

На экране инфопланта появилась карта Унг-Тема с аккуратно помеченными моими достижениями за последние несколько недель.

Бульвадт нахмурил лоб, сдвинув белые брови. В тусклом свете инфопланта его лицо казалось желтоватым. Через несколько секунд он полностью погрузился в планирование дальнейших маневров, и я была на полпути к коридору.

Мне еще многое надо было сделать, и при первой возможности я намеревалась встретиться с кое-какими старыми друзьями.

Сержант Вернид и ее товарищи из 270-го пришли в ангар поздно. Достаточно поздно, чтобы дать мне понять, что она не боится меня, но не настолько поздно, чтобы я казнила в назидание одного из ее людей или заставила уйти их с пустыми руками. Мы ходили по краю пропасти, савларцы и я, но ходили по нему давно и хорошо понимали риск.

Говорят, что савларцы не принимают жалоб на сделанную работу. Я узнала об этом, еще когда первый раз служила с ними на Топентайре. Они имели весьма дурную репутацию и обладали выраженной склонностью к неподчинению. Но проломленный кому надо череп? Этого могло быть достаточно, чтобы призвать их к дисциплине.

Я хорошо помню первый день, когда я встретила Вернид и ее отделение на ремонтной площадке. Посреди неизбежной перебранки, когда Якобсен влез со своим дурацким комментарием о ноктайских крестьянах, которым позволили взять в руки оружие, я схватила гвоздодер и врезала жирному болвану. Крепкий удар в висок плоской стороной, достаточно сильно, чтобы пустить кровь, но не настолько, чтобы убить. Кровь хлынула рекой, а остальные савларцы хохотали как безумные, когда он размазывал ее повсюду, пытаясь подняться.

Трагедия и комедия сразу. Вернид смеялась громче всех – настоящий хохот гиены. С тех пор она не давала забыть громиле, что его вырубил «крестьянка» в два раза легче него.

После этого савларцы прекратили свои издевки. Снабжать их наркотиками оказалось нетрудно. У меня было много связей, а моя история в медицинском корпусе оказалась просто бесценным подарком. Сочетание моего звания и связей на черном рынке имело результатом то, что савларцы ели у меня с рук, но я всегда знала, что однажды мои псы набросятся на меня – просто так, из злобы.

И надо же – в самый неподходящий момент из-за них я оказалась в дерьме. Даже их походка раздражала меня – это сочетание вызывающей беззаботности и неохотного подчинения. Они избегали смотреть в глаза – не из страха, просто притворялись, что на все остальное смотреть интереснее.

- Вот она где, - сказала Вернид. Появившись из тени списанного истребителя «Молния», она проскользнула в заброшенный командный центр, в котором я обычно встречалась с ними. Как и большинство уроженцев Савлара, она была лысой из-за химикатов. Лоб ее украшала толстая черная стрелка – знак ее прошлой жизни как осужденной. На лице со сломанным носом застыла кривая ухмылка. Она казалась более тощей, чем в последний раз, когда я видела ее – больше чем когда-либо похожа на кусок сушеного мяса.

- Я здесь, - сказала я, разведя руки, словно приглашая напасть на меня.

Она не обратила на это внимания. Ее серо-синие глаза скользнули по углам уставленного когитаторами помещения. Не обнаружив ничего более опасного, чем пыль, она подала знак остальным своим бойцам, и Якобсен, Дойл и Грёте вошли в помещение ленивой походкой.

Взгляд Вернид упал на ящик с медицинской эмблемой позади меня. Ее кривая ухмылка стала еще шире, она оскалила зубы, разнившиеся по цвету от желтого до гнило-коричневого.

- Мы уже думали, что тебе крышка, - она вдохнула из своего респиратора и отвесила изящный поклон. Из ее ноздрей вырвались струйки химикатных испарений, напомнив мне огнедышащего дракона. – Мы так скучали по твоим нравственным ориентирам, малыш.

- Не называй меня так, Вернид.

Она пожала плечами.

- Где ты была, Вендерсен? Мы должны были встретиться два дня назад.

- Пришлось залечь на дно, - ответила я. – Настали трудные времена.

- Ну, не для нас, - хмыкнул Грёте, оскалив зубы. Неестественно высокий огнеметчик с лицом, усыпанным прыщами, запах прометия, исходивший от него, был еще хуже, чем вонь его немытого тела. – Нас разместили в новой казарме. Там полно свежего мяса, еще не видавшего боя, и мы славно покушали. Фигурально выражаясь, конечно, - он ухмыльнулся, покосившись на Вернид, словно приглашая разделить шутку.

Я только покачала головой. Если была хоть какая-то возможность напомнить мне об ужасах, которые мы вместе пережили в горах Геродда, Грёте никогда ее не упускал.

- Как жаль красотку Торн, - пробасил Якобсен, его обширное брюхо затряслось от смеха. – Ты, наверное, уже слышала. Мы ее хорошо так *вывели из строя*.

Стоявший рядом с громилой его прихлебатель Дойл поднял палец и изобразил перерезанное горло, сверкнув кривыми зубами.

- Она мертва, - добавил Якобсен, словно поясняя.

- Император Милостивый, - вздохнула я. – Ты так и не стал умнее, Якобсен? Может, тебе еще раз врезать?

Ухмылка здоровьяка исчезла, его глаза злобно прищурились. Мне все-таки удалось испортить ему настроение. Я ощутила, как на моем лице появляется злорадная улыбка.

Якобсен поднял массивную руку к голове и рассеянно почесал шрам на виске, словно придумывая, что сказать в ответ.

- Ну, ты нас позвала сюда не для обмена любезностями? – заметила Вернид.

Я вздохнула.

- Расскажите, что там у вас случилось?

- Возникли непредвиденные осложнения, - Грёте пожал плечами. – Она не спала и оказалась куда сильнее, чем выглядела. Здорово отбивалась.

- Без всяких результатов, - усмехнулась я, эти слова вырвались у меня непроизвольно.

- Чего? – нахмурился Грёте.

- Ничего. Вас было шестеро опытных убийц, я дала вам код от ее замка. Какие там у вас могли возникнуть «осложнения»?

- Она сидела за столом, работала с какими-то документами, - сказала Вернид. – И сделала вид, что не слышала, как мы вошли в комнату. Но как только мы подошли ближе, она бросилась на нас, как змея. Спрятала в рукаве нож для бумаг.

- Нож для бумаг, - повторила я, изо всех сил стараясь сохранять бесстрастный тон.

- Угу, - кивнул Якобсен. – Прыщ вошел первым. Он пытался ее схватить, но она увернулась и резанула ножом ему прямо по шее. Его кровь брызнула мне в глаза, а Малыш Фернас получил от нее локтем в горло.

- Вы обе, наверное, тренировались у одного инструктора, - сказала Вернид, глядя на меня холодным оценивающим взглядом.

- Мой был лучше. Значит, Прыщ мертв.

- Прыщ мертв, - Якобсен фыркнул, надув толстые щеки. – Малыш Фернас еще мертвее.

- Потрясающе. Что случилось с этим бесполезным карликом?

- Она врезала Фернасу коленом по яйцам, - сказала Вернид, - потом одной рукой выдавила ему глаз, а другой выхватила у него из кобуры пистолет и выстрелила ему под челюсть. Мозги разлетелись по всей комнате. На это стоило посмотреть, - она восхищенно покачала лысой головой.

- Трон Святой, - я от отвращения закрыла глаза. – А ты просто стояла что ли?

Вернид снова пожала плечами.

- Хорошо быть командиром. Собственно, из-за этого-то все и затевалось, да?

Я не поддавалась на эту провокацию.

- А ты, Дойл? Ты хоть пальцем шевельнул, чтобы помочь?

Он покачал головой.

- Слишком уж она ловкая была, да и Фернас все равно никогда мне не нравился. Я просто не стал ей мешать.

Скользкий ублюдок на словах был крутым, но я знала из достоверных источников, что он в свободное время рисует углем космодесантников.

- Из карлика кровяца прямо фонтаном хлынула, - произнес Грёте зловещим шепотом. – Не знал, что в нем было столько крови.

Он злобно рассмеялся, но смех перешел в приступ жестокого кашля.

- Но мы ее все-таки скрутили, - усмехнулась Вернид. – Хотя я и заслужила при этом несколько боевых ранений.

Она оттянула свой воротник, показав многочисленные темные синяки и несколько

глубоких царапин, которые уже начали гноиться.

- Она билась и кричала так, что и мертвый бы очнулся, но мы в конце концов переломали ей кости, одну за другой. Эти белые косточки торчали из нее, как маленькие фарфоровые ножи.

- Хрусть-хрусть, - добавил Якобсен. – Будто сырые ветки для костра ломаешь.

- Как мило, - протянула я. Желудок выворачивался, словно я выпила кварту уксуса. Я видела много изломанных тел в траншеях, но это было другое.

Грёте кивнул.

- Она взбесилась, как отродье варпа. У меня до сих пор в ушах звенит.

Я поморщилась.

- Я же говорила вам сначала заткнуть ей рот.

- Мы долго не могли засунуть ей кляп, - сказала Вернид. – Она вопила, кусалась и царапалась изо всех сил. Наделала столько шума, что пришлось избавиться ее от страданий штыком, пока кто-то еще не пришел, - она похлопала по лазгану, перекинутому через плечо. – Я оставила на нем несколько пятен крови на память, малыш.

- Я сказала тебе не называть меня так, - произнесла я, добавив угрозы в голосе.

Вернид засмеялась.

- Ты больше похожа на парня, чем на бабу, не отрицай.

Я шагнула в сторону от нее, повернувшись к Якобсену, словно собираясь напасть на него. Когда здоровяк отпрянул, я лягнула Вернид в ногу. Она едва успела поймать мой ботинок двумя руками, и только это спасло ее коленную чашечку. Воспользовавшись тем, что ее внимание отвлечено, я развернулась и нанесла мощный удар ей в лицо.

Якобсен заплодировал. Вернид выплюнула зуб с кровью.

- Полегче, офицер, - сказала она, улыбаясь ртом, полным крови. – Как хочешь, но ты меня огорчила, - Она вдохнула из респиратора, покрутила шей и попрыгала на ногах, как кулачный боец. – Или желаешь продолжить?

- Твоего огорчения вполне достаточно, - ответила я. – Пока. Моя внешность вас не касается. Но если вы прекратите ваши глупости на пять минут, у меня есть для вас работа. Такая, какую даже вы не сможете запороть.

- Плата обычная?

- Даже больше. 0,8 сверху, половина вперед, - я похлопала по ящику с медицинской эмблемой, который притащила в ангар. Приятно было избавиться от проклятой штуки, после того, как я волокла ее всю дорогу сюда.

- Даже так, - прохрипел Грёте, его водянистые глаза блеснули за защитными очками. Он вдохнул из своего респиратора, словно в предвкушении будущего кайфа. – Я в деле, что бы это ни было.

- Я тоже, - Дойл шагнул вперед, встав за плечом Грёте.

- Что за работа? – спросила Вернид.

- Исчезнуть, - сказала я. – Залечь на дно. Не делать ничего, пока я не свяжусь с вами.

- И все? – спросил Грёте.

- И все.

- За такую плату, думаю, мы возьмемся, - сказала Вернид. – Вместе с платой за прошлую работу у нас будет столько, что даже Грёте хватит.

- Хорошо если так. Я пошла на огромный риск, встречаясь с вами, - заметила я.

- За тобой не следили. Можешь нам верить. На нас работают ратлинги.

- Не сомневаюсь.

- Простые люди, с общими интересами, - сказал Грётте. Эта болтовня с честным видом хорошо служила савларцам. – Так дела и делаются.

- Ну да, - хмыкнула я, чувствуя, как мои губы презрительно кривятся. – Ладно, проваливайтесь и сидите тихо, пока мы не покинем город. Если надо, свяжитесь со мной через одного из ваших крысюков. Я найду вас, когда все успокоится.

- Понятно, - сказала Вернид. – А что тем временем будете делать вы, *мамзель*?

- Завоюю город, - ответила я. – Все, исчезните.

В следующий раз савларцы вышли со мной на связь через Еноха Белогривого, ратлинга-повара. У этого маленького воришки были со мной некоторые разногласия, но он оказался полезным контактом и за хорошую плату мог подать к обеду нечто повкуснее, чем протеиновая жижа.

За линией фронта все было достаточно тихо. По официальной версии Маризель убили фанатично настроенные мятежники. Достаточно правдоподобная история – я сама распространяла ее через агентов Еноха. На похоронной церемонии я старалась казаться должным образом опечаленной. Это было не так уж трудно, учитывая тот факт, что мне казалось, будто кто-то все время смотрит на меня. Я списала это на недостаток сна.

Всего этого было достаточно, чтобы все купились на эту историю о ее смерти. Прославившись в войне с мятежниками, ты просто напрашиваешься, чтобы к тебе подослали убийц. Еще один герой погиб ужасной смертью – добро пожаловать в Гвардию.

В Империуме мученики плодились как мошки в болоте, и лучшими из них были те, кто хорошо смотрелся на агитационном плакате. После смерти Маризель число добровольцев, вербовавшихся в Гвардию, резко выросло, и кроме Бульвадта и его ищейки Тренарда никто не задавал ненужных вопросов. Но я знала, что старый тиран еще ничего не разнюхал – по той простой причине, что он еще не убил меня.

Унг-Тем медленно и мучительно возвращался под власть Империума. Это стоило нам много хороших солдат, но я выполняла эту задачу, отбивая у мятежников квартал за кварталом. Я разрабатывала планы внутри планов, и постепенно они осуществлялись.

Частями, которыми командовала Маризель, я распорядилась наилучшим образом, захватывая противника в клещи, и даже устраивала фальшивые бои, чтобы выманить из подполья мятежников, прятавшихся в уже занятых кварталах. Когда мои победы стали множиться, я получила звание действующего полевого командира и командование всеми ноктайскими войсками в Унг-Теме. Несомненно, благодаря знаменитой рациональности Бульвадта. Когда на церемонии в мою честь Тренард спросил меня о причинах такого внезапного фейерверка побед, я ответила, что сражаюсь в том числе и чтобы отомстить за первого капитана Торн. Он странно на меня посмотрел.

Я хотела, чтобы обо мне думали как о героине Империума, скорбящей, но высоко державшей голову – хотя бы для того, чтобы отдалить от меня всякие подозрения. Но была и еще одна, не менее важная причина. Мне нужно было отвлечься. Я присоединялась к пехотинцам на передовой, когда только это было возможно, и своими руками забрала немало жизней мятежников.

Но даже кровь еретиков не могла смыть то, что я чувствовала после смерти Маризель. На моей душе было пятно, и когда я размышляла об этом ночью, мне казалось, оно ничем и никогда не будет смыто. Во время моего уединения в стратегиуме, я смотрела на порог,

ожидая, что сейчас дверь распахнется, и меня схватят и потащат на казнь. По ночам я не могла заснуть – мне казалось, что кто-то все время смотрит на меня.

Сказать, что я не могла нормально отдохнуть, было бы сильным преуменьшением.

Однажды вечером я вернулась в свою комнату и нашла в ней серво-череп, державший в своих лакированных зубах записку, в которой мне приказывалось явиться к Бульвадту. У меня чуть сердце в груди не разорвалось. Я приготовилась к худшему и направилась во дворец Маринистра, ожидая, что разразится буря.

Перед кабинетом Бульвадта ждала целая очередь из офицеров. Я послушно дожидалась своей очереди, почувствовав некоторое облегчение от того факта, что нас там было много. Значит маловероятно, что меня вызвали для того, чтобы повесить или забить до смерти.

Когда меня вызвали в кабинет, лысый тиран вручил мне приказы на передислокацию и взмахом руки отпустил меня, словно я была не важнее доковой мухи. Я начала подготовку к погрузке подчиненных мне войск на транспорты, а это такой трудный процесс, что, честно говоря, даже сама война мне кажется легче. Трон Святой, до чего это непросто. Когда я отдала последние приказы по передислокации и два дня спустя взошла на борт «Божественного Провидения», в первый раз за многие месяцы я смогла вздохнуть спокойно. Осторожно, понемногу, я позволила себе думать, что все это дело забыто. И в некотором роде это действительно было так.

Говорят, что время лечит, но пустотное путешествие тоже неплохо с этим справляется. Спустя четыре месяца и семь дней после моей встречи с савларцами «Божественное Провидение», неспешно летевшее по системе Топен, добралось наконец до местной точки Мандевиля. Это место, где капитан корабля может включить варп-двигатели, не рискуя, что его судно будет сбито с курса гравитацией звезды, и все на борту отправятся навстречу огненной смерти. Но это еще не худший способ погибнуть при переходе в варп. Я слышала, что бывает и куда хуже.

Полеты в варпе – необходимое зло. Без них мы не могли бы путешествовать по галактике. Империи так огромен, что это метафизическое решение – единственный способ, которым мы можем надеяться относительно быстро попасть из одной его части в другую. Поэтому мы отправляем наши корабли в Имматириум, это измерение чистой энергии, где странные потоки и течения могут нести тебя куда быстрее и дальше, чем любой двигатель в реальном пространстве.

По крайней мере, так я это понимаю. Не сомневаюсь, что в действительности все куда запутаннее и страшнее. Среди нас солдат хорошо известно, что число тяжелых психических расстройств резко возрастает во время полетов в варпе. Таков риск варп-путешествий, но в славной Имперской Гвардии всегда найдутся новые солдаты.

Где-то через три дня после того, как мы вошли в варп, я ела свой ужин в столовой и чуть не подавилась свернутым кусочком пергамента в протеиновой пасте. Ратлинги используют такой пергамент как папиросную бумагу. Я незаметно вытащила его и спрятала в карман.

После этого я вернулась в свою каюту – быстро, но не слишком. Несколько солдат, встреченных по пути, салютовали мне, вытягиваясь, как на параде, словно они были горды тем, что увидели меня во плоти. Я все еще не привыкла к своему новому званию и положению, и это внимание изрядно меня раздражало.

Нечем тут гордиться. И не на что смотреть.

- Возвращайтесь к работе, - приказала я.

Они опустили глаза и поспешили прочь. Меня все это совсем не радовало.

Вернувшись в свою каюту, я аккуратно счистила протеиновую пасту с пергамента, чтобы можно было прочитать то, что на нем написано. Написано там было мало, но для меня этого оказалось достаточно. В моей каюте было весьма жарко, как и во всех каютах, расположенных над палубой инженариума. Но когда я прочитала записку, то похолодела.

В. неотв. 7006

Я смяла записку, зажмурилась и сжала кулаки.

Вернид не выходит на связь. Уже как минимум день, иначе Енох не стал бы утруждать себя, посылая записку.

Если она мертва, то все плохо. Хуже, чем просто плохо. Старая разбойница держала своих савларцев в кулаке. Без нее они разбредутся, как стая без вожака.

И правда о Маризель в конце концов всплывет. Шантаж, пытки или просто глупость – неважно как. И меня убьют – повесят или забьют до смерти, в этом я не сомневалась. Она была слишком важной фигурой, чтобы оставить ее смерть без последствий. Но если я смогу переждать расследование, пока мы не прибудем в следующую зону военных действий, вполне вероятно, все останется на уровне слухов. Просто я должна быть на шаг впереди Бульвадта и Тренарда.

Номер 7006 обозначал какое-то место – скорее всего, отсек, где находилась Вернид во время перелета, и почти наверняка, это не было отмечено официально. Я решила направиться туда утром. Савларских химо-псов нелегко найти, если они не хотят, чтобы их нашли. Но Енох умеет отыскивать нужные вещи – и нужных людей тоже.

Я пыталась успокоиться и переждать ночь, разработать план действий, но было трудно сосредоточиться. Все время слышались странные звуки. Постукивание и царапание, словно что-то длинное и тонкое скреблось по борту снаружи. Несколько раз я выходила в коридор, чтобы проверить, нет ли там кого, но коридор был пуст в обоих направлениях.

Прошло несколько часов, я начала чувствовать сонливость, и, в конце концов, закрыла глаза, хотя не ложилась, а сидела на койке. Вероятно, я задремала, потому что немного позже увидела очень пугающий сон.

Я ощутила резкую боль в груди, прямо над солнечным сплетением, и сорвала простыню, которой укрывалась, чтобы посмотреть что там. Там была странная выпуклость, маленькая, но заметная. Я вскочила, в голову сразу же пришла мысль о карциноме в поздней стадии.

Я почувствовала, как мои глаза расширяются от ужаса, когда выпуклость начала двигаться под кожей и заостряться, словно острие ножа, которым пытаются проткнуть резину. Боль стала невыносимой, я едва не потеряла сознание. Потом натянутая белая кожа над выпуклостью разорвалась. Я пыталась закричать, но не могла дышать.

Из раны появился тонкий крючковатый ноготь. Он был невероятно длинный, его кончик загибался к моему рту. За ним из дыры в груди появился согнутый палец. Он был похож на указательный палец трупа.

Адреналин хлынул в мою кровь. Боль, парализовавшая меня, уменьшилась, и я схватила палец, намереваясь сломать его. Но моя рука прошла прямо сквозь него.

Я проснулась, вцепившись в простыни, свернула их и отшвырнула от себя, словно в них была чумная крыса. Дрожа, я инстинктивно свернулась клубком, но потом заставила себя встать и посмотреть на грудь над солнечным сплетением. Там ничего не было, слава Терре.

Поверьте, после этого я и глаз сомкнуть не могла. Я решила что-то делать, хотя бы для того, чтобы отвлечься.

Я снова оделась и приготовилась посетить Вернид. Несомненно, меня ждет изрядная

доля презрения, потому что я заплатила им, чтобы они прятались. Но в тот момент это было куда лучше, чем оставаться одной.

Будучи сержантом, Вернид могла получить отдельную каюту, хоть и крошечную. Я должна была выяснить, что во имя Терры происходит. Это тоже был риск, но я больше не могла сидеть и смотреть в никуда, кусая ногти. Я стала готовиться к визиту в жилой блок 7000-7050.

Говорят, что ноктайцы предпочитают решать проблемы в движении. Мне легче думается на ходу, и я не боюсь сама взяться за грязную работу, если считаю, что от этого будет польза. Чтобы избежать лишнего внимания солдат, я открыла запертый ящик в шкафу и достала старую савларскую форму, которую ребята Вернид сняли с трупа для меня еще на Топентайре.

Это обмундирование, как бы ни было отвратительно, хорошо мне послужило. Оно абсолютно не подходило мне по размеру, его швы натирали кожу, респиратор вонял плесенью, а у подмышки была прожжена дыра от выстрела лазгана. Но оно не бросалось в глаза, а респиратор скрывал нижнюю половину лица. Добавить фуражку, под которую можно собрать волосы – и меня не узнать. Зрелище солдата Астра Милитарум, выглядящего как побитое пугало, не являет собой ничего нового. Никто не будет вглядываться. Мы, докеры, знаем, что тот, кто выглядит нищим оборванцем, легче избегает ненужного внимания. Люди отворачиваются от тебя просто на случай, если ты их будешь о чем-то просить.

Жалкие каморки жилого блока 7000-7050 были расположены вдоль левого борта «Провидения». Они были одинаковыми, отличаясь разве что граффити на дверях. На одной двери было намалевано «Говносос», на другой «Доходяга». Еще на одной было слово «Нет», выведенное чем-то красно-коричневым. О его происхождении можно было догадаться по запаху, и я решила не подходить ближе.

Нас держат как заключенных на этих кораблях, как скотину. Некоторые могут сойти с ума и без варп-кошмаров, проникающих в темные уголки разума.

Подойдя к каюте 7006, я замедлила шаг, дождавшись, когда три подозрительных типа в конце коридора уйдут. Когда они скрылись, я не спеша подошла к двери и достала длинную пластальную отмычку, которую савларцы вшили в рукав снятой с трупа формы в обмен на коробку качественных наркотиков.

7006 оказалась не сержантской, а каютой командира взвода с оптикой и укрепленной дверью. Вернид и тут выбила для себя дополнительные привилегии, хотя я просила ее залечь на дно и не высовываться.

Не спуская глаз с коридора, я приладила отмычку и попыталась открыть дверь. Проклятая штука не двигалась. Вернид была достаточно опытной, чтобы знать, как защититься от простых трюков.

На мгновение я прижалась лбом к двери, думая, что делать. Вдруг мое сердце подскочило. Я услышала шаги за поворотом коридора.

Выбора не было. Я выхватила свой офицерский жетон – металлическую аквилу с драгоценными камнями вместо глаз – и прижала ее к потемневшей оптике двери. Как говорит мой контакт-технопровидец Юки Бета-Дара, за такой оптикой находится сервитор-кариатида – фактически это человеческий глаз в жидкости, который сканирует все, что к нему приложат. Если он узнает изображение, мышцы зрачка посылают сигнал машинному духу двери, и его реакция определяет, впустить меня или нет.

Очевидно, аппарат принял мой жетон, потому что дверь лязгнула и с шипением открылась. Я вскочила внутрь и нажала руну закрытия так быстро, что дверь не успела открыться и наполовину, прежде чем снова начала закрываться.

Зловоние внутри было таким, что не помогало даже респиратор с полностью выкрученным фильтром. Густой запах крови смешивался с ужасным смрадом человеческих фекалий и гниющей пищи. Я почувствовала, как глаза заслезились, хотя не знаю, было это от вони или от страха. Мой мочевой пузырь, казалось, был вот-вот готов опорожниться, потому что на койке лежал труп Вернид, и он являл собой жуткое зрелище.

Это мертвое лицо я не забуду до самой могилы. Ее обычная ухмылка исчезла, рот был распахнут в безмолвном вопле так широко, что виднелись все ее гнилые желтые зубы. Выпученные глаза были белыми, как вареные яйца, зрачки закатились так, что стали почти незаметны. Из обеих ноздрей шла кровь, но голова была так откинута назад, что кровь стекала по щекам за уши, засыхая, словно дужки очков. Лужица черной и вязкой крови скопилась на койке под ней.

В медленно запекавшейся крови уже копошились личинки трупных мух. Вернид была мертва около шестнадцати часов, самое большее двадцать.

Одного ее лица было достаточно, чтобы испугаться до полусмерти, но зрелище ее тела свергло меня в настоящий ужас. Я хотела отвернуться, но какая-то часть меня была словно парализована. Я говорила себе, что здесь можно будет найти ответы, но нашла только вопросы, и они были страшными.

Руки и ноги Вернид были все переломаны. Острые белые обломки костей торчали из ее запястий, и вокруг каждого костяного осколка запекалась кровь.

Там, где кости на конечностях были выломаны, кожа вздувалась и вспучивалась, особенно на ее левой ноге. И большая и малая берцовые кости были сломаны, прорвав кожу, словно шпага и дага, нацеленные на какого-то невидимого врага. Их острые обломки блестели в тусклом свете люмена, который она оставила включенным, вероятно, в попытке отогнать свои кошмары.

Не сказать, чтобы ей это помогло.

Я наморщила лоб. Никто не взламывал дверь. Никто в звании ниже полевого капитана не мог бы открыть ее замок. Никаких следов на полу, хотя они должны были бы остаться среди разбросанных продуктовых упаковок и опрокинутых консервных банок. Никаких признаков, что Вернид что-то делала, кроме как лежала на койке, пока ее тело превращали в изуродованный кусок мяса. Тот, кто это сделал, должен быть очень силен, очень ловок и очень решительно настроен.

В памяти всплыли старые ноктайские истории об убийцах с лицами-черепами, которые умеют проходить сквозь стены. В моем полку была долгая и славная устная литературная традиция, и мы старались перещеголять друг друга в рассказах об ужасах войны, свидетелями которым являлись. В этих рассказах всегда хватало пищи для кошмаров, но труп Вернид точно бы занял первое место. Я вдруг почувствовала, что надо убираться отсюда как можно скорее.

Приложив ухо к двери, я стала прислушиваться к шагам в коридоре снаружи – там было не меньше трех человек, и они явно были близко. Я молилась, чтобы они наконец начали удаляться. И все время я чувствовала присутствие трупа в нескольких футах позади меня.

Надо уходить и уничтожить все следы моего пребывания здесь. Из всех сил пытаюсь сосредоточиться, я достала аккумулятор лазгана и кусок тонкого медного провода, и

подключила его к аккумулятору так, чтобы при прикосновении к контактам, он выдавал бы сильный разряд.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Каждая секунда, проведенная рядом с ужасным мертвым телом, казалась долгой и мучительной. На поле боя я видела трупы, разорванные на куски. Но Вернид была в запертой каюте, где она должна была находиться в безопасности. И это наполняло меня ужасом на некоем первобытном уровне. Я почти ожидала, что изуродованный окровавленный труп позади меня медленно встанет, посмотрит на меня своими белыми глазами, захрипит ртом, полным запекшейся крови, и вцепится мне в спину.

Наконец шаги в коридоре затихли. Мне показалось, словно на меня упала некая тень. Изо всех сил стараясь держать себя в руках, я нажала руну открытия двери и выскользнула из каюты, бросив последний взгляд назад.

На мгновение мне показалось, что я что-то увидела на стене: едва заметную тень, которой там не было раньше. Я решила, что мне это мерещится. Потом дверь каюты с шипением закрылась за мной, и я выбросила это видение из головы.

Оглядевшись в коридоре, я прижала аккумулятор с медным проводом к оптике двери. Маленький сервиторный аппарат зашипел, издал жужжание, словно оса в стакане, и затих, извергнув тонкую струйку дыма.

Неплохо. Я направилась обратно тем же путем, стараясь придать своей походке савларской наглости. Это не так уж трудно для того, кто вырос в ноктайских доках. Постороннему наблюдателю я казалась одной из полубезумных савларских головорезов.

Но внутри я дрожала от ужаса.

В столовой после обеда я отправила Еноху свое сообщение, вернув миску перевернутой на подносе, так что он знал, что нужно заглянуть под нее. Записку я написала как можно короче:

270/0427/e2335

Я направилась обратно в свою каюту, не обращая внимания на дураков, салютовавших мне по пути. Старый пройдоха Енох разберется, что значат цифры в записке – в этом я не сомневалась. Он мне обязан тем, что я закрывала глаза на его делишки с переливанием крови, и со своими связями он сможет передать сообщение савларцам, не вызывая подозрений.

Комплекс физических упражнений вернул мне энергию и немного успокоил. Скоро вместе с савларцами мы выясним, что же случилось с Вернид. Сделав несколько глотков из фляжки, я одела савларскую форму и приготовилась нанести визит Еноху.

- Никто не обратит внимания, - прошептала я.

Раздался стук в дверь, и я чуть не проглотила язык.

- Секунду!

Я сорвала с себя савларское обмундирование и запихнула его под койку, потом открыла дверь ровно настолько, чтобы посетитель заметил, что я не в форме.

Меня встретил пронзительный взгляд Тренарда, на его удлинённом лице застыло надменно-обвиняющее выражение. Он показался мне похожим на ноктайского пса одной из пород, с мордой, напоминающей смятый кусок кожи.

- Верховный патриарх желает аудиенции, - изрек он.

- Надеюсь, у меня есть время одеться?

- Конечно, - процедил Тренард, отвернувшись. – Но поспешите, действующий полевой командир. Решается ваша судьба.

- Как драматично, - вздохнула я, с фальшивой улыбкой закрыв дверь.

Я не спеша оделась в ноктайскую парадную форму и посмотрела на свое отражение в зеркале. Невинные не бегут, как говорится в ноктайской поговорке. А Тренард, конечно, ждет чего-то, чтобы подтвердить свои подозрения насчет меня. У меня было меньше часа в запасе, если я хотела успеть на встречу с савларцами, но спешить было бы так же подозрительно, как поддаться на провокацию Тренарда.

- Здорово будет снова увидеть старика, - жизнерадостно сказала я, выходя в коридор. – Как он, нормально переносит варп-путешествие?

- Он спокоен, как и я, - сказал Тренард, уходя по коридору и говоря через плечо. Я стиснула зубы и зашагала за ним. – Хотя он несколько... рассеян в последнее время.

Я сочувственно хмыкнула.

- Не удивительно, учитывая обстоятельства. Я сама чувствую себя немного не в форме.

- Да, - сказал Тренард, его тон не был вопросительным. – Вот как.

Бульвадт был в хорошем настроении. Судя по его нахмуренному лицу, он только отчасти хотел убить меня.

- Ну-ну, - произнес он. – Вот и она.

- И почему так много людей говорят это? – вздохнула я.

- Потому что ты – герой дня, вот почему, - Бульвадта, казалось, веселило, что я якобы не понимаю, что люди говорят обо мне за моей спиной. Его акастийский светильник отбрасывал желтый свет на огромный стол из катачанского дуба. Вся его драгоценная мебель была здесь, хотя на корабле ее пришлось втиснуть в куда меньший кабинет, чем во дворце Маринистра. Вероятно, задержка в Унг-Тем-Сити была связана с тем, чтобы погрузить всю обстановку на борт «Провидения» без единой царапины.

- Ты внесла важный вклад в подавление мятежа, Лина.

- Основную работу проделала полевой командир Торн, верховный патриарх, - ответила я, глядя на носки своих сапог со всей скромностью, какую могла изобразить. Такие как Бульвадт это любят.

- Да, она сломала хребет чудовища. Но ты, Лина Вендерсен, прикончила его.

- Это хорошо известный факт, - сказал Тренард, встав рядом с Бульвадтом, как хороший пес. – Действующий полевой командир Вендерсен взяла город полностью.

- Именно, - кивнул Бульвадт. – Не гениальностью, заметь. Не талантом. Но одной лишь своей ноктайской решимостью и непреклонностью. Спроси любого в боевой группе, все скажут одно и то же: Унг-Тем настолько же твоя победа, насколько и ее.

- Спасибо, верховный патриарх, - я действительно ощутила некую теплоту внутри от этих слов.

- Поэтому я официально утверждаю тебя в звании полевого командира первого класса.

Я проглотила комок в горле. Все это время мне так хотелось услышать эти слова. И вот они. Вероятно, понадобится время, чтобы привыкнуть к новому положению.

- Я... это честь для меня, сэр.

- Да. Надеюсь, мне не придется жалеть об этом решении, Лина. У тебя есть как минимум несколько месяцев, прежде чем мы вернемся в реальное пространство и высадимся в следующей зоне военных действий. Хорошо используй это время, изучая новые

обязанности.

- Приложу все усилия, сэр.

- Не сомневаюсь. Я хочу, чтобы ты была компетентна во всех аспектах командования.

Кроме того, не повредит подтянуть твой этикет.

- Да, верховный патриарх.

- Уважение, женщина. Не стоит говорить, насколько оно важно. Оно смазывает механизм нашей великой военной машины.

«Началось», подумала я. Лысый тиран в очередной раз дал волю своей помпезности. Я почти чувствовала, как Тренард закатывает глаза за его спиной. По крайней мере, в этом мы с ним были согласны.

- Но не думай, что это значит, будто с тебя сняты все подозрения, - сказал Бульвадт, кисло улыбнувшись. Даже спустя все эти годы он по-прежнему любил меня пугать. – Ты все еще на заметке у Комиссариата вместе с другими подозреваемыми. Мы так и не нашли виновного в убийстве полевого командира Торн, - он покосился на Тренарда и, к моему большому удовольствию, адъютант едва заметно вздрогнул. – Но мы найдем убийцу, не сомневайся.

- Я слышала, кое-кто еще умер похожей смертью, - сказала я. – Одна из савларцев.

Это была весьма рискованная игра, особенно в присутствии Тренарда, но и выигрыш в случае успеха был бы велик. А притвориться, что мне ничего об этом не известно, все равно не вышло бы – они знали о моих связях.

- Ты, как всегда, в курсе событий, - кивнул Бульвадт. – Да, похоже, среди нас есть маньяки.

Тренард едва заметно поднял бровь. Но я прекрасно поняла, что это значит.

- Страшная смерть, - сказала я.

- Надо сказать, в этот раз они хорошо сумели замести следы, - заметил Тренард.

- Не лезь в это дело, Лина, - посоветовал Бульвадт. – Тебе стоит сосредоточиться на будущем. Предстоящие годы могут стать временем взлета твоей карьеры.

- Конечно, сэр.

- Приходи в этот кабинет на следующей неделе в первую вахту – сыграем в гексаграммон.

- С удовольствием, сэр, - ответила я, говоря вполне серьезно. Стоит сыграть долгую партию, просто чтобы посмотреть на лицо Тренарда, когда он будет отодвинут на роль предмета обстановки в кабинете Бульвадта. Возможно, на этот раз я даже буду играть всерьез.

Похоже, у меня это неплохо получается.

В следующей записке, которую я нашла в протеиновой пасте, оказалась всего одна буква *Д*. Енох успешно расшифровал мое послание. 270/0427/в2335 – провести савларцев из 270-го на встречу со мной в отсек 0427 вечером в 23:35. Единственная загадка – какую часть своего долга он сочтет уплаченной, и смогу ли я влиять на него после этой услуги.

В блоке 04 на нижних палубах располагались отсеки для перевозки ездовых животных. 0427 не был обычной конюшней; его отвели для печально известного 76-го полка Химо-Всадников. Эти свирепые головорезы были ценной боевой единицей. Вся савларская кавалерия ездила на эквидах - конеподобных существах, известных как химо-звери. Сочетание взрывной мощи их охотничьих копий с силой и живучестью их скакунов делало

их атаки сокрушительными. Они пользовались своего рода мрачной славой, по крайней мере, на поле боя.

В перелете они были такими же, как остальные савларцы. Я не сомневалась, что смогу купить молчание любого, кто заметит мою встречу с ребятами из 270-го, но даже так я не рискнула идти туда в ноктайской форме. Мое савларское обмундирование, ужасное, как всегда, причиняло мне изрядные неудобства по пути в отсеки с конюшнями. Я одергивала и поправляла его, но оно было просто слишком велико, как и респиратор. Придерживая лямки свободной рукой, я проверила фильтр. Нормально.

Во всех конюшнях есть конюхи, а я не хотела, чтобы еще одна пара глаз и ушей – а скорее всего несколько – осложняли дело. Савларцы из 270-го должны были прийти туда первыми и так или иначе обеспечить встречу без лишних свидетелей. Я не сомневалась, что это они смогут.

Прошло около двадцати минут, прежде чем я смогла войти в блок, не засветившись на оптике. Пришлось подождать в коридоре, небрежно держа в руке лхо-сигарету. Никто не обратит внимания на слоняющегося без дела химо-пса. Кроме того, савларский кавалерист без своего скакуна практически неотличим от савларского пехотинца.

Я подождала, пока выйдет конюх, коренастый парень с покрытым шрамами лицом, и прошла мимо него, уверенно кивнув, словно была хозяйкой этого места. Просто очередной кавалерист, пришедший проверить своего химо-зверя.

Эти существа всегда вызывали у меня омерзение. Здесь их стояли десятки, размещенных в загонах по сторонам отсека, нервно переминаясь и позвякивая сбруей, такие же скучающие и недовольные, как и все мы. Здесь их содержали скорее как птиц на птицефабрике, чем как боевых коней, которых они заменяли.

Эти тощие и мускулистые звери были выше любого обычного коня, с узловатыми конечностями и болезненно-желтой, будто плохо выдубленной, кожей. Вместо копыт у них были тяжелые костяные наросты, а их хвосты были длинными и мускулистыми. Головы их были удлинненными и слегка коническими, с крошечными прижатыми ушами и круглым ребристым ртом, как у миноги, с четырьмя большими зубами. Ближайший ко мне зверь высунул из пасти синевато-белый язык, словно змея, торчавший между клыками. Покосившись на меня злобным розовым глазом, химо-зверь фыркнул, брызнув слизью.

В другом конце отсека расположились бойцы 270-го, как всегда, изобретательные. Я увидела, как Грете полез за тюк с сеном и что-то крутанул. Когда тошнотворно-сладковатый запах проник в мой респиратор, я поняла, что там у них спрятан баллон с газом.

Зная ребят из 270-го, можно не сомневаться, что это какой-то наркотический газ. Как минимум достаточно, чтобы заставить конюхов убраться отсюда. Даже им понятно, что лучше не мешать отдыху бандитов под веществами. И точно, еще три конюха вышли из-за деревянной загородки и молча покинули отсек.

Савларцы умеют извлечь выгоду даже из своего досуга.

- Ловко, - сказала я сквозь респиратор. Он искажал мой голос, превращая его в грубый бесполой хрип, и это было хорошо. Даже если нас подслушивают, меня будет трудно узнать по голосу.

- Спасибо, ваша светлость, - процедил Грете, бросив на меня жесткий взгляд сквозь пожелтевшие защитные очки.

- Не смешно, - сказала я. – Никаких имен и чинов. И вообще поменьше болтовни.

- Ладно, ладно, - согласился он. – Сейчас и правда не время для шуток.

- Да уж, - кивнула я. – Так что случилось?

- Никто из нас не знает, - вздохнул Якобсен. – Сержанта убили. Страшно убили. Я видел ее труп.

- Такое не забудешь, - сказала я. – Я сама видела.

Якобсен кивнул. У него был вид сильно упавшего духом человека.

- Ее жутко изуродовали, - сказал Дойл. – Это месть, судя по ранам. Наверняка это кто-то из шайки Торн. Я прямо спать не могу после того, как видел, что они с ней сделали.

Смерть Вернид, похоже, потрясла нас всех.

- Она странно себя вела еще до того, как мы залегли на дно, - добавил Дойл. – Говорила, что видит краем глаза, как что-то движется.

- Ага, - кивнул Грётте. – Дойли верно сказал. Она говорила, что это вроде бы как тень. Мы просто посмеялись. Сказали, что если она боится варп-призраков, то пусть спит с включенным светом. Ну еще можно немного пососать пальчик.

Дойл ухмыльнулся, но судя по глазам, ему было совсем не весело.

- Во время варп-перелетов иногда случаются странные вещи, - сказала я, скрестив руки на груди. – У меня есть кое-какие мысли на этот счет. Кто-нибудь из вас слышал про убийцу с лицом-черепом, о котором рассказывают ребята из 310-го, когда выпьют? Говорят, это он убил Бархатного Магуса на Топентайре.

И тогда я услышала странное постукивание и царапание, и повернулась к переборке, от которой, как мне казалось, исходили эти звуки. Я думала, что это лишь мое воображение, пока не увидела, что Якобсен смотрит на ту же переборку.

Позади меня два ближайших химо-зверя начали визжать и фыркать в своих стойлах. Я оглянулась; звери учащенно дышали, их розовые глаза были испуганно расширены.

- Что, во имя Трона... - произнес Якобсен. Его глаза тоже расширились, когда он уставился на переборку. – Подождите... Это невозможно...

- Это просто стена, Якобсен, - пожал плечами Дойл. – Что там еще...

Якобсен поднял палец, потом схватился за лазерный пистолет.

- Нет, - сказал он. Его голос был странно высоким и словно придушенным. Трясущейся рукой он выхватил пистолет.

Я быстро шагнула к нему и выбила из руки пистолет. Даже один лазерный выстрел мог вызвать тревогу и нас всех могли отправить под суд по обвинению в заговоре. Мы будем болтаться в петле только потому, что жирный дурак нанюхался газу из баллона Грётте, и ему что-то привиделось.

- Приди в себя, Якобсен, - прошипела я. – По крайней мере, притворись, что ты солдат!

- Нет! Отойдите от меня!

Якобсен повернулся и бросился к одному из стойл, которое конюхи оставили открытым. Подскочив к стойлу, он исчез в темноте внутри.

- Жирный кретин перебрал газу, - хмыкнул Грётте.

- Якобсен? – Дойл недоверчиво посмотрел на него. – Быть такого не может, ты и сам это знаешь. Ему обычно было всегда мало...

Спустя несколько секунд раздался визг, оглушительно громкий и нечеловеческий. Я ощутила тошноту, услышав, что визг перешел в рев, а потом в вопль, прерывавшийся ужасным треском.

- Химо-зверь затопчет его до смерти, - сказал Дойл. – Надо помочь ему.

Никто не двинулся с места.

- О, ради Трона, - я выхватила нож и бросилась к стойлу. Остальные химо-звери в отсеке тоже вопили, их животная паника распространялась, словно вирус.

Якобсен в стойле визжал, словно умирающая свинья. От его страданий даже мне было больно – будто наждачной бумагой по открытой ране. Потом я услышала еще треск – мокрый, будто рвались хрящи. И вопли прекратились.

Я быстро заглянула в стойло и отдернула голову, опасаясь получить копытом по лицу. Якобсен был там, лежал на полу в луже собственной крови. Он был весь изломан.

В другом конце стойла вжимался в стену химо-зверь. Он тяжело дышал, его бока были мокрыми от пота. Мой нож был готов вонзиться в его морду, если животное бросится на меня, но оно не двигалось – просто смотрело на меня своими странным красными глазами и дрожало, словно оказалось на улице посреди зимы.

Дойл подошел ко мне, держа обеими руками краденый болт-пистолет. Громоздкое оружие было слишком большим для человека его размеров.

- Зубы Императора... Вы только посмотрите на него, он еще дышит, - произнес Дойл, его собственное дыхание вырывалось быстрыми испуганными вздохами. – Нельзя бросать его здесь так.

Это он верно заметил. Якобсен был переломан, как плохо сделанная деревянная кукла, его руки и ноги торчали под неестественными углами в странных направлениях.

- Дойл, не вздумай...

Савларец выстрелил и попал в подмышку Якобсена.

Болтерный снаряд взорвался. Все вокруг побелело. Уши заложило от грохота и какого-то странного пронзительного вопля, потрясшего мой разум. Потом в глазах начало проясняться.

Но лучше было бы не видеть того, что мне открылось.

Красная плоть, разбросанная повсюду. Не просто красная, но багрово-мясная и мраморно-розовая, словно стейк. Якобсена разорвало в клочья, будто взрывом гранаты. За пару секунд стойло превратилось в бойню.

Ржание химо-зверей и вопли охваченных ужасом савларцев слились в одну сплошную какофонию. Но я ощущала себя как-то отдельно от всего этого, словно слышала эти звуки под водой.

Потом звуки снова стали слышаться как обычно, и я встряхнула головой, чтобы немного прийти в себя.

- Что ради Святой Терры происходит? – произнес Грёте каким-то воющим голосом, подойдя к нам у входа в стойло. Его лицо было белым, словно выбеленный пергамент.

- Он напугал одного из этих зверей, - сказала я. – Надо убираться отсюда. Но сначала помогите мне убраться то, что от него осталось.

- И что мы будем делать с... этим? – спросил Грёте, ошеломленно указывая на клочья того, что было Якобсеном.

В стойлах позади меня химо-звери громко фыркали и вставали на дыбы, их сине-белые языки высывались из ребристых ртов туда и обратно, словно поршни.

В голову мне пришла мысль. Я нахмурилась.

- Эти звери едят человечину, верно?

Долговязый огнеметчик встряхнул головой, похлопав себя по уху.

- Я уже много лет...

- Не ты, Грёте! Ради Трона, соберись! *Эти звери едят человечину?*

- Да, - сказал он. – А что?

- Помоги мне с его трупом.

Я повернулась и открыла стойла двух ближайших химо-зверей. Проскользнув мимо чешуйчатого бока одной из тварей, я набрала горсть сухого мясного корма из ее кормушки и бросилась обратно к останкам Якобсена.

- Это поможет им начать, - сказала я, разбрасывая корм по полу стойла и насыпая его в разорванную грудную клетку трупа. – Чем меньше доказательств, тем лучше. А теперь надо бежать.

Самый крупный из химо-зверей подошел к останкам, слизывая корм с пола, и опустил свое длинное рыло в потроха Якобсена. Синеватый язык твари быстро мелькал туда-сюда.

Дойл кивал как безумный, словно соглашаясь со мной, но не двигался с места, все еще держа свой краденый болт-пистолет в обеих руках. Я отошла в сторону так, чтобы между ним и мной находился химо-зверь – на всякий случай.

Никто не пришел на шум, слава Трону. Должно быть, конюхи поняли звуки выстрелов правильно – как знак держаться подальше. Бандитские разборки и все такое. Я жестом просигналила савларцам, что все чисто.

Грёте пробежал мимо меня, Дойл за ним. Хотя все мои инстинкты были против этого, я все же оглянулась.

На этот раз я точно увидела на стене конюшни что-то странное. Тень – нет, что-то более отчетливое. Пятно. Оно смутно напоминало человеческий силуэт, будто кто-то был похоронен в стене – разлагающийся труп, истекающий гнилостной жидкостью в пласкрит вокруг себя.

Я сказала себе, что это просто плесень, или какое-то другое пятно. Может быть, моча химо-зверя.

Я встряхнула головой, и видение исчезло. Это было еще более странным. Мгновение я просто тупо смотрела на стену.

«Сосредоточься, Лина»

- Вендерсен! – прошипел Грёте, вместе с Дойлом стоя у выхода из конюшни. – Пошли!

Я повернулась и побежала за ними, пытаюсь противостоять безумному ощущению ужаса, медленно охватывавшего мою душу.

Той ночью я совсем не могла заснуть. Жуткие видения непрерывно вторгались в мои мысли, стоя перед глазами, словно выжженные. Пустые, мертвые глаза Вернид. Изломанные руки и ноги Якобсена с торчавшими из них обломками костей. Выстрел из болт-пистолета Дойла, взорвавшийся в подмышке толстяка, и зияющая полость за осколками ребер, с темно-багровой сердцевиной. Закатившиеся глаза химо-зверя, и его сине-белый язык в кишках Якобсена, когда тварь пробовала на вкус его сочные потроха.

Но больше всего мне не давало покоя то проклятое пятно на стене. Я просто не могла выбросить его из головы. Иногда мне казалось, что я вижу похожую тень на пласкрите, словно на пикт-снимках с силуэтами погибших в пожирающих миры пожарах Экстерминатуса.

Потом снова началось постукивание и это ужасное царапание. Я говорила себе, что это, должно быть, внутренние системы «Провидения». Это было старое судно, даже по меркам Имперского Флота, и технопровидцы, несмотря на все свои старания, мало что могли с этим сделать.

Вероятно, на Якобсена напал некий таинственный убийца, работавший на семью Торн. Может быть, даже псайкер, спроецировавший ужас в разум жертвы. Честно говоря, я никогда не верила в старые ноктайские истории об убийцах, способных проходить сквозь стены. Теперь эти истории выглядели куда более реальными.

Возможно, убийцу послал Бульвадт, в то же время, притворяясь, что ничего не знает. Возможно, все это устроил этот мерзавец Тренард. И к кому я могу обратиться, чтобы поговорить об этом и разделить бремя? К двум савларским наркоманам, мошеннику-ратлингу и бесчувственному киборгу. Как там говорится в старой поговорке? С такими друзьями...

Всего этого было почти достаточно, чтобы заставить меня нарушить клятву, данную себе – никогда не искать утешения в Имперском Культе. Почти достаточно, чтобы заставить меня искать Гефсема, священника Министорума, приписанного к нашей боевой группе.

Бессонные часы медленно тянулись. Я начала видеть эту тень в висящей одежде, в пятнах на зеркале, даже в складках моего офицерского плаща. Это ужасное постукивание и царапанье играло на моих истерзанных нервах каждый раз, когда я думала, что оно, наконец, прекратилось. И что-то внутри меня подсказывало, что оно стало звучать чаще. Я не осмелилась проверить, так ли это в действительности.

Измученная бессонницей и усиливавшимся отчаянием, я засунула голову под подушку, свернулась клубком и заставила себя представить, что я иду по пляжу, чувствуя под ногами теплый золотистый песок. Я вызвала в памяти шум волн, разбивавшихся о берег, и крики чаек над прибрежной деревней, где я выросла. Вспомнила мыс, куда я приходила, когда мне надо было отдохнуть от непрерывной беготни по переулкам в попытках продать товар. Я находила утешение в воспоминаниях об ощущении песка под ногами и странных раковинах, которые я собирала в детстве.

Слава Императору, я понемногу начала засыпать.

И тогда начались сны.

Я говорю «сны», но честно сказать, я не уверена, были они плодом воображения, видениями моего измученного разума, или чем-то еще. Они казались такими реальными, такими страшными. Когда моя рука или нога выбивалась из-под одеяла, я чувствовала, что *что-то*, что находится очень близко, смотрит на нее. Почти дышит на нее.

Каждый раз я прятала руку или ногу под одеяло, чувствуя себя немного глупо, пугаясь, словно маленькая девочка. В конце концов, я была полевым командиром Астра Милитарум, ради Святого Трона! Я возвращалась на свой пляж, засыпала и двигалась во сне. И когда я просыпалась, рука или нога снова выбивались из-под одеяла.

Чувствуя себя одинокой и потерянной, я еще сильнее сжалась в комок. Но через несколько минут проснулась. На этот раз я лежала на спине, и обе руки и ноги были широко распростерты.

Это довело меня почти до паники. Я спрятала руки и ноги под одеяло, словно черепаха, прятавшаяся в панцирь от пустынного хищника. Император Милосердный, как там было жарко. Мое сердце колотилось, я обливалась потом, словно три раза пробежала ноктайскую полосу препятствий. Я закусил кончик большого пальца, чуть-чуть приподняв одеяло, чтобы можно было дышать. Одна моя нога затекла так, что ее словно иглами кололи, но я не могла ее вытянуть. Просто не могла.

Спустя несколько минут тяжелого дыхания и мрачных мыслей я вытянула руку и схватила свой плащ – я сбросила его с вешалки, когда его тень напугала меня. Я набросила

плащ сверху на одеяло, добавив таким образом дополнительный слой. И свернувшись клубком под ним, я почувствовала себя в несколько большей безопасности. Конечно, я не могла бы объяснить, как шерстяная ткань защитит меня от таинственных технологий, которые использовал убийца Вернид. Но знаете что, так я определенно чувствовала себя более безопасно. Возможно, на каком-то первобытном уровне. После этого я проспала несколько часов и проснулась, когда включился люмен дневного цикла.

Постель была мокрой. Мокрой от моей крови, жутко багровой и липкой. Все было просто пропитано кровью.

Я завопила, вскочив, и вцепилась в одеяло и плащ, покрывавшие меня, будто саван. Только тогда я поняла, что постель была мокрой от моего пота, и что я невредима. В жутком беспорядке, от меня несло потом, но я была невредима.

Я поняла, что это не совсем так, когда заметила четыре царапины на ноге, длинные и ярко-красные. Они горели в прохладном воздухе.

Я поднялась, дрожа от страха и внезапного холода, когда вылезла из-под одеяла, и, шатаясь, с колотящимся сердцем, направилась в душ.

Отчаянно нуждаясь в собеседнике, я спустилась в мастерскую Юки под предлогом официальных дел. В конце концов, нет ничего странного в том, что старший офицер посетит технопровидца боевой группы.

Было приятно идти по кораблю в своей форме, а не в этой ужасной савларской, и приятно увидеть Юки с ее полным отсутствием оценочных суждений и морализаторства, вследствие чего она была таким хорошим собеседником. Она не имела никакого отношения к интригам и борьбе за власть в высших эшелонах командования, и это тоже было хорошо. Кроме того, она была единственным человеком, с которым я могла поговорить о варп-галлюцинациях и убийствах без того, чтобы потом пошли слухи.

Когда я вошла в мастерскую Юки, она чинила поврежденную дверную оптику, выглядевшую очень знакомо. Судя по чистоте на ее рабочих столах, ремонт двери Вернид был для Юки самым интересным событием за многие недели. Во время варп-перелета у скромного технопровидца Гвардии обычно бывает мало работы. Я подумала, что она скучает и будет рада любому источнику новой информации.

Я заглянула через ее плечо, словно просто, чтобы провести время.

- Что это, Юки?

- Это дверная оптика типа «Кариатида» из отсека 7006. Демонтирована с каюты сержанта Люции Вернид.

- Кто-то пытался взломать дверь?

- Не исключается, - что-то внутри нее издало тикающий звук. – Я проверяю ее по приказу действующего взводного командира Рохо Кроддена из 270-го полка Савларских Химо-Псов. Он весьма настаивал на этом, используя неприятные термины относительно возможностей моей кибернетики, - Юки оглянулась на меня, ее бионический глаз зажужжал, перенастраиваясь, - Он сказал, что оптика неисправна, и так как это относительно сложное устройство, я забрала ее сюда для анализа неисправности.

- Монозадачный сервитор?

- Фактически да, - она почесала шею аугметической рукой, состоявшей, казалось, из одних поршней и металлических когтей. Движение было быстрым и странно собачьим. Юки всегда чесалась. Ее украшенное шестерней служебное одеяние было сшито из красной

мешковины, и как-то за бутылкой самогона она призналась мне, что от этой ткани страшно чешутся оставшиеся участки кожи.

- Он сохраняет информацию о том, кто входит и выходит, так?

- Теоретически должен, - сказала Юки, вскрывая устройство. Мастерскую наполнил едкий запах щелочных химикалий. - Хотя это устройство испорчено. Его глазное яблоко серьезно повреждено электрическим разрядом. Органический компонент лопнул здесь, - один из ее металлических пальцев разделился надвое, образовав пинцет, которым она сняла кусок молочно-белого вещества с глазного яблока.

Тут же в моей памяти возникла картина закотившихся страшных глаз Вернид.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь сохранить непринужденный вид.

- В этом устройстве сохранилась информация о том, сколько людей пользовались этой дверью за последние несколько дней? Или кто использовал ее?

- На первый вопрос ответ утвердительный, - сказала Юки, почесывая неаугментированную часть руки. - Данные по числу использований все еще в нем. На второй вопрос ответ, более вероятно, отрицательный. Сейчас посмотрим.

Я ждала, изо всех сил стараясь казаться лишь слегка заинтересованной, и поправляла форму, когда казалось, что я смотрю на работу Юки слишком долго.

- Похоже, что дверь открывали дважды за последний суточный цикл. Но данные о том, кто ее открывал, недоступны.

Это, конечно, была я. И, вероятно, тот, кто официально нашел труп Вернид.

- А перед этим?

- Ничего. По внутреннему вычислительному устройству последний раз дверь открывали четыре дня назад.

Я почувствовала, как у меня сдавило горло, и с трудом выдохнула. Время не совпадало. Вернид умерла две ночи назад. Я готова была поставить на это мой старый жетон медика.

- Ты уверена, Юки?

- Эта часть оптического устройства аналоговая, - сказала она, в ее голосе была стальная уверенность.

- Ясно. Я спрашиваю лишь потому, что сержант Вернид была моим другом. Я не хочу, чтобы люди подумали, что я превышаю здесь свои полномочия.

- Это не относится к моей работе. Я лишь хочу починить и установить обратно это устройство. Я никогда не рассказываю о наших разговорах другим. Скорее всего их сочли бы отвлекающими от работы и контрпродуктивными.

- Юки?

- Да, Лина Вендерсен?

- Ты ничего не слышала о присутствии агентов Ассассинорум в нашей боевой группе?

- Не слышала, - она на мгновение прищурила глаза, и инфокабель на ее спине издал визжащий шум. Спустя секунду, она пожала плечами. - Как я и думала. В записях, доступных рангу технопровидца, нет сведений по этому вопросу.

Я благодарно кивнула ей, и она слегка склонила голову в очень человеческом жесте соучастия.

Благослови тебя Император, Юки Бета-Дара. Пусть твои металлические пальцы не знают безделья.

Позже в тот день я все-таки решила снова надеть свое савларское обмундирование и

поговорить с ребятами из 270-го. Они были единственными людьми, способными понять, что мне приходится переживать, и дать некоторое представление насчет того, действительно ли на мне какое-то проклятье, из-за которого ночные часы суточного цикла превращаются для меня в кошмар наяву.

К этой теме следовало подходить очень осторожно, если я хотела сохранить свое положение альфа-хищника в этой стае подонков. Но если и им приходится терпеть нечто подобное, это будет по ним заметно. Судя по моему отражению в зеркале, признаки этого будут вполне очевидны – например, большие темные круги под глазами. После долгой бессонницы я выглядела так, словно очень точный кулачный боец пару раз врезал мне по лицу. Моя лодыжка все еще болела; должно быть, я сама оцарапала себя ночью, возможно, в попытке отогнать воображаемого врага. Мои волосы были спутаны и начали сваливаться, но у меня не было времени нормально причесаться. Этим можно будет заняться потом. Сейчас у меня были куда более важные дела.

Например, попытаться выяснить, что же, пропади оно в варпе, убивает савларцев из 270-го.

Вечером у меня была назначена встреча с Бульвадтом, и мне совсем не хотелось опаздывать. Но у меня было время посетить хотя бы одного из савларцев. Из двух еще оставшихся в живых участников покушения на Торн я выбрала Дойла. Грёте, скорее всего, где-то гуляет и пытается поджечь что-нибудь, а Дойл, будучи наиболее тихим из шайки и чем-то вроде интроверта, вероятно, отдыхает на своей койке. Хотя когда было необходимо, он мог драться, словно загнанный в угол волк, в моем присутствии он всегда чувствовал себя явно неловко, и, используя правильные методы убеждения, можно будет выяснить у него то, что мне нужно знать. Неспешной савларской походкой я направилась в отсек, где размещались солдаты 270-го, как раз перед вечерней службой.

Как полевой командир, я не была обязана посещать молитвенные собрания отца Гефсема – достаточно было обеспечить Экклезиархии возможность промывания мозгов имперской пастве в полном объеме. Савларские солдаты по части прославления Имперского Культа ничуть не лучше, чем в плане дисциплины. Дойл, скорее всего, тоже не посещал церковные службы, а пытался в это время как-то развлечься, тогда как более благочестивые солдаты пели хвалебные гимны Императору в нижних отсеках.

В этот раз не было необходимости связываться с дверной оптикой. Колпиус Дойл был всего лишь рядовым, а как скажет вам любой ветеран Астра Милитарум, рядовым уединение не положено. Двери в их каюты достаточно тяжелые – в конце концов, это космический корабль – но они не запираются. Вы можете открыть дверь когда угодно, хотя в любом случае не мешает постучаться.

И я постучалась в дверь Дойла. Вежливо, но громко. Никто не ответил. В воздухе ощущался странный запах, как будто что-то горело.

Я постучалась снова, потом попыталась открыть дверь.

Странный запах стал сильнее. Я почувствовала, как желчь поднимается у меня в горле, стиснула зубы, рванула ручку вверх и резко толкнула дверь.

От зрелища, открывшегося передо мной, меня едва не стошнило. Проглотив комок горячей рвоты, я, шатаясь, вошла в каюту и закрыла дверь за собой. Сняв с лазгана штык, я заклинила им ручку двери, чтобы ее никто не открыл. Мне предстоял еще один кошмар, и я не хотела, чтобы кто-то заглядывал мне через плечо.

Дойл был там. Он стоял на коленях посреди каюты, в луже запекающейся крови и

розовато-красных комков плоти. У его головы не было верхней части – череп был вскрыт, как яйцо. Кровь и мозг заляпали пористые плитки фальшпотолка. Подняв взгляд, я увидела, как капля крови с тихим хлюпаньем упала с потолка на пол. Подбородок Дойла упирался в дуло его лазгана, поддерживавшего останки его головы, не давая обмякшему телу упасть. Дойл застыл на коленях, словно в молитве, его палец до сих пор был на спусковом крючке лазгана.

Каюту наполняло зловоние горелой плоти. Оно было таким густым, что у меня снова к горлу подкатила тошнота, и я с трудом подавила ее. Дойл сам покончил с собой – и не так давно. Быстро приложив палец к тыльной стороне его руки, я подтвердила свои подозрения: тело было еще теплым, и его не успело охватить трупное окоченение.

Я оглядела каюту в поисках следов пребывания в ней кого-то еще. Возможно, Дойла все же убили и обставили это как самоубийство. В каюте был беспорядок, по полу разбросана грязная одежда, но явных следов борьбы не было.

Что я нашла в больших количествах – так это угольные рисунки, приклеенные к стенам. Некоторые из них были совсем не плохи; изображения космодесантников, стоявших в героических позах, или истреблявших уродливых мутантов с рогатыми головами. На других рисунках были изображены обнаженные красотки – судя по ним, сексуальная зрелость Дойла осталась где-то на уровне 12 лет. Была даже картинка со мной, нарисованная достаточно хорошо, чтобы уловить сходство, особенно удались волна черных волос и линия подбородка. Я сидела под лучами солнца на кургане из камней, на моих обнаженных руках и ногах были видны царапины. Я не поняла, что это значит, да и сейчас не знаю.

Но на некоторых рисунках, прилепленных к задней стене комками лху-жвачки, было изображено нечто ужасное. Когда я их заметила, каждый волосок на моем затылке встал дыбом, словно кто-то внезапно дунул мне на шею.

На них была нарисована некая истощенная фигура с переломанными руками и ногами, из которых торчали обломки костей. Существо было обнаженным и парило или висело в воздухе. Лицо его закрывала масса длинных прямых волос, а на тонких пальцах рук и ног росли неестественно длинные ногти, загибавшиеся словно серпы.

Всего таких рисунков было около пятидесяти. Некоторые представляли собой поспешные наброски углем на бумажных полотенцах, другие были изображены на официальных пергаментях и выполнены очень тщательно. На иных рисунках это существо появлялось из тьмы, на других вокруг него был виден нимб света.

Я взяла один из наиболее детальных рисунков - не знаю, зачем - и спрятала его за пазуху своей савларской формы. Наверное, я подумала, что рисунок может пригодиться в случае, если мне вдруг придется описывать тварь, которой был одержим рядовой Дойл перед смертью. Я сказала себе, что это изображение убийцы, которому заказали савларцев из 270-го, и что это подтверждает мои подозрения о некоей экзотической разновидности ассассина-псайкера. Но что-то в моей голове говорило мне, что я отлично знаю, что это есть на самом деле, и что это не имеет отношения ни к Оффисио Ассассинорум, ни к мятежникам.

Отвернувшись от кошмарных рисунков, я наступила на что-то мягкое и мокрое. Отпрянув и сморщившись от отвращения, я стряхнула эту гадость с подошвы ботинка. Ошметок чего-то серого и липкого отлетел под койку. Я была уверена, что это кусок мозга Дойла.

С меня было достаточно. Оставить четкие следы на месте «самоубийства» означало

напрашиваться на визит Тренарда и пары тяжеловооруженных абордажников Бульвадта. Украденным рисунком я стерла след с пола, потом вытерла подошву, и спрятала рисунок под савларскую форму. У двери я на мгновение задержалась, прислушавшись, нет ли кого в коридоре. Путь был чист, слава звездам.

На этот раз я слишком спешила, чтобы изображать наглую савларскую походку. Видимо, во мне осталось не так уж много наглости.

Я стояла перед кабинетом Бульвадта, вытянувшись по стойке смирно, как он любил. У лысого мерзавца была привычка заставлять меня ждать под дверью, если я приходила хотя бы на несколько минут раньше назначенного времени, даже если он при этом не был занят ничем важным. И напротив, если я опаздывала хоть на минуту, он орал на меня до хрипоты, что я трачу его время.

Я ощутила прилив ненависти, ноктайский парадный мундир вдруг показался слишком тесным. На мгновение я представила Бульвадта с переломанными руками и ногами, с кровью, размазанной по его дурацкому лысому черепу. Усилием воли я прогнала эти мысли. Не стоит сейчас думать об этом. Совсем не стоит. Этим вечером важнее всего будет попытаться избежать кошмаров последних нескольких дней – и, кроме того, сделать мое пока еще не вполне устойчивое политическое положение в иерархии боевой группы достаточно прочным.

Дверь в кабинет Бульвадта открылась, и выглянуло суровое лицо Тренарда, постаревшее раньше времени и полностью лишенное какой-либо теплоты.

- Вендерсен, - произнес Тренард. – Он готов принять вас.

Я отсалютовала и щелкнула каблуками, не только, чтобы проявить дисциплину, но и чтобы вернуться к соответствующему образу мышления.

- Спасибо, *первый адъютант* Тренард, - сказала я. – И, если вы еще не забыли, я *полевой командир* Вендерсен.

Войдя в кабинет, я увидела Бульвадта, сидевшего за столом стратегиума, главное место на котором занимала доска для гексаграммона. Я всегда мечтала обладать такой вещью. Мозаичная доска, составленная из шестиугольников, изготовленных из иаксийского гранита, калтского нефрита и талассарского перламутра, была отделана червонным золотом. Сами фигуры были столь же роскошны.

Этот набор для игры стоил целое состояние, но я жаждала обладать им не из-за его денежной стоимости, а из-за того, что он олицетворял. Положение. Привилегии. Свободу от безнадежности нищих переулков, тесноты перенаселенных ульев и залитых потом учебных полигонов. Обладать такими артефактами означало принадлежать к совершенно иному уровню существования.

- Ну, присаживайся... полевой командир, - Бульвадт указал на кресло из трасканского красного дерева. Я всегда думала, не являлось ли рассчитанным оскорблением то, что среди всех ценных вещей, которые Бульвадт собрал за свою долгую службу, не было ни одной с моего темного, пропахшего морской солью родного мира Ноктас. Ясно, что он хотел этим сказать. Что наш мир не представлял реальной ценности, и нам, ноктайцам, нечем гордиться.

- Вы готовы к сокрушительному поражению? – спросила я, добавив в голос подходящую дозу легкомыслия.

- Я готов не давать пощады, - сказал Бульвадт, прищурившись. – Не возражаешь, если

Тренард присоединится к нам? – он махнул рукой, прежде чем я успела ответить. – Он надеется однажды лично всыпать тебе как следует.

Я почувствовала, как в моей душе что-то содрогнулось, но ничего не сказала. По крайней мере, Тренард имел достоинство отвернуться. Я чувствовала, что его пронзительный взгляд, к счастью, направлен не на меня.

- Начнем? – сказала я, передвинув первый диск и начав игру стандартным гамбитом.

- Давай немного поговорим, пока идет кровопролитие, - ответил Бульвадт – Мы давно не виделись. Похоже, тебя мучает бессонница, Лина.

- Да, довелось пережить несколько бессонных ночей, - я взяла одного из разведчиков Бульвадта, подставив своего в клещи, что дало старому тирану шанс взять моего разведчика и насладиться мстостью.

- Этого следует ожидать, учитывая, что мы летим в варпе, - заметил Бульвадт. – Когда доживешь до моих лет, будешь спать лучше.

О, как я надеялась, что он прав.

- Вас ничего не тревожит, полевой командир? – с невинным видом спросил Тренард.

- Возможно, - сказала я, покачивая головой, словно что-то обдумывая, и одновременно передвинула фигуру в центр, формируя оборонительную позицию. – Возможно, это и варп-перелет. И ответственность, связанная с новым званием. Маризель Торн – нелегкий пример для подражания.

- Она произвела глубочайшее впечатление на всех нас, - кивнул адъютант. – Не сомневаюсь, что вы часто думаете о ней.

Я рассеянно кивнула, притворяясь, что сосредоточена на игре. По какой-то странной причине царапины на ноге вдруг дали о себе знать, запульсировав глухой болью. Может быть, они заражены?

Бульвадт хорошо вел игру, но я уже имела опыт трех партий с ним. Его ходы всегда были такими заурядными, предсказуемыми, слишком оборонительными.

Я вдруг задумалась, как играет Тренард. Несомненно, как хитрый подлец.

- Вы довольны началом моей деятельности в новом звании? – спросила я.

Бульвадт фыркнул.

- Честно говоря, нет.

Он взял мою главную фигуру.

Я почувствовала, как напряжение сдавило мне горло.

- Нет, верховный патриарх?

- Еще один савларец был найден мертвым этим утром, с мозгами, размазанными по потолку. Три трупа, не считая самой Торн. И все за несколько дней.

- Как он умер? – спросила я, встревоженно нахмурившись. Было нетрудно изобразить тревогу достаточно искренне, особенно когда я вспомнила разmozженный череп Дойла и кровь на потолке.

- Застрелился за час до начала дневного цикла, - сказал Тренард. – Говорят, это варп-безумие.

- Ужасное дело, - вздохнула я.

- Особенно когда это происходит под твоим командованием! – вдруг заорал Бульвадт, встав и склонившись над столом, практически брызгая мне слюной в лицо. Фигуры посыпались с доски, одна едва не упала на пол, но Тренард вовремя ее подхватил.

- Три смерти за шестьдесят часов! – гремел Бульвадт, слишком разозленный, чтобы

обращать внимание на что-то. – Для корабля такого размера это куда больше приемлемого! И что странно – все из одного подразделения? Что во имя Императора происходит, женщина?

- Я могу только предположить, что это бандитские разборки, - сказала я, стараясь сохранять спокойствие и помогая Тренарду снова расставить фигуры на доске. Адъютант поставил упавшую фигуру в правильную ячейку поля, и правильно повернув, при этом он ни на секунду не сводил взгляда с меня.

- Это же савларцы, - сказала я так, словно это все объясняло. – Они часто переносят на службу старые счеты еще из прошлой жизни.

- Да неужели, - произнес Бульвадт, его голос был холодным, словно могильная плита. Он сел в свое кресло, но по-прежнему был похож на гиперфелида, готового прыгнуть.

- Они все преступники, вербуемые в Астра Милитарум, чтобы восполнить численность, - продолжала я. – Даже после этого их Великого Прощения они продолжают создавать проблемы по части дисциплины. Особенно когда нет противника, которого можно убивать и грабить.

- В ее защиту следует сказать, что нечто подобное происходит не в первый раз, - сказал Тренард.

- В ее защиту? – голос Бульвадта сочился ядовитым скептицизмом. – В ее обвинение я скажу, что это те самые савларцы, с которыми Вендерсен работала на Топентайре. Ты сам сказал мне об этом, Тренард.

- Да, верховный патриарх. Она по-прежнему основной подозреваемый.

- Я по-прежнему еще здесь, первый адъютант, - напомнила я.

Тренард покосился на меня, бросив взгляд, острый, как нож.

- И ты во время этих убийств тоже «играла в гексаграммон с Викс Денштадт»?

- Нет, верховный патриарх. Во время самоубийства я была в своей койке и пыталась заснуть после порции амасека – я и выпила его, чтобы хоть немного заснуть. А если вы связываете со всем этим инцидент в конюшне, то в это время я встречалась с одним своим знакомым, Енохом Белогривым.

- Ратлинг, - проворчал Бульвадт. – Ну и знакомые у нее.

Он покачал своей лысой головой, но я чувствовала, что его гнев уже проходит, словно грозовая туча, уносимая ветром. Ложь насчет Еноха была еще одной рискованной игрой, но если мне удастся встретиться с ратлингом раньше Тренарда, она может стать моим алиби, за которое, правда, придется чем-то платить.

- Мы это проверим, - сказал Бульвадт.

- А это что-нибудь значит для тебя? – спросил Тренард, вдруг подняв к моему лицу кусок пергамента. Это был один из угольных рисунков Дойла. Истощенная женщина, изломанная и ужасная, с этими длинными чудовищными ногтями.

Мне пришлось проявить невероятное усилие, чтобы не завопить.

- Очаровательно, - протянула я, отмахнувшись. – Твоя техника улучшилась, Тренард, но натурщица выглядит какой-то больной.

Тренард поднял бровь и спрятал рисунок.

- Я взял это из каюты самоубийцы, рядового Колпиуса Дойла. Это лишь один из десятков подобных рисунков, которые он сделал. Похоже, он был весьма... психически неуравновешенным человеком.

Это уж точно. Одно из его рисунков был спрятан у меня под майкой, и в тот момент он

показался мне особенно жестким и колючим.

- Варп-перелет, как вы и сказали, - я пожала плечами. – В нем не соскучишься.

- Ха, - фыркнул Бульвадт, но в его голосе не было веселья.

- А это? – Тренард вынул другой пергамент и развернул его. Я почувствовала, как мой язык стал сухим, словно ящерица под солнцем пустыни. Это был тот самый рисунок, где я сидела на каменном кургане.

- Я польщена, - только и смогла произнести я. – Это работа того же художника?

Тренард сурово посмотрел на меня.

- Да.

- Должно быть, он был одним из тех ребят, с которыми я служила в горах Геродда. Мы там оставили много могильных курганов.

- Возможно, - произнес Бульвадт, прищурившись. – Хорошо. Ты говоришь, что ничего не знаешь обо всем этом, и хотя я не верю тебе ни на секунду, у меня пока слишком мало доказательств обратного. Но если случится хотя бы еще один инцидент вроде этого, я лишу тебя звания еще до того, как ты вступишь в командование ноктайцами. Ты поняла меня, *полевой командир* Вендерсен?

- Абсолютно, - ответила я, чувствуя себя так, словно получила удар прикладом в грудь. – Вы извините меня? Я не знала об этом самоубийстве, и мне нужно провести свое расследование, чтобы удостовериться, что больше таких инцидентов не будет, по крайней мере, в этом варп-перелете.

- «Вы извините меня», говорит она, - Бульвадт вздохнул, словно я была непослушным ребенком. – Ладно, иди, Вендерсен. Но будь осторожна. Маризель Торн была слишком важным членом моего штаба, и ее смерть как-то связана со смертями этих савларских подонков. Я уверен в этом.

В этот момент мне показалось, что я увидела что-то на стене позади него. Странный силуэт на стене, будто пятно, медленно расплывшееся из ниоткуда, с чем-то, похожим на вытянутую костлявую руку. Я отвернулась, чувствуя, как меня охватывает леденящий ужас.

Бульвадт склонился вперед, заметив, что мое внимание на что-то отвлеклось.

- Ты выглядишь встревоженной, впрочем, не без оснований. Если я найду хоть какое-то доказательство того, что ты связана с любой из этих смертей, у меня не будет выбора, кроме как бить и бить тебя, пока не откроется вся правда.

- Конечно, верховный патриарх, - ответила я. – Обещаю вам, мое поведение будет примерным.

Я отсалютовала, щелкнув каблуками, и направилась к выходу. Тренард открыл дверь для меня, джентльмен чертов.

- Удачи, полевой командир Вендерсен, - сказал он мне, когда я выходила. – У меня такое чувство, что она вам понадобится.

Быстрым шагом я направилась на камбуз, ярость гнала меня вперед, хотя мое тело было готово рухнуть от страшной усталости – и физической, и моральной. Бульвадт и Тренард уже жаждали моей крови. Если я не доберусь до Еноха первой и не сумею договориться с ним, меня можно считать трупом. Более чем когда-либо я злилась на себя, потому что позволила их примитивной тактике допроса вывести меня из равновесия настолько, что я выдумала фальшивое алиби.

Даже если встреча с Енохом пройдет гладко, остается еще три дня до того, как мы

выйдем из варпа. Я была почти уверена, что меня казнят еще прежде чем мы выйдем в реальное пространство – если еще раньше меня не убьет тот ужасный убийца, который преследовал савларцев. Ничего не скажешь, удачно началась моя карьера в новом звании.

Я учуяла запах камбуза раньше, чем дошла до него. Зловоние подгнившей капусты смешивалось с едким смрадом подгорелого мяса. Это был плохой знак. Енох не позволил бы пропасть ни одному ломтику гроксового мяса. Каковы бы ни были ратлинги в остальном, они всегда были отличными поварами. Значит, либо его нет на камбузе, либо он очень занят.

Император Милостивый, хоть бы он был там.

Подойдя к овальному люку, я постучала три раза. Изнутри доносился сильный шум – повышенные голоса, звон мисок, и иногда шипение пара.

Мне пришло в голову, что ноктайский офицер в парадной форме едва ли будет принят на камбузе с распростертыми объятиями, особенно, учитывая, насколько осторожен был Енох со своей второй работой. Но, честно говоря, мне в тот момент было плевать.

- Внеплановая проверка! – объявила я, больше на случай, если кто-то вдруг следил за мной. На мгновение я зажмурилась. Еще одна рискованная игра; ни один офицер-ветеран не был настолько глуп, чтобы проводить внеплановые проверки на корабельном камбузе. Если он, конечно, хотел в перелете питаться чем-то получше, чем протеиновая паста, приправленная мочой.

Я заглянула внутрь. Там было около шести коков, готовивших офицерские завтраки и замораживавших их, чтобы они не испортились до утра. С пламенной страстью ругая подчиненных, на камбузе распоряжался Енох Белогривый, крепкий ратлинг четырех футов роста с копной взлохмаченных волос. Уже давно он имел весьма мало оснований называть эту гриву белой. За 43 года его службы в грязных и сырых камбузах волосы приобрели цвет легких старого курильщика лхо.

Я вошла и объявила о своем присутствии, постучав о край кухонного стола. Ратлинг не оглянулся; он был слишком занят, ругая на чем свет стоит одного из своих подчиненных. Бедняга кок побледнел от страха, несмотря на тот факт, что он был гораздо выше своего босса.

Енох почувствовал, что я смотрю на него, и оглянулся в моем направлении. Он прошипел что-то подчиненным, и кок и его товарищи немедленно исчезли из камбуза через запасной выход, не оглядываясь.

- Полевой командир Вендерсен, - произнес ратлинг, его хриплый голос был странно басовитым для такого коротышки. – Чем обязан такому удовольствию? Уже почти полночь.

- Мне нужны ответы на кое-какие вопросы. И одна услуга.

- Еще одна?

- Да. Если кто-то спросит, вчера мы весь вечер беседовали друг с другом.

- Ах, но это невозможно, - сказал он, сморщив красный нос. - Я был здесь, как я бываю здесь каждый вечер, и много людей могут подтвердить этот факт. Вы же знаете это.

- Тогда и я была здесь. Возможно, читала инфопланшеты на складе, в поисках минутки уединения... - я покачала головой. Почему с ним всегда так сложно? – Сделайте это, и мы в расчете за помощь с гауптвахтой.

- Я уже рассчитался за эту услугу, - возразил Енох, подхватив с ближайшей полки свернутый клочок бумаги и помахав им в воздухе. – Все эти записки? Кроме того, в тот вечер со мной здесь работали еще пять человек. Вы сможете повлиять на них, чтобы и они подтвердили ваше присутствие здесь?

Тут он был прав. Чем больше я думала об этом, тем меньше мне казалась вероятность, что это «алиби» сработает. Но я имела глупость сболтнуть его имя перед Бульвадтом и Тренардом, и с этим уже ничего нельзя было сделать.

- Слушай, Енох, у меня проблемы. Все плохо. Мне нужна твоя помощь.

- О, да, - кивнул он. – У вас действительно проблемы.

Он подошел к варочному оборудованию и нажал пару кнопок. Из отверстий с шипением пошел пар.

- Я слышал последние новости. У кое-кого из ваших савларских друзей тоже большие проблемы. Фатальные, можно сказать. Есть какие-то соображения, с чего бы все это?

- Это не несчастные случаи – в этом я точно уверена. Происходит что-то странное – даже для варп-перелета. Ты ничего не слышал о присутствии агентов Оффицио Ассассинорум на борту?

Он вздрогнул.

- Почему вы спрашиваете об этом именно меня?

- У меня слишком мало времени и никакого желания тратить его попусту, - сказала я. – А тебе известно обо всех делах на борту больше, чем кому-либо еще в боевой группе. Так ты не слышал ни о чем странном? О чем-то, что может проходить сквозь стены?

- Нет, Лина, - ответил он, протирая глаза мозолистыми кулаками, покрытыми шрамами. – Я не слышал ничего подобного. Агент Ассассинорум? В нашей маленькой боевой группе? – он поднял волосатую бровь. – Говорят, что вы, ноктайцы, знаете больше других, но меньше понимаете. Не думаю, чтобы Верховные Лорды Терры считали наших савларских друзей такой серьезной угрозой.

- Тогда, может быть, частный контракт? – я услышала в своем голосе умоляющие нотки, и это мне совсем не понравилось. Где-то у стенки камбуза послышалось легкое постукивание и щелчки, и хотя я знала, что это, должно быть, какое-то кухонное оборудование, эти звуки действовали мне на нервы.

- Ассассинорум не занимается частными контрактами, - возразил Белогривый. - Но мы летим в варпе, и тут могут происходить безумные вещи. Как бы то ни было, мне жаль, что это случилось с вами и вашими товарищами. И вы правы.

- Насчет чего?

- У вас действительно мало времени.

Вдруг запахнулась дверь, ведущая из камбуза в складские помещения, и я увидела за ней длинные тени.

В камбуз ворвались три савларских химо-пса в полном боевом снаряжении. Я бросилась обратно в коридор, но оттуда появились еще три. Один из этой группы был просто огромным, телосложением напоминая бойца из банды Голиафов с Некромунды. Его руки и ноги бугрились искусственно выращенными мышцами, и казалось, что кибернетики в нем столько же, сколько плоти. Его савларское обмундирование не столько сидело на нем, сколько было обернуто вокруг него, свисая лохмотьями вокруг его бицепсов и бедер.

- Добрый вечер, - спокойным голосом произнес он.

- Ах ты предательский кусок дерьма! – я плюнула в ратлинга, попав ему на лацкан. Внезапно оказалось, что идти сюда сразу после встречи с Бульвадтом, не зайдя в каюту за пистолетом, было весьма неразумно.

- Прости, Вендерсен, - сказал Енох. – Но ты привлекла слишком много внимания. А это плохо для бизнеса.

- Хуже того, - добавил гигантский химо-пес. – Сколько моих людей погибло из-за тебя?

- Вообще-то они были уже не маленькие, и достаточно опытные в таких делах, - возразила я. – Они сами принимали решения.

- Худшее решение, которое они приняли – работать с тобой.

- Ты, должно быть, Кродден, - сказала я, заметив сержантские шевроны, вытатуированные на его лбу. – Слышала, ты отличился на Армагеддоне.

- Сержант Рохо Кродден, действующий взводный командир, - ответил он, фыркая, словно бык. Страшно выглядывший респиратор, закрывающий его нос и рот, был мокрым от соплей и слюны. – Пришло время преподать тебе урок.

Я почувствовала, как две пары рук схватили меня сзади, и резко ударила головой назад. Удар попал в цель, ощущение ломающихся костей лица и зубов вызвало у меня улыбку, как и послышавшийся громкий вскрик боли. Секунду спустя, я ударила каблуком по носку ботинка, который видела краем глаза, пригнувшись, увернулась от удара массивной руки, и повернулась по диагонали, так, что мое плечо врезалось следующему нападавшему в живот. На этот раз я была вознаграждена болезненным вскриком, и увидела, как савларец с клочковатой бородой выплевывает кровь.

Заметив, как защитные очки блеснули слева от меня, я двинула локтем в горло следующему, сбив с него респиратор, отлетевший со струей наркотического газа. Перешагнув через упавшее тело, ко мне двинулся гигант, высокомерный и самоуверенный, как и большинство этих здоровенных качков. Я выбросила вперед ногу и попала ему ботинком под коленную чашечку, с достаточной силой, чтобы выбить ее и вогнать в мышцы бедра. Кродден пошатнулся и рухнул, взревев от боли, но успел схватить мясницкий топор с колоды для рубки мяса.

- Ладно! – взревел он. – План меняется! Смертный приговор!

Я бросилась в сторону, но у этого Кроддена были длинные руки. Топор мелькнул с безумной скоростью, и тупой стороной зацепил меня в висок. В глазах потемнело.

Я очнулась секунду спустя, окруженная шестью савларцами. Крепко держа, они потащили меня к машине в глубине камбуза.

Она называлась автоматом для переработки мяса, а камбузные работники называли ее просто мясорубкой. С одного конца засовываешь в нее тушу, и с другого она выходит уже разделанной, кусками или фаршем. Эта машина могла перерабатывать мясо непрерывно целыми днями. Я слышала истории, что Енох использовал ее для устрашения дураков, не желавших платить долги.

- Она очухалась, Рохо, - сказал один из химо-псов. – Следи за коленями.

Раздались смешки. Потом я услышала, как кулак врезался во что-то со звучным треском, и кто-то позади меня шлепнулся на пол. Светильники на потолке мигали, отбрасывая причудливые тени, вызывавшие у меня странное головокружение.

- Полежи, пока не научишься уважать старших, парень, - прорычал Кродден. – Или отправишься в мясорубку следом за ней.

Я отчаянно сопротивлялась, кусалась и кричала, пока рука не зажала мне рот. Я впилась в нее зубами. Почувствовав, как меня поднимают, я стала отбиваться ногами, и на мгновение вырвалась и всадила два пальца в чей-то налитый кровью глаз. Но меня снова ударили по голове и снова подняли, на этот раз держа так крепко, что я не могла вырваться.

- Пришла пора немного поделиться с солдатами, полевой командир, - усмехнулся Кродден. – Как тогда на Геродде.

Я увидела огромную пасть мясорубки с зубчатыми лезвиями внутри, похожими на рабочую часть камнедробилки «Голиаф». С утробным ревом машина включилась, и круглые лезвия начали вращаться, разбрасывая искры и ошметки мяса. Светильники на потолке вдруг замигали чаще, потом вовсе погасли.

Я упала. И тут начались вопли.

В мигающих вспышках света все вокруг выглядело как прерывистая картинка из старинного зоотропа Бульвадта. Я увидела, как некая невидимая сила подняла огромную тушу Кроддена и ударила его головой о потолок так, что его шея сломалась со страшным треском. Лица савларцев вскрывались кровавыми полосами, словно их резали четыре ножа одновременно, брызги крови и выбитые зубы разлетались во все стороны. Те же невидимые ножи вспарывали горла так глубоко, что в зияющих ранах виднелись шейные позвонки. Снова и снова глубокие резаные раны появлялись на бледной савларской плоти, словно ее рвал когтями невидимый чудовищный зверь.

Внезапные образы, словно разрезанные на ряд живых картин вспышками света. Казалось, будто я была прикована к месту каким-то ужасным параличом. Все, что я могла делать – просто лежать и смотреть.

Вспышка.

Ключья обмундирования, ребра разлетаются из вспоротого торса.

Вспышка.

Рот без языка, полный крови.

Вспышка.

Лопачущиеся глазные яблоки, вырванные из глазниц бескожего кровавого лица.

Вспышка.

Безголовый труп, летящий в полку с посудой, кастрюли и сковороды с грохотом сыплются во все стороны.

Вспышка.

Из разорванных артерий хлещет черная жидкость.

Откуда-то сверху ко мне потянулась татуированная рука. Инстинктивно я отбила ее обратно в темноту. Спустя секунду я увидела эту руку при вспышке света, но на этот раз кисть была оторвана, и надо мной навис сочащийся кровью красный обрубок. Кровь хлынула мне на лицо, горячая и зловонная.

Я почувствовала, как что-то царапает мое плечо, словно четыре огненных линии появились под моей формой – и завизжала, как перепуганная собака. А потом я услышала над собой ужасный царапающий голос. Это было нечто среднее между предсмертным хрипом и голосом женщины, наполненным такой ненавистью, что я ощутила, будто мои кости превращаются в воду.

МОЁ.

Я стала отползать назад, пока не заметила слабый проблеск света от входа в камбуз. Управляемая только животным инстинктом, я поползла туда на животе, в спешке ударившись головой о пластиковую облицовку кухонного стола. Свет в камбузе окончательно погас, но мне все еще были слышны вопли.

Оставляя следы чужой крови в коридоре, я отползала прочь от камбуза, потрясенная и беспомощная, как новорожденный детеныш. Наконец я вскочила и бросилась бежать, пока не упала.

Следующие несколько часов я шарахалась от любого движения. Я была явно не в себе, и голова болела так, что, казалось, была готова лопнуть. Шатаюсь, я билась о стены и дверные проемы, как пьяный ноктайский моряк во время шторма. Где-то в глубине разума я понимала, что оставляю за собой следы крови, и кто-нибудь вроде Тренарда сможет найти меня по ним достаточно легко. Но тогда я подчинялась лишь одному животному инстинкту: БЕГИ!

Наконец я немного пришла в себя в трюме корабля, недалеко от карцера, где все было тихо и спокойно. Отсеки для заключенных были наименее вероятным местом, чтобы добровольно проводить там время, и был определенный смысл в том, чтобы я пришла туда. Савларцы, вероятно, по причине каких-то суеверий, боялись этого места.

Бойня в камбузе поставила крест на моих теориях, что это имперский ассассин охотится за мной и моими сообщниками. Я была единственной из присутствовавших в камбузе, кто был связан со смертью Торн – и отделалась лишь новыми царапинами. Нет, там происходило что-то другое. О химо-псах много говорит тот факт, что я предпочла бы иметь дело с неким таинственным варп-феноменом, чем с бандой жаждущих мести савларцев.

Похоже, что в случае этих странных явлений присутствие других людей вокруг не очень помогает. Как бы то ни было, я оказалась единственной, кого пощадили в этой бойне. Более того, эта ужасная и таинственная сила спасла меня от превращения в мясной фарш.

Я дрожала от холода и страшно проголодалась. Внезапная пустота в животе напомнила мне, что я не ела почти два дня. Здесь еды не было, за исключением разве что трюмных крыс и тараканов. Но я еще не настолько опустилась.

Я заметила свое отражение в потускневшем медном радиаторе, части инфраструктуры отсека. Моя парадная ноктайская форма была перепачкана кровью и грязью. Это зрелище до некоторой степени привело меня в чувство; заставило думать, как разумный человек, а не перепуганное животное.

Я должна действовать, как-то нанести ответный удар. А что делают ноктайцы, когда все трудно? Работают и добиваются перемен к лучшему.

Шатаюсь, я встала и сделала глубокий вздох. Еще не все потеряно. События в камбузе могли произойти из-за присутствия среди громил Кроддена несанкционированного псайкера. Должно быть, он окончательно поехал от перспективы убийства в такой близости от варпа. Дикие псайкеры – страшное дело, это всем известно. И, говорят, если даже один из них взбесится, то спасти тебя может только сам Бог-Император.

Может быть, в этом и заключается ответ, подумала я. Если это была сверхъестественная угроза – а события в камбузе со всей очевидностью указывали на это – мне следовало искать некоей духовной защиты. Не сказать, чтобы я была очень благочестивой в исповедании Имперского Культа, но когда попал в шторм, будешь готов укрыться в любом порту. Вопреки себе, я обнаружила, что шепчу молитву. Возможно, это поможет.

Я взглянула на свои часы. Это были вторые часы из пары старинных механических хронометров, которые Бульвадт подарил мне и Торн в один из редких моментов щедрости. Шестнадцать минут до окончания вечерней службы. Я еще могу успеть. Зная мое отношение к Имперскому Культуре, Тренард едва ли догадается искать меня там, а савларцы избегали Имперской Церкви так, словно боялись попасть на костер.

Я поправила свою форму, насколько возможно, поплевав на пальцы, оттерла самые заметные пятна крови, и побежала на церковную палубу.

Михаил Гефсем был обрюзгшим типом лет пятидесяти, со слезящимися глазами и заметным горбом, кроме того, он страдал тяжелыми запоями. Когда он три месяца назад протрезвел, согласно ноктайским слухам, его характер стал еще хуже. Каждый год или около того он пытался покончить с пьянством, но у него никак не получалось. Вскоре он снова возвращался к самогону.

Рассказывали, что у отца Гефсема спина была сломана в рукопашной схватке с мятежниками в Дамокловом Заливе. Иные утверждали, что это далеко не вся история. Сам же Гефсем никогда не рассказывал об этом, сколько бы стаканов он ни пропустил. Как бы то ни было, это боевое ранение имело следствием тот факт, что Гефсем, во-первых стал пить, а во-вторых был официально признан негодным к военной службе. Десятилетия подавленного гнева и ежедневных болей Гефсем обратил в топливо для своей веры: пылающей, яростной убежденности, что еретиков, мутантов и ксеносов следует уничтожать как можно больше и чаще.

Я подошла к нему после вечерней службы, дождавшись, пока верующие уйдут, чтобы они не заметили моего лица.

- Приветствую во имя Бога-Императора, отец Гефсем, - тихо сказала я, преклонив колени перед увенчанным Золотым Троном алтарем Терры. Густой смолистый аромат ладана действовал на меня успокаивающе, чем-то напоминая запах любимой курительной трубки патриарха рода перед горящим очагом.

- Лина Вендерсен, - произнес он, широко улыбаясь. – Как я рад видеть вас.

Вероятно, я напоминала ему кого-то, кого он знал когда-то. Не думаю, что иначе он был бы столь дружелюбно ко мне настроен.

- И я рада вас видеть, - сказала я, улыбнувшись уголком рта.

- Не подождете секунду? – попросил он. – Мне надо поговорить с еще несколькими моими прихожанами.

- Конечно.

Он направился в другой конец храмового помещения и обменялся несколькими словами с последними задержавшимися из своей паствы. Когда они все ушли, он закрыл двери и вернулся ко мне.

- Должно быть, у вас большие неприятности, если вы пришли сюда, чтобы выразить уважение алтарю Императора Всемогущего. Я думал, вы не слишком-то чтите церковь Его.

- В прошлом у нас были разногласия, это правда.

- Ну, теперь вы здесь. Как проходит перелет?

Я покачала головой и вздрогнула, хотя старалась сдержаться.

- Ужасно.

- Настолько плохо? – Гефсем нахмурился, кажется, он был искренне обеспокоен. – Это не ваша кровь у вас на мундире?

- Это? Нет, это еще с Унг-Тема. Я даже не успела почистить форму как следует.

- Я слышал, вы там прекрасно проявили себя. Уже следует называть вас полевым командиром?

Я невесело усмехнулась.

- Несомненно, день или два. Если я еще так долго протяну.

- Что вы имеете в виду?

- Я... ну...

- Вы можете сказать мне, дитя войны, - на его лице появилась мягкая понимающая

улыбка, он протянул толстую руку. Рука заметно тряслась, кожу с вздутыми венами усыпали красновато-коричневые пигментные пятна.

- Мне кажется... меня что-то преследует, отец Гефсем. Какой-то призрак.

Его лицо помрачнело.

- Преследует? Что же?

- Я не знаю, но думаю, что это не что-то из варпа.

Он немного расслабился.

- Почему вы так думаете?

- Это... нечто более личное. Мне кажется, это душа кого-то, кого я убила в Унг-Теме.

Это возможно?

- Вполне возможно, - сказал он. – Особенно, если убитый был псайкером. Их души могут обладать столь сильными эмоциями, что они задерживаются в реальности после смерти.

- Звучит не слишком утешительно.

На его лице появилась извиняющаяся улыбка.

- Вы же хотели честный ответ, не так ли? Не стоит особенно волноваться об этом, Вендерсен. Что бы это ни было, этот феномен будет стоить вам едва ли больше, чем несколько бессонных ночей, особенно в варп-перелете, но я сомневаюсь, что он сможет причинить вам реальный вред.

Я вспомнила обломанные кости, прорвавшие кожу, невидимые когти, вспарывавшие горло, и как сломалась мускулистая шея Кроддена, когда его голова врезалась в потолок камбуза.

- Да? – произнесла я. – Но если это все-таки сможет причинить мне вред? Священный обряд поможет защититься от этого? Или, может быть, святая вода?

- Возможно, - вздохнул Гефсем. Он долго и внимательно смотрел на меня, и с каждой секундой выглядел все более огорченным. У меня была репутация непоколебимого бойца, даже по ноктайским меркам. И то, что я была настолько потрясена и выведена из равновесия, означало, что я говорю правду, и что происходит что-то действительно очень страшное.

- Так что же все-таки преследует вас, Лина?

- Я не могу сказать, - прошептала я, не в силах сдержать дрожи в голосе. – Я просто не могу.

Гефсем сжал губы. Если на корабле происходило что-то сверхъестественное, это могло иметь ужасные последствия для всех нас. Даже если мы справимся с этим верой и огнем, неминуемо начнется официальное расследование, и власти могут запереть нас в карантине на годы. Нам могут даже очистить память и вернуть нас на службу простыми солдатами.

Я внезапно представила Бульвадта, себя, Грёте, Гефсема и Тренарда, стоящих плечом к плечу в какой-то Императором забытой траншее, превращенных в идиотов, которым оставили едва достаточно памяти для того, чтобы правильно держать лазган, вокруг падают снаряды, и враг бросается в атаку, чтобы убить нас...

И это еще один из лучших вариантов развития событий.

- Слушайте, отец Гефсем, мне нужно что-то для защиты. Опасность угрожает именно мне. Что бы это ни было, оно охотится прежде всего за мной, и мне нужно что-то, чтобы защититься от него.

- Оно выглядит... нечеловеческим? – спросил священник. И казалось, весь его вид

говорил «пожалуйста, скажи нет».

- Оно выглядит достаточно человеческим. Длинные ногти. Очень длинные. Кажется, оно... как бы летает.

Я засунула руку под мундир и, вытащив рисунок Дойла, разгладила его на алтаре. Я с трудом могла даже смотреть на него.

- Вот как... - произнес отец Гефсем, кивая. – Вот как. Да, такого я раньше никогда не видел и даже не слышал.

- Вы, похоже, ожидали худшего, - заметила я.

- В эмпиреях есть куда худшие вещи, чем варп-призраки, - сказал он. По его тону я чувствовала, что он говорит предельно серьезно.

- Не уверена, что понимаю вас.

- *Varp*, - произнес он, оглядываясь, словно чтобы убедиться, что кроме нас здесь никого нет, хотя сам же запер двери лишь несколько минут назад. – Он не такой, как реальное пространство. Некоторые из моего ордена считают, что его потоки, сама его сущность есть отражение человеческих эмоций. Иные говорят, что это просто метафора, но я думаю, что это нечто большее. И когда достаточно сильные эмоции собираются в варпе, они могут... сливаться вместе в некую сущность.

- И вы думаете, что этот... варп-призрак есть слияние эмоций?

- Очень надеюсь, что нет, - сказал Гефсем. – Это может быть отпечаток заблудшей души, особенно если эта душа была затронута варпом. Я думаю, его происхождение скорее всего человеческое. Бывают и другие сущности... но они обладают более странным видом, чем эта. Один их вид может повреждать разум...

Его рука дернулась, словно пытаясь схватить что-то, чего там не было, прежде чем он опомнился и снова спрятал руку в рукав.

- Поверьте мне, может быть гораздо хуже.

- Здорово, - вздохнула я. – Просто здорово.

- Я могу дать вам благословение, если это хоть как-то поможет.

- Хорошо. Почему бы и нет. Но вы можете дать еще что-то, что я могу использовать для защиты?

- Едва ли, - сказал он. – Я совершенно не могу дать вам святой воды. Предписанием Экклезиархии запрещено раздавать ее пастве, даже офицерам.

Он полез под алтарь, пошарил там, и вытянул обе руки в жесте благословения.

- Теперь я вас благословлю.

Подняв бровь, я протянула руки, словно чтобы получить некий дар. И что вы думаете? Я действительно его получила.

Когда Гефсем вложил свои трясущиеся дряблые руки в мои, он сунул мне в ладонь маленький стеклянный контейнер, размером не больше флакона для духов, и золотой предмет, изготовленный в виде крошечной булавы. Санктус Фиал и Аспергиллум, если я правильно помню их названия на Высоком Готике. Я спрятала оба предмета во внутренний карман мундира и склонила голову.

- Я чувствую себя воистину благословленной, отец Гефсем, - сказала я. – Что такая добрая душа заботится обо мне – это настоящее благословение.

- Вам стоило только попросить, - ответил он, поправляя ткань, покрывавшую алтарь. – Мы выйдем из варпа через два, самое большее три дня. Я очень надеюсь, что вы сможете продержаться это время. А когда мы вернемся в реальное пространство, я уверен, что все

пройдет.

- Будем надеяться, что вы правы, - я сложила пальцы в ноктайской версии знамени имперской аквилы, моя правая рука задела флакон со святой водой, лежавший во внутреннем кармане напротив сердца. Впервые за несколько недель я почувствовала что-то похожее на надежду.

- Да, отец Гефсем, - сказала я, уже собираясь уходить. – Можно позаимствовать пару одеял из ризницы?

Он посмотрел на меня, удивленно нахмурившись.

- Ночью в моей каюте очень холодно, - запинаясь, смущенно пояснила я. – Прямо как в чертовой пустоте.

Той ночью я улеглась спать в корабельном карцере. Я подумала, что меня все равно бросят в одну из камер, как только Тренард до меня доберется, поэтому можно сразу прийти сюда. Спать в своей каюте я уже не могла. Несомненно, за ней уже следит сервочереп или какой-нибудь агент с приказом немедленно сообщить Тренарду, как только я появлюсь. Скорее всего, то же самое с известными им моими знакомыми; Юки, например, почти наверняка получила прямой приказ сообщить Бульвадту, если я зайду к ней, а прямой приказ она просто не может не выполнить. Вика Денштадт, конечно, помогала мне, насколько возможно, но если на нее надавят достаточно сильно, и она ничего не сможет сделать.

Моя офицерская аквила дала мне доступ во внутренние коридоры карцерного отсека. Я выбрала одну из камер, предназначенных для огринов – в них было просторнее. Эти огромные и тупые недолюди часто оказывались «гостями» карцера, и кораблестроители «Провидения» предусмотрели камеры для целого отделения огринов. Камера казалась подходящим местом, чтобы в спокойной обстановке воспользоваться маленькими подарками отца Гефсема.

Несомненно, о бойне в камбузе к тому времени уже стало известно, и почти наверняка поисковые партии уже искали меня. Но «Божественное Провидение» было большим кораблем, служившим уже не меньше тысячи лет, и на нем было множество мест, в которых можно спрятаться. Огринов на борту, к счастью, в том полете не было, и вероятность, что мое пристанище обнаружат случайно, была невелика. Разве что корабельные полицейские вдруг решат бросить сюда какую-нибудь савларскую обезьяну.

И я спряталась там, словно трюмная крыса. Если удастся благополучно дождаться, пока мы выйдем из варпа, я была уверена, что после этого все будет куда лучше.

Однако, когда время шло к вечеру, становилось все холоднее, и свет начал тускнеть с наступлением ночного цикла, я начала думать, что, может быть, лучше будет вернуться и принять кару за все свои грехи. Я уже представляла, как тени на стенах удлинятся, превращаясь в тот ужасный изломанный силуэт, и с каждым своим вздохом или шорохом пробежавшего таракана я напряженно вслушивалась, ожидая услышать то жуткое постукивание и царапание. Я зажмурилась, встряхнула головой и приготовилась предать свое многолетнее убеждение, что Имперский Культ приносит людям куда больше вреда, чем пользы.

Стиснув зубы, я сняла пряжку со своего ремня, и ее краем, как отверткой, отвинтила большую железную койку от стены. Койка так пострадала от тяжести лежавшего когда-то на ней огрина, что отвинтилась достаточно легко. Я подтащила тяжелую койку в центр камеры, под тусклый люмен, дававший подобие освещенности. После этого я достала флакон со

святой водой и вылила около трети ее в маленький похожий на булаву аспергиллум.

«Начнем», подумала я.

В потрепанном молитвеннике, который Гефсем одолжил мне, я нашла раздел литаний, а в нем – охранительный ритуал, который я помнила с детства. Читая литанию, я разбрызгивала капли из аспергиллума на холодный каменный пол. Святая вода разлеталась во все стороны, поэтому я встала на колени и каплями из аспергиллума стала чертить круг вокруг койки. Мне понадобилось почти сорок минут, чтобы, читая молитву, полностью очертить каплями святой воды огромную койку, но я считала, что это время потрачено не зря.

Когда круг был завершен, я села на койку, скрестив ноги и завернувшись в одеяла, и под светом люмена стала читать молитвенник, чтобы провести время. Прошел час, потом другой. Иногда я читала один и тот же параграф по три раза, и когда находила особенно выразительные отрывки, это немного отвлекало меня. Но за исключением криков скуки или отчаяния, иногда доносившихся из камер для обычных заключенных, расположенных где-то дальше по коридору, меня никто не беспокоил. И с каждой проходившей минутой я была немного ближе к выходу из варпа в реальное пространство.

Спустя еще два часа попыток сосредоточиться на «Хвалите имя Его бла-бла-бла» и «Дай нам сил заплатить за еще тысячу лет угнетения бла-бла-бла» я почувствовала, что мои веки слипаются. Я плотнее завернулась в два одеяла и улеглась на койку, но еще держала книгу и продолжала пытаться читать, чтобы не думать о чем-то другом. Если лечь и не спать, то перед моими глазами снова возникнет картина бойни в камбузе, или зрелище переломанных конечностей и разорванного тела Якобсена. Пытаясь прочитать еще шесть длинных и написанных архаичным языком литаний, я наконец заснула.

По крайней мере, я надеялась, что заснула.

В полубессознательном состоянии я заметила, как одна из теней в углу вдруг задрожала, стала увеличиваться и превращаться в силуэт ходячего трупа. У него были длинные острые ногти и переломанные конечности с торчавшими обломками костей. От зрелища ужасных белых костей, выпирающих из-под кожи под невероятными углами, мне хотелось завопить.

Жуткое существо отделилось от стены и потянулось ко мне. В моем охваченном ужасом разуме всплыли полковые легенды об эльдарских перевертышах, существах из чистого мрака, которые могут похитить тебя и утащить в бесконечный ад.

Этот ужасный призрак шел ко мне, непостижимо шагая на длинных изогнутых ногтях ног, которые просто не могли бы выдержать его вес. Лицо существа было скрыто длинными черными волосами, испачканными сырой землей, как будто оно только что выбралось из могилы.

Призрак источал страшное зловоние, смесь запахов гниющей плоти и гари, от которых меня затошнило. Одна из его ног подломилась, сломанная кость торчала из бедра, пронзив кожу, струя гнилой трупной крови заляпала пол.

Я дрожала от страха, не в силах двинуться с места, чувствуя себя словно парализованной. Захлебывающимся шепотом я читала литанию защиты и смотрела на круг святой воды на полу.

Какая-то часть меня отчаянно надеялась, что святая вода удержит чудовище. Другая же часть хотела, чтобы оно просто убило меня поскорее, чтобы сладкое забвение смерти забрало меня, и больше мне не пришлось бы видеть эту ужасную тварь.

Привидение, приблизившись, потянулось ко мне своими изогнутыми ногтями, и один из

ногтей коснулся круга святой воды. Вокруг черной головы призрака вспыхнул нимб белого пламени. Существо не завопило, не отпрянуло, не развоплотилось туманом эктоплазмы. Вместо этого оно встало в полный рост, выпрямилось и сложило руки словно в молитве. Сияющий нимб вокруг его темной головы делал его похожим на некую икону мученика, нарисованную безумцем. После этого призрак исчез.

Я окончательно проснулась, кровь стучала в ушах, отчаянно хотелось в туалет. Тяжело дыша, я оглядела камеру, но никаких следов призрака не осталось. Камера вокруг меня была пустой, слава Трону. Все тени были прямыми, предсказуемыми, и находились там, где они должны были находиться. Но воспоминание было невыносимо четким, и в горле еще ощущался привкус гари и сырой земли, словно я проглотила горсть обгоревших прелых листьев.

Наверное, я издавала тихий скулящий плач, животный звук чистого страха. Я закусила большой палец и сидела на койке, раскачиваясь и завернувшись в одеяла. Мочевой пузырь, казалось, был готов лопнуть, но я просто не могла встать с койки и подойти к ведру в углу камеры, пока не наступит утро.

По крайней мере, это существо исчезло. Жуткое испытание закончилось. Я говорила себе, что пережила варп-кошмар, и очень страшный. Но не более того.

А потом я увидела лужицы черной крови на полу, там, где она пролилась из ноги твари. Я вскрикнула, мое и без того потрясенное чувство самоконтроля было сметено абсолютным ужасом. Вы бы сделали то же самое, если бы прошли через такое. Трон Святой, если бы вы только знали хотя бы половину из того, что довелось испытать мне. Если эта тварь была достаточно реальной, чтобы оставлять пятна черной крови, она была достаточно реальной, чтобы причинить мне боль. Чтобы убить меня. Переломать мне руки и ноги, сломать кости одну за другой, едва я ослаблю бдительность. Оставить меня истекать кровью, тонущей в море боли и безумия.

Должно быть, я смотрела на эти черные пятна на полу целый час, сидя на койке, мокрой от пота, вызванного страхом, с готовым лопнуть мочевым пузырем, плача и раскачиваясь, словно безумная. Мои глаза были так же широко раскрыты, как у мертвой Вернид. Я не осмеливалась закрыть их ни на мгновение.

Я больше не могла спать. И до сих пор не могу.

Наконец наступило утро по корабельному времени, люмены в коридоре засветились ярче, обозначая начало дневного цикла. Время работать, говорили они. Время есть, время тренироваться. Если, конечно, ты не прячешься в карцере. Если ты не беглец.

Наконец я смогла оторвать себя от койки, и воспользовалась ведром в углу. От опустевшего мочевого пузыря по всему телу прошла волна благословенного облегчения. После этого я оделась и, шатаясь, подошла к двери.

Когда я выходила, в голову мне пришла мысль. Я достала пергамент и перо, тоже взятые у Гефсема, и, прислонившись к стене, начала писать.

Возможно, у меня оставался еще один шанс, и я не собиралась дожидаться следующей ночи, не воспользовавшись им.

Утром в корабельных коридорах было тихо. Те, кто не был занят на тренировках, вероятно, посещали церковную службу, предписанную во время полета в варпе, или, может быть, еще лежали в своих койках, пытаясь проспать после препаратов, облегчающих перелет, купленных на черном рынке у Еноха.

Таким образом, у меня был неплохой шанс выполнить задачи, которые я себе поставила, и вернуться в карцер, прежде чем меня обнаружат. Какая-то часть меня, некий внутренний голос продолжал твердить, что это безумие. Возможно, это действительно было так, принимая во внимание кошмары ночного цикла. Может быть, я неосознанно хотела, чтобы меня поймали и избавили от дальнейших страданий.

Ноктайцы хорошо умеют быть незаметными, особенно те из нас, которые выросли в доках. Я оставила свои ботинки в камере, спрятав их под койку, чтобы идти по кораблю максимально бесшумно. Умение двигаться бесшумно было необходимо для выживания в войне банд, и позволяло не получить багор в спину от бандита из соперничающей группировки в тот момент, когда ты думаешь, что двигаешься тихо, словно змея.

Острый слух также очень способствует выживанию. Услышав шаги обутой ноги дальше по коридору, я успевала свернуть и найти другой путь. За десять минут мне пришлось три раза сворачивать в другие коридоры, и из-за необходимости скрываться, я прошла по кораблю только около полумили. Но в моем положении не было особого выбора.

Наконец я добралась до маленького вестибюля, ведущего в коридоры к офицерским каютам, это была уже знакомая мне территория. Слава звездам, двери уже были открыты. Я высунула голову в двери вестибюля, быстро заглянула в коридор и спряталась обратно.

Как я и боялась, у дверей моей каюты стояли два корабельных солдата-абордажника. Конечно, Тренард уже был здесь и основательно покопался в моих вещах. Вероятно, нашел мое савларское обмундирование и всяческие материальные блага, которые я за эти годы успела захватить как трофеи или приобрести на черном рынке у Еноха.

Как я мечтала о горячем душе и чистой одежде. После этой жуткой ночи от меня плохо пахло. Я была уверена, что смогу справиться с двумя часовыми, если придется, но сделать это не поднимая шума было невозможно. Душ подождет.

И я направилась обратно в нижние отсеки корабля, ругая себя за то, что имела глупость вернуться к своей каюте. У меня должно было хватить ума не делать этого. Надо думать, надо стать прежней Линой и выскочить из адской ловушки, которая смыкалась вокруг меня.

Вскоре я заметила серво-череп, один из полированных черепов-сервиторов, которые изготавливали из останков верных слуг Империиума. Эта жутковатая штука с жужжанием летела по коридору, выполняя какое-то поручение, словно летающий череп был самой нормальной вещью. Я никогда не видела их на своей родине. Возможно, если они там и были, мое социальное положение было слишком низким, чтобы видеть эти ужасные штуки.

Серво-череп, висевший в воздухе примерно на высоте плеча на примитивных гравитационных двигателях, был снабжен длинным металлическим протезом, похожим на руку, и подвешенным шприцом-пистолетом. В одной из его пустых глазниц было вмонтировано оптическое устройство, с жужжанием и щелканьем повернувшееся ко мне. Заметив знаки различия на моей грязной форме, серво-череп кивнул в автоматическом жесте уважения.

И в этот момент я ударила его с такой силой, что он врезался в стену и отскочил от нее. Я еще раз пнула его, серво-череп с громким треском ударился о противоположную переборку и издал пронзительный визг. Я схватила его обеими руками, красная линза его телескопического глаза ярко вспыхнула. Его шприц отчаянно дергался, пытаясь уколоть меня и напомнив мне о скорпионах на Ноктасе, которые зажаливали себя до смерти, если поместить их в круг огня.

Наконец череп испустил громкий механический скрежет и затих. Странно, но его

антигравитационные устройства продолжали работать; когда я отпустила череп, он повис в воздухе, словно мрачный буй в невидимом море.

Отлично. Я вытащила из кармана маленький свиток пергамента и сунула его в ротовую полость черепа, там, где было свободное место, не занятое механизмами и проводами.

Вскоре я услышала шаги двух человек, приближавшихся с другого конца коридора, и прокралась обратно тем же путем, которым вошла в коридор, после чего укрылась за углом. Я двигалась так тихо, что даже тараканы, мимо которых я проходила, лишь дергали усиками.

- Эй, Дорген, - послышался голос. – Посмотри-ка на эту черепушку. Выглядит здорово побитым. Как думаешь, стоит отнести его кому-то из шестеренок?

- Наверное, - ответил другой. – Если ты отвлечешь их этой штукой, я посмотрю, не получится ли что-нибудь у них стащить.

Значит, надежда все еще оставалась.

Прошло восемь часов, прежде чем я получила ответ. Восемь часов в этой проклятой камере с одним лишь молитвенником Гефсема и урчащим от голода животом. Я стала читать молитвенник вслух, просто чтобы слышать человеческий голос. Сначала я читала его, изображая бас Гефсема, потом аристократическим тоном Тренарда, а потом гнусаво-шипящим голосом Грёте. В молодости я хорошо умела подражать чужим голосам, и никогда не теряла в этом мастерства. Эти глупости немного отвлекли меня, помогая не слишком думать об ужасах прошлой ночи, и я хотя бы ненадолго перестала трястись от страха.

Около полудня я приступила к нудной процедуре рисования заново ритуального круга вокруг своей койки, пытаясь не думать о той ужасной твари, которая приходила ночью. Святая вода все-таки помогла. Я имею в виду, вероятно, это благодаря ей я была еще жива, а то кошмарное существо растаяло, прикоснувшись к кругу. Значит, на каком-то уровне это работало. А если Юки сможет мне помочь, то, что я запланировала на следующую ночь, сработает еще лучше.

Когда большая часть дня уже прошла, я услышала слабое гудение, становившееся понемногу все громче. В коридор влетел полированный серво-череп, и его вид напугал меня, хотя я ждала его. У него было две руки-манипулятора, в которых он неуклюже держал сверток, обернутый в коричневую бумагу.

Я встала с койки. Глаз-линза черепа с жужжанием повернулся, заметив меня. Сверившись с какой-то своей программой, череп подлетел ко мне и протянул сверток. Я взяла его, надеясь, что в свертке будет хотя бы пистолет.

Когда я осторожно вытащила сверток из манипуляторов серво-черепа – маленькое чудовище, казалось, не слишком охотно расставалось со своим грузом – я развернула его и нашла запасной комплект савларской формы, две кварты чистой воды в герметично закрытых фляжках и кусок протеиновой плитки.

Я сбросила свою грязную и мокрую от пота форму, надела новую и выпила воду в одно мгновение. Протеиновая плитка тоже задержалась ненадолго. Я съела каждую крошку, даже те, которые упали на холодный каменный пол. Они обладали больше вкусом пепла, чем мяса, но тогда они мне показались восхитительными. После всего этого я наконец хоть немного почувствовала себя человеком, и боль в животе несколько утихла.

Я потянулась и выполнила кое-какие упражнения. Один из нагрудных карманов моей савларской формы немного сморщился. Я полезла в него и нашла внутри записку на пергаменте, написанную невероятно мелким почерком:

НАЧАЛО СООБЩЕНИЯ

Огнеметчик рядовой Эгронд Грёте обнаружен в суб-квадрате Омега-11-4 Инженариум/На предложение о встрече ответ негативный/Очевидны признаки нарушения деятельности головного мозга/Вторичный запрос рассматривается

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

- Вторичный запрос рассматривается, - прошептала я, на мгновение закрыв глаза. Три простых слова, означавшие для меня, вполне возможно, разницу между жизнью и смертью. Но мне придется рискнуть. В конце концов, какой у меня еще выбор?

Я спрятала молитвенник за пояс и вышла из камеры.

Было уже поздно, когда я, наконец, нашла Грёте – единственного человека во всей боевой группе, который, вероятно, мог понять, через что мне пришлось пройти. Более того, он был единственным человеком, от которого я могла не ждать осуждения.

Я нашла его в инженерии, сидевшего в темном углу и одетого только в набедренную повязку. Он жевал какой-то красный жилистый кусок, судя по виду – вероятно, украденное мясо. Его тело сплошным узором покрывали татуировки в виде змей и пауков, окруженных стилизованными языками пламени.

С другой стороны отсека сервиторы с пустыми глазами носили по коридору контейнеры с топливом и благовония в машинное отделение. Безмозглые существа даже не посмотрели в мою сторону, продолжая заниматься своим делом. Возможно, поэтому Грёте укрылся тут, спрятавшись почти на виду.

- Лина Вендерсен, - произнес савларец с полным ртом кровавого мяса. Он вытер кровь с губ, захихикал и стукнул себя кулаком по голове. – Это Лина Вендерсен!

- Да, это я, - сказала я. – Я пришла вытащить нас из этого дерьма.

- У меня тоже есть план, - сказал он, постучав по баку с прометием, стоявшему справа от него, к баку был прислонен его огнемет. – Сжечь ведьму!

Он снова засмеялся, в его смехе звучало безумие и отчаяние.

- Не уверена, что это хорошая идея, особенно здесь, - ответила я.

- Чем больше огня, тем больше шансов, что я достану ее. И пусть все это место тоже сгорит.

- И ты сам при этом соришь.

- Я не боюсь огня. Он очистит меня, - глаза Грёте жутко сверкнули во мраке. – Он сожжет скверну.

- Он сожжет тебя до смерти, Грёте, - сказала я. – И если загорится инженерии, погибнем мы все.

Он пожал плечами, закатив глаза: *Какое мне дело?*

- Есть другой способ, - сказала я. – Слушай, я знаю одно место, где мы можем спрятаться. Там даже безопаснее, чем здесь. Там... я нарисовала круг святой воды вокруг койки – ну, ритуал такой. Похоже, он защищает от этой твари.

- От нее ничего не защитит.

- Уж поверь мне. Она приходила ко мне прошлой ночью. И я все еще жива, не так ли?

- Значит, это была не она.

Я достала из кармана рисунок Дойла и показала ему. Грёте отпрянул, страшно побледнев.

- Убери ее, - умоляюще произнес он. – Я не хочу ее видеть.

Я сложила рисунок и спрятала в карман. Грёте, казалось, немного успокоился.

- Она оставила тебя напоследок, - сказал он, оскалившись в безумной ухмылке, его острые зубы были измазаны кровью. – Вот почему ты еще жива.

Я почувствовала, как что-то щекочет мне спину. Ледяные пальцы ужаса прошлись по моему позвоночнику. Грёте был прав, и какая-то часть меня знала это.

- Пули не помогают против нее, - сказал он. – Клинки не помогают. Даже твоя святая вода не поможет, нет, мамзель. Ничто не защитит от *нее*. Но огонь... - он снова похлопал по баку с прометием. – Огонь – это всегда хорошо. Он сожжет ее и заставит вернуться обратно в варп.

Я поморщилась. Отчасти хотелось верить, что он прав насчет огня. Адепта Сороритас использовали огнеметы как одно из своей святой троицы оружия, а они имели дело с самыми дьявольскими угрозами Империи. Может быть, в словах Грёте что-то было.

- Ладно, - я протянула ему руку. – Будем сражаться с холодом могилы огнем войны. Я реквизирую огнемет, или просто украду, не знаю. Спина к спине, прикрывая друг друга, мы отобьемся от чего угодно.

- Ага, теперь и ты поняла, - кивнул Грёте. – Огонь все берет.

Он улыбнулся – его улыбка была похожа на рваную рану – и взял мою руку.

Вдруг глаза савларца выпучились, и его запястье сломалось прямо передо мной с жутким треском. Обломок окровавленной кости торчал из его руки буквально в трех дюймах от моего подбородка. Я отпрянула, и Грёте ужасно закричал.

- Нет... - прошептала я. Схватив Грёте за плечо, я потянула его, пытаюсь укрыть его за собой. – Беги!

Он бросился в сторону, прижимая сломанную руку к груди. Схватив огнемет, он снял его с предохранителя и выпустил струю горящего прометия во что-то, чего я не видела.

Слишком близко. Я ощутила, как страшный жар опалил мою кожу. Запах горящих волос, который ни с чем нельзя было спутать, ударил мне в нос. Я отшатнулась назад.

- Гори! – завопил Грёте, глядя в воздух перед собой, и снова выпустил струю ревущего пламени. – Гори, проклятая тварь!

Волны пламени лизали стены, взмывая вверх и изменяя свой цвет от синего до оранжевого. Жар был невыносимым. Во всех углах отсека взревели сирены, сервиторы засуетились вокруг с канистрами грязной воды, действуя по протоколу тушения пожара.

Я оглянулась на Грёте. Дико вопя, он повел стволом огнемета, выпустив широкий полукруг огня. Я бросилась на палубу, и волна пламени прошла у меня над головой. Грёте повернулся, отчаянно пытаюсь поймать невидимого призрака в волну огня. Откатившись назад как можно дальше, я оглянулась и увидела, что какая-то незримая сила швырнула Грёте в переборку, словно его атаковал рассвирепевший буллгрин. Савларец врезался в стену, уже охваченную огнем, и жидкое пламя перекинулось на его плечо и шею. Его плоть горела, пузырилась и жарилась, наполняя отсек запахом жареного человеческого мяса. Я не в первый раз ощущала этот запах, и он заставил меня испытать странную смесь отвращения и голода, от которого урчало в животе.

Грёте с ужасным воплем вытянул раненую руку, будто пытаюсь заслониться от чего-то. Его пальцы вдруг стали неестественно изгибаться и ломаться, как палочки. Один, два, три пальца словно вспучивались и складывались пополам, ломаясь с ужасным треском, и образуя маленькие полуспиральи. Грёте завопил еще громче. С обломков лучевой и локтевой костей, торчавших из раны, лилась кровь.

Я, дрожа от ужаса, отступала назад, но не могла отвернуться. Та же невидимая сила подняла Грёте в воздух. Его левая нога изогнулась в сторону, спазмически дергаясь, будто попала в челюсти крокодила. А потом она сломалась у бедра, с треском, громким, как выстрел. Еще два зазубренных обломка кости прорвали кожу, каждый был окружен кольцом ярко-красной крови. Ее запах пробился сквозь мой респиратор, смешиваясь со смрадом горящего прометия и горелого мяса. Меня затошнило от ужаса и отвращения.

Другая нога Грёте оказалась прижата к груди, словно он высоко поднял ее. Внезапно она отклонилась в сторону и сломалась посередине, коленная чашечка и хрящи разорвались, и нога ниже колена болталась лишь на тонкой полоске татуированной кожи. Секунду спустя его уцелевшая рука, еще сжимавшая огнемёт, сломалась, будто сухая ветка, обломок кости, вылезший из локтевого сустава, прорвал щеку савларца. Вокруг меня ревел огонь, мерцающее пламя скрыло Грёте из виду, он кричал снова и снова. Я все еще была босиком, чтобы ходить бесшумно, и когда мою ногу лизнул язык пламени, я отскочила, вскрикнув, но не могла оторвать взгляд от савларца, которого невидимая сила разрывала на куски прямо передо мной.

Горячий воздух обжег мои легкие. Внезапно я пришла в себя. Инженариум пылал красно-оранжевым пламенем, словно чистилище из дикарских легенд. Зловоние горелой человечины было невыносимым. Если я не выберусь отсюда, то задохнусь, или меня разорвет в клочья взрывом бака с прометием.

Я вскочила на ноги и бросилась бежать тем же путем, которым пришла. Перепрыгнув через лужу жидкого огня, я увернулась от сервитора-водоноса и врезалась в стену. Первобытный страх гнал меня дальше, мои босые ноги стучали по металлическим решетчатым мосткам машинного отделения, резавшим кожу на подошвах, но я не чувствовала ничего. Каждая клетка моего существа кричала от ужаса, требуя бежать.

Мне удалось вернуться обратно в карцер незамеченной. Вероятно, экипаж корабля был занят тушением пожара. Принимая во внимание, что сирены перестали звучать, сервиторы, вероятно, получили помощь от своих хозяев техножрецов, и вместе они справились с пожаром.

Судя по тому, как были изранены мои ноги, я оставила кровавые следы, ведущие в карцерный отсек. К тому времени я уже почти равнодушно относилась к мысли, что корабельные солдаты придут за мной. В свете последних событий смерть от побоев казалась более предпочтительной, чем то, что ожидало меня.

Но я была слишком упряма, чтобы просто сдаться. Я всегда была такой. Именно так я дослужилась до офицерского звания из рядовых солдат, хотя ради этого приходилось идти по трупам людей, которых я предала, чтобы возвыситься.

Когда с конца коридора послышался топот шагов, медленных и ритмичных, мое сердце подскочило от радости. Шаги были слишком медленные и тяжелые для корабельных солдат.

- Да, - сказала я. – Да. Посмотрим, что там у нас.

- Вы обращаетесь ко мне, полевой командир Лина Вендерсен?

- Юки! Это ты, слава Богу-Императору!

Я выглянула из камеры, воспрянув духом. Это была она, моя подруга технопровидец Юки Бета-Дара, в своем ярко-красном техножреческом одеянии. Ее окружали четыре тяжело вооруженных сервитора. Их левые руки были хирургически удалены и заменены огромными тяжелыми болтерами. Вместе они обладали достаточной огневой мощностью, чтобы истребить стадо бешеных гроксов.

- Ты привела их!

- Только при условии, что я смогу сделать четкую видеосъемку варп-призрака класса альфа в течение следующих шестнадцати часов.

- О, ты сможешь заснять эту тварь, - сказала я. – Размести по одному сервитору в каждой из кардинальных точек этого круга.

Она не спрашивала, зачем это нужно. Она просто сделала как я просила. Трон Святой, как я ее люблю.

Боевые сервиторы неуклюже вошли в круг, направляемые электронными императивами Юки. Их лица с отвисшими челюстями напоминали мне коматозных жертв контузии, но их бионические глаза постоянно двигались, с жужжанием поворачиваясь и оглядывая назначенный каждому сервитору участок камеры. Юки возилась с их точной ориентировкой, напевая гимны машинного подчинения и завершая последние настройки.

- Все квадранты в зоне огня с перекрытием 3,5%, - доложила она наконец. – Предосторожность на всякий случай.

- А боеприпасы? – спросила я, забравшись на койку и скрестив ноги. – Они у тебя есть?

- Есть, - сказала Юки. Из большого кармана своего одеяния она вытащила ящик с патронами и осторожно выложила на койку два десятка болтерных патронов. Каждый был толщиной с мое предплечье, и исписан маленькими буквами. Я подняла один патрон. Текст на нем был аккуратно выгравирован проворными пальцами Юки – SANCTUS IMPERIALI DOMINATUS. Она издала неодобрительное гудение, и я положила патрон назад. Она слегка подвинула его и вернулась к работе.

Пока она выкладывала болтерные патроны, я достала аспергиллум и нанесла на каждый патрон немного святой воды. Ее капли наполнили буквы, выгравированные Юки

- Однажды я видела, как это делали на Геродде, - сказала я. – Тогда мне это показалось глупым. Сейчас я так не сказала бы.

- Ритуалы должны соблюдаться, - ответила Юки, словно объясняя идиоту очевидную истину. – Иначе как успокоить машинных духов?

- В самом деле, - вздохнула я.

Я никогда не понимала техножречество Марса. Их сервиторы с мертвыми глазами, бездумным повиновением и бледной дряблой плотью всегда вызывали у меня дрожь. Но пока техножрецы поддерживали военную машину Астра Милитарум в рабочем состоянии, пока ритуалы их странного культа усиливали мощь и надежность нашего оружия, никто из нас, ноктайцев, не интересовался, как именно они это делают.

- Эти сервиторы могут видеть в разных спектрах, да? Их глаза похожи на твои, - заметила я.

- Они специально оборудованы, чтобы иметь способность видеть в инфракрасном и электромагнитном спектрах, а также обнаруживать ауто-психические колебания, если их нейросвязи не повреждены. Это экстраполяция моего аугметического оборудования.

Я серьезно кивнула, будто понимала каждое слово.

- Должна напомнить вам, что этот факт не для записи, - добавила Юки. – Такая совершенная бионика не является стандартной для звания технопровидца, не говоря уже о сервиторах.

- Конечно, - сказала я. – Я упомянула об этом лишь потому, что она... эта варп-сущность может быть незаметна для обычного человеческого зрения. Возможно, тебе придется переключиться на другой спектр, чтобы прицелиться в нее.

- О, я не буду присутствовать при съемке.

- Не будешь?

- Нет, полевой командир. Я не хочу подвергнуться стиранию разума, в случае если это будет полномасштабный варп-феномен. Это исключительно негативно повлияет на мое продвижение по службе в Культуре Машины.

- Стирание разума. Здорово.

- В том весьма маловероятном случае, если вы выживете после контакта с варп-сущностью, вы будете модифицированы в сервитора, и я приложу все усилия, чтобы вы получали регулярную смазку.

Я кивнула, чувствуя себя так, будто мое сердце выпало из грудной клетки мне на колени.

- Ага. Спасибо, Юки.

- Единицы Гамма-Ферент, Бета-Нонагон, Мю-Зенда-Тренн и Октосс-VII-Энди составя вам компанию, - она стала заряжать благословенные болтерные патроны в тяжелые болтеры сервиторов. – Я настроила их на образец вашего голоса в течение 12,2 минут нашего разговора, и дала вам полномочия указывать им цель, но не менять их позицию. Не сомневаюсь, что они окажутся хорошими собеседниками. Они даже могут спеть для вас квартетом. Хотя они ужасно фальшивят.

Это была она, моя старая подруга. Никто не умеет шутить с таким серьезным лицом, как техножрец.

- Спасибо тебе за все, Юки. Я даже не могу выразить, как много это значит для меня.

- Все знание есть сила, - ответила Юки. – Если я смогу добавить важные данные относительно проявлений варп-феноменов к архивам нашего ордена, этот вклад не пройдет незамеченным.

Она посмотрела на меня своим зеленым глазом – тем, который все еще выглядел как человеческий – и подошла ко мне.

- Кроме того, вы мне нравитесь.

Из-под своих тяжелых одеяний она достала сложенный защитный костюм для работы в опасной среде, положила его на койку, и дала мне знак протянуть руки. Когда я так и сделала, она вложила в мои ладони две затычки для ушей из синтвоска. Такие использовали технопровидцы на испытательных полигонах. На койку она положила свернутый пикт-снимок и закрытую фляжку с какой-то жидкостью.

После этого она сотворила знамение святой шестерни, повернулась и ушла, не сказав больше ни слова.

Прошло еще два часа. Я открыла фляжку, которую дала мне Юки, надеясь найти там воду, но нашла кое-что получше – сладкий и ароматный ноктайский ликер. Я решила, что если мне удастся пережить эту ночь и вообще как-то выпутаться из всего этого, я заплачу ей вдвое.

Огромные боевые сервиторы выглядели устрашающе, тем более после того, как я провела столько времени в камере одна. Они заставляли меня нервничать, особенно когда я смотрела на воспаленную и гноящуюся плоть вокруг их бионических частей. Честно говоря, я была очень рада, что они смотрят не на меня, потому что смотреть в их мертвые глаза было бы особенно неприятно. Что за ужасная судьба стать одним из таких существ, вечным рабом Адептус Механикус. Мне было удобнее думать о них как об оружии – моем оружии.

Через некоторое время я стала к ним привыкать. Их массивные мышцы и запах хорошо смазанного оружия давали некоторое чувство безопасности. Что бы ни явилось ко мне этой ночью, его встретит град масс-реактивных болтерных снарядов, благословленных святой водой. Я знала, была вероятность, что сочетание святого благословения и огневой мощи тяжелых болтеров может и не помочь против этого проклятого Императором варп-призрака. Но на тот момент это было лучшее, на что я могла надеяться.

Я надела защитный костюм, который оставила мне Юки, думая, зачем она его мне дала, пока не заметила, что он прошит флак-пластинами. Вероятно, он должен был защитить меня больше от случайных осколков болтерных снарядов, чем от чего-либо еще.

Я собрала одеяла вокруг себя – больше в порядке ритуала, чем для чего-то еще – и стала ждать. Царапины на моей ноге и плече горели, словно в лихорадке. Я немного смочила их святой водой, и боль утихла.

Прошло не так много времени, прежде чем я услышала звуки в коридоре. *Тук-тук-тук, скрип. Тук-тук-тук, скрип.*

Я старалась не обращать на них внимания, пытаюсь сосредоточиться на литаниях из молитвенника, которые показались мне наиболее подходящими для импровизированного обряда экзорцизма. Но эти звуки если и утихали, то ненадолго. Как раз достаточно для того, чтобы я подумала, что они наконец совсем прекратились – и тут они начинались снова. Понемногу это сводило меня с ума, доводя до того, что я была готова сделать какую-нибудь глупость.

- Выходи! – закричала я. – Выходи и посмотрим, на что ты способна!

Снова прислушавшись, я на этот раз услышала шум шагов. Шаги множества быстро идущих людей. С чувством внезапного страха я различила топот тяжелых ботинок корабельных солдат и шелканье каблуков офицерских сапог.

- Отмена боевой готовности, - тихо сказала я. Мои киборги-стражи расслабились, с гудением сервомоторов направив свои тяжелые болтеры в пол. Я села на койке прямо, высоко подняла молитвенник, и стала читать вслух литании, словно мне было на все плевать.

Один из корабельных солдат подошел к двери камеры. Я бросила на него взгляд. Это был назойливого вида тип в накрахмаленной форме, со светлыми усами и украшенным медью лазганом, который он направил прямо на меня.

- Я нашел ее, первый адъютант, - сказал он, его безупречный акцент выдавал прирожденного флотского. За ним появились еще два корабельных солдата, мужчина в очках ночного видения и женщина с бритой головой.

- А это, ради Трона, что такое? – спросил усатый.

- Это боевые сервиторы, корабельный солдат Зандт, - ответила я.

Казалось, он был изумлен тем, что я знаю его имя, хотя оно было написано прямо на его эполете, затейливо украшенном золотой бахромой.

- Мне их предоставили техножрецы, - продолжила я. - И пока это дело не будет решено в мою пользу, они останутся в моем распоряжении.

Мой тон и вид четырех тяжеловооруженных сервиторов слегка поубавили рвения у Зандта. Он оглянулся на кого-то в коридоре и отошел в сторону от входа, его товарищи последовали за ним.

Мгновение спустя перед камерой появился Тренард, его форма была безупречной как всегда, за исключением двух темных пятен в районе подмышек. Он тоже был вооружен

лазганом с медными украшениями, и опустил оружие лишь тогда, когда увидел, что мои сервиторы не в боевой готовности, а у меня в руках нет ничего более опасного, чем фляжка и книга.

- Вы изобретательны как всегда, полевой командир Вендерсен, - сказал он.

- Не называй ее так! – раздался громогласный рев из коридора. Голос был полон той хищной радости, которой предаются иные люди, изливая свой гнев. Я знала этот голос даже слишком хорошо.

Из-за угла появился запыхавшийся Бульвадт, его лысая голова покраснела от макушки до подбородка.

- Она больше не является частью Астра Милитарум, Тренард.

- А я и не знала, - хмыкнула я. – Я-то думала, у меня еще есть время до начала дневного цикла.

- Военный суд вынесет тебе приговор до окончания ночи, - произнес Бульвадт, тяжело дыша и выпучив глаза. – Я придумаю тебе достойную казнь за убийство Торн и тех савларцев, не сомневайся.

Я зевнула.

- Если бы вы меньше раздумывали над способом казни, а больше времени уделяли физическим упражнениям, это бы принесло вам больше пользы. Я не убивала никого – если, конечно, не считать несколько сотен врагов Империиума. Впрочем, я уверена, вы нашли более чем достаточно доказательств, чтобы удовлетворить вашу кровожадность.

- Следов, которые вели сюда из инженариума, было бы уже вполне достаточно, - заявил Тренард. – Но если понадобятся еще доказательства, у меня на тебя целое досье.

- Рядовой Грёте мертв, и мы знаем, что это твоих рук дело, - прорычал Бульвадт. – Тот же способ, которым были убиты Торн, Вернид и Якобсен, а? Ты явно сильнее, чем выглядишь, еретическая мразь.

- О чем, во имя Терры, вы говорите?

- Тебя видели у конюшен в ту ночь, когда был убит Якобсен, - сказал Тренард. – И у каюты Дойла в то утро, когда он совершил самоубийство.

- Похоже, он знал, что ты собираешься с ним сделать, - добавил Бульвадт. – И решил застрелиться сам, чем дожидаться мучительной смерти от твоих рук.

- Полная чушь. Он был напуган, возможно, страдал от варп-кошмаров. Я тут совершенно ни при чем.

- Несколько поваров подтвердили твое присутствие в камбузе непосредственно перед тем, как там произошла резня, - продолжал Тренард. – Енох Белогривый признался, что твое алиби полностью сфабриковано.

- Этот ублюдок коротышка еще жив?

- Да, несмотря на все твои усилия, - сказал Бульвадт. – Ты оказалась не так ловка в Лабиринте Лжеца, как думала, да?

О, ради Святой Терры. Неужели это он о той партии в Гексаграммон, которую я у него тогда выиграла? Даже у Бульвадта не может быть настолько болезненное самолюбие.

- А эти тут зачем? – спросил Тренард, указывая длинным пальцем на сервиторов. Он явно был напуган ими, и в то же время впечатлен, словно человек, увидевший стаю боевых канидов. – Это весьма похоже на несанкционированное использование ресурсов Механикус. Несомненно, начальникам технопровидца Бета-Дара будет интересно об этом узнать.

- Это мои новые друзья. Я ожидаю гостя чуть позже.

Тренард изобразил преувеличенное удивление.

- Чуть позже? Наверное, ты не поняла. Ты идешь с нами.

- Нет, не думаю, - усмехнулась я и отдала команду сервиторам, - Боевая готовность.

Прицелиться.

Сервиторы оживились, повернув свои лица с мертвыми глазами в сторону Бульвадта и его свиты. Их тяжелые болтеры дружно лязгнули, наводясь на новую цель.

Я насмешливо улыбнулась, понимая, что все это – настоящее безумие, но мне было плевать.

- Ты должна пойти с нами, Лина, - вздохнул Тренард. – Прекрати все эти глупости, иначе тебе будет только хуже.

Он сделал знак солдату-женщине с бритой головой, и она шагнула вперед, держа в руках пластальные наручники.

- Можно мне сначала закончить чтение молитв? – я подняла молитвенник. – «Благословен тот, кто размышляет о слове Святого Писания». Интересно, почему там всегда говорится в мужском роде?

Бульвадт оскалил зубы, вероятно, считая это триумфальной улыбкой.

- Если ты думаешь, что сможешь избежать того, что ожидает тебя, попытаешься тянуть время в беседах об Имперской вере, то сильно ошибаешься. Когда мы прибудем на другой фронт, ты будешь казнена. А до тех пор тебя будут держать в цепях и публично пороть каждое утро и каждый вечер. И пороть тебя буду я лично.

- За последние несколько дней, - сказала я, отхлебнув сладкого ноктайского ликера, который оставила мне Юки, - я видела такие вещи, по сравнению с которыми ты кажешься не пугающим, а просто смешным. Ты всего лишь злобный мальчишка, играющий в военного и нацепивший на себя форму своего отца. Но ты выглядишь в ней глупо.

- Хватит! – взревел Бульвадт – Арестовать ее немедленно!

Трое солдат направились было вперед, но остановились, когда тяжелые болтеры сервиторов нацелились прямо на них. Я вставила в уши затычки из синтвоска, которые дала мне Юки.

- Ради Трона! – Бульвадт выхватил из рук Тренарда лазган и навел его на меня.

- Огонь, - приказала я.

И все вокруг взорвалось громом и смертью.

Спустя несколько секунд я осталась единственным живым существом в карцере.

Это, конечно, не совсем так, но я не считаю сервиторов вполне живыми. Эти бедняги не живые в полном смысле слова, не более чем является живым серво-череп или древний болтер. Но, скажу я вам, работают они отлично.

Вся свита Бульвадта была разорвана в клочки за четыре секунды. Я хоть и не из брезгливых, но и то могла выглядывать из камеры в коридор лишь ненадолго. Как будто подрывной заряд взорвался на скотобойне. Из разорванных грудных клеток и животов вываливались темные ключья внутренностей. Оторванные головы и руки были рассыпаны словно мусор среди луж крови и массы красных потрохов. Обрывки кожи смешивались с пропитанными кровью лоскутами формы и местами были почти неотличимы. Здесь и там среди органических останков валялись обломки лазганов и полевого снаряжения. Вонь стояла невыносимая.

Трон Святой, правду говорят, что тяжелые болтеры превращают противника в фарш. В

ушах у меня звенело, несмотря на затычки из синтвоска. У корабельных солдат не было ни шанса. Они успели сделать несколько метких выстрелов; у двух сервиторов в торсах зияли красные зловонные дыры, а третий получил попадание в бедро. Но ни один сервитор даже не дрогнул и не издал ни звука. Они просто продолжали выполнять задачу, извергая болтерные снаряды, пока на их линии огня не осталось ничего живого. После этого они молча вернулись в изначальное положение и продолжили свое безмолвное бдение.

Я в течение этого времени почти не двигалась, лишь подняла молитвенник к лицу, чтобы защититься от осколков. Обломки костей и куски мяса брызнули в меня, когда один из корабельных солдат оказался слишком близко, но мой защитный костюм отлично выполнил свою задачу. Я была невредима, по крайней мере, физически. Но запах бойни действовал мне на нервы, поэтому я вынула затычки из ушей и осторожно засунула их в ноздри. Стало гораздо лучше.

Вероятно, Юки на такое не рассчитывала, когда одолжила мне своих киборгов, но на тот момент я уже успела немного притерпеться к ужасам последних нескольких дней. А прямо тогда я чувствовала яростное веселье. Я ощущала, как оно бурлит внутри меня, угрожая вырваться безумным смехом, который никогда не кончится.

И тогда я заметила изуродованный труп женщины с бритой головой. Ее глаза смотрели на меня, и были широко открыты, словно в сильном удивлении. Я увидела в ней себя, и это несколько отрезвило меня.

Да чума на них всех. Вопрос стоял так: или они, или я.

Повернувшись спиной к кровавой сцене, я заставила себя сосредоточиться на молитвеннике, и стала ждать, когда явится настоящая угроза.

Прошло еще некоторое время, прежде чем ко мне явился призрак Маризель Торн.

Снова повторив ритуал со святой водой, я вернулась на койку и прочитала Литанию Потерянных несколько раз, для верности. Я была очень измучена событиями последних нескольких дней, и боялась, что засну, но мои нервы были так напряжены, что я хотела спать даже меньше, чем раньше. Я знала, что если задремлю, то, проснувшись, увижу это существо, нависшее надо мной, словно ведьма над колыбелью младенца.

Я развернула пикт-снимок, который дала мне Юки. Это был официальный снимок Маризель Торн, который использовали на ее похоронах. На этом изображении она стояла, вытянувшись в полный рост, и выглядела импозантно, несмотря на свое худощавое телосложение. Ее парадная форма была безупречной, и лицо ее выглядело несколько идеализированным. Она казалась такой молодой на этом снимке. Мне стало нехорошо от взгляда на него, в животе возникло ощущение тошноты. Царапины на руке и плече снова страшно зачесались, и я, стараясь успокоиться, опять смазала их святой водой. Ее осталось лишь несколько капель.

Минуты тянулись, превращаясь в часы. Я обливалась потом, ручьями текшим по спине. Защитный костюм оказался невыносимо жарким, и мне пришлось расстегнуть воротник и снять перчатки, чтобы не свариться в нем заживо.

Через некоторое время я вытащила угольный рисунок, который взяла из каюты Дойла, и сравнила его с пикт-снимком. Я заставила себя смотреть на изображение, чтобы привыкнуть к его виду. Видит Император, этот рисунок был уже выжжен в моем разуме, словно клеймо.

Если не считать страшно переломанные конечности, рисунок был очень похож на пикт-снимок. Дойл был по-настоящему талантливым художником. Он очень точно изобразил

даже ужасные длинные и пожелтевшие ногти – я помнила с пугающей четкостью, как во сне один из этих ногтей вырвался из моей груди и потянулся к губам. Я вспомнила о вскрытиях трупов во время своего обучения на медика. Тогда меня сильно удивил тот факт, что даже если человек мертв, его ногти и волосы продолжают расти, становясь все длиннее и загибаясь.

На рисунке совершенно точно была она, Маризель Торн. И теперь, когда Грете сгорел заживо, она собиралась прийти за мной.

Наверное, я сотню раз прокрутила в голове каждый из вероятных сценариев дальнейшего развития событий.

Во многих из них в карцер приходили другие корабельные солдаты, и, найдя в коридоре массу кровавых останков, уводили меня в другое место, которое считали безопасным, тем самым обрекая меня на верную смерть.

В других сценариях сюда под угрозой оружия приводили Юки и заставляли ее отключить боевых сервиторов. И я оставалась с одним лишь молитвенником против полудюжины хорошо вооруженных убийц.

На самом деле это были еще далеко не худшие варианты. Некоторые заканчивались тем, что разорванные трупы оживали, глядя на меня мертвыми глазами, полными ненависти. Как-то я даже представила, что Тренард и Бульвадт снова собрались вместе из клочьев мяса, будто големы, сшитые из кусков трупов, и шатаясь, идут ко мне, чтобы разорвать меня.

Но самые страшные сценарии начинались с того, что *она* являлась из теней на стене камеры и проходила сквозь всю мою оборону. Иногда она поднималась прямо из тени самой койки, ее спутанные и испачканные землей волосы появлялись над краем койки, а за ними поднималось гниющее лицо. Иногда она разрывала меня на десятки кусков и отправляла мою вопящую душу в бездны варпа. Однажды она открыла пасть, полную острых зубов, и стала пожирать меня.

И только один сценарий я не предвидела – тот, который и произошел.

Прошла половина ночи. Я лежала на боку, пытаюсь представить себе золотые пески, чтобы мой измученный разум хоть немного отдохнул от ужасов, которые прокручивались в нем. И тогда я услышала *ее*. Или подумала, что услышала.

Тук-тук-тук, скрип.

Я вскочила, вглядываясь в каждую тень на стене. Тени были везде, но ни одна из них не двигалась. Сервиторы стояли в режиме охраны, но ни один из них даже не дернулся.

Звук послышался снова, на этот раз позади меня.

Тук-тук-тук, скрип.

Ожидая, что трупные ногти сейчас вонзятся в мою шею, я резко обернулась, но там ничего не было.

Тук-тук-тук, скрип.

Это было похоже на звук ногтей, стучащих и скребущих по каменному полу. Призрак с переломанными конечностями.

- *Лишинааа...*

Я вцепилась в молитвенник так, что он прогнулся, и стала лихорадочно оглядываться, но не видела, куда направить мою огневую мощь. Все тени на стенах были неподвижны, и круг святой воды не нарушен.

Потом, словно повинуюсь некоему инстинкту, я посмотрела вверх.

Она пришла через потолок. Длинные черные волосы свисали на лицо полусгнившего трупа. С ужасающей медлительностью чудовищное существо выбиралось из особенно темной тени, пригвоздив меня к месту параличом невероятного ужаса. Сначала я увидела сморщенный бледный лоб, потом ввалившиеся глаза, налитые кровью, с узкими зрачками, которые смотрели, казалось, прямо в мою душу, изливая черную ненависть. У нее был рот упыря, зубы так изломаны и искривлены, что иные из них пронзали ее высохшие, словно пергамент, губы.

Длинные бледные руки потянулись ко мне. Каждое новое движение было более страшным, чем предыдущее, переломанные конечности двигались со скрежетом костей, сгибаясь так, что это казалось невозможным. Капли гнилой черной крови падали на мое лицо и руки, стекая с каждой обломанной кости, торчавшей из-под кожи.

Я бессмысленно уставилась на нее, пораженная ужасом, когда десять пальцев с невероятно длинными ногтями потянулись к моему лицу. Одна переломанная нога вылезла из тени на потолке, кожа на ее бедре была землистой и покрытой пятнами.

- Огонь! – прохрипела я. – Огонь!

Боевые сервиторы продолжали смотреть на назначенные им участки камеры. Не видя цели, они не делали ничего.

Она вылезла из теней, словно некое ужасное насекомое из кокона, и бросилась на меня.

Я увидела ее гниющее лицо в нескольких дюймах от моего, услышала булькающий хрип изо рта, полного земли. Эти страшные, покрытые могильной грязью, ногти, прорезали мой защитный костюм и вонзились в мою плоть – хотя они выглядели хрупкими, но были тверды, как титановые ножи. Я пыталась закричать, но не смогла.

Я содрогалась в конвульсиях паники, из моего рта хлынула пена. Она рассекла мои ребра и разрежала в лоскуты мышцы на моих руках и плечах. Пергаментная кожа сморщилась складками над переломанными костями, когда она потянулась назад, ее руки неестественно повернулись, и страшные ногти скользнули по моим ногам.

Боль была невыносимой, словно по всему моему телу открылись трещины, полные огня и кислоты. Я не могла двигаться. Она резала все быстрее и быстрее, издавая ужасный звук – словно из легких трупа выходил последний воздух. Она снова повернулась, и ее сырые, испачканные землей волосы хлестнули меня по лицу. Ее ногти рассекли мою шею, а мертвые глаза все это время, не отрываясь, смотрели мне в лицо. Я не видела в них ничего – лишь ненависть и безумие.

Боль достигла мучительного пика. Ее черные зрачки, казалось, расширились настолько, что поглотили весь мир, и я потеряла сознание.

Я очнулась в начале дневного цикла. Вздоргнув, я вскочила с койки и врезалась в широкую спину одного из боевых сервиторов. Он повернулся, пытаясь навести на меня свой тяжелый болтер.

- Нет! – закричала я, подняв руки. – Отбой! Отбой!

Сервитор издал недовольный гудящий шум и снова повернулся к стене камеры.

- О, Терра, - выдохнула я. – О, Святой Трон. Боже-Император, спасибо за то, что пощадил меня.

Я схватилась за сердце, чувствуя, что могла умереть на месте от одного лишь шока, когда события последних двадцати четырех часов пронеслись в моей памяти.

Я тщательно осмотрела себя в поисках ран от длинных ногтей чудовища, которые, как я была убеждена, изорвали мое тело в клочья. Слава всему святому, я нашла лишь старые царапины на ноге и плече, и даже они немного побледнели.

Я была все еще невредима. Все еще жива, несмотря на все ужасы ночи. Но о людях, которые *действительно* приходили ко мне, этого сказать было нельзя.

Взглянув на ужасное зловонное месиво останков в коридоре, я ощутила приступ тошноты. На них уже стали слетаться трюмные мухи. Нужен был новый план – и быстро.

Я шагала по камере туда-сюда, испытывая отчаянное желание облегчить мочевого пузырь, но не хотелось пользоваться ведром в углу на виду у сервиторов. Мысль о том, что их мертвые глаза будут смотреть на меня, вызывала дрожь, даже после всего случившегося. Кроме того, справлять нужду в эту огромную емкость, не рискуя упасть в нее, мог, вероятно, лишь кто-то ростом не меньше Рохо Кроддена.

И вот наконец-то. В моем разуме стал появляться план. Или, по крайней мере, его начало.

- Вот я и нашла тебя, мелкий кусок дерьма.

Енох Белогривый оказался у дверей зала для тренировок и писал что-то на клочке пергамента, развернув его на стене. Когда он повернулся ко мне, я навела на его самодовольную рожу свой лазган – точнее, бывший лазган Тренарда, к которому я примкнула штык.

- Полевой командир Вендерсен, добрый вечер. А я все думал, когда же увижу вас снова, - ратлинг даже не вздрогнул, хотя два фута стали были нацелены ему между глаз. – Вижу, вы переняли мою привычку ходить босиком.

- Приходится, - усмехнулась я. – Хожу по кораблю тихо и незаметно. Как призрак, можно сказать.

На этот раз он слегка вздрогнул. Этого было достаточно.

- Похоже, ты вовремя свалил из камбуза, когда твои савларские приятели получили свое?

- Я ратлинг, - сказал он, разведя толстыми руками. – Мы знаем, когда пора бежать.

- Наверное, с уборкой было много работы?

- Но не без выгоды. Мои пирожки с мясом многие хвалили, - Енох хитро улыбнулся, проверяя, не клюну ли я на приманку.

- Неужели ты засунул этого здоровяка Кроддена в мясорубку и не сломал ее?

Он пожал плечами. Это был едва заметный жест, но я хотела его увидеть.

- Если, конечно, ты до сих пор не хранишь его труп в холодильнике. Было бы жаль терять всю эту дорогостоящую бионику, не так ли?

- Вроде того, - ответил он.

Некоторое время мы пристально смотрели друг на друга.

- Говорят, вам по вкусу лично резать савларцев, - сказал Енох.

- Ты удивишься, если услышишь, что это был Кродден, - ответила я.

Он нахмурился.

- Поясните?

- Неужели кто-то серьезно считает, что это моих рук дело? Я похожа на того, кто может сломать конечности человека, как сухие ветки? И даже я не смогла бы справиться с шестью самыми лютыми савларскими бойцами сразу.

Енох склонил голову набок, слегка отодвинув от себя острие штыка.

- Во что только не верят люди. И даже самая большая ложь, если ее повторять достаточно часто...

- ... все равно остается ложью, - прервала я его, снова направив штык ему между глаз. –

Но у меня есть куда более правдоподобная ложь.

- Кродден, - кивнул он. – Но поможет ли вам это, когда Бульвадт поймает вас?

- Бульвадт и Тренард мертвы, - ухмыльнулась я.

- Что? Нет...

- О, да. И с ними еще три корабельных солдата. И если ты хочешь как-то использовать то, что от них осталось, тебе понадобится совок и ведро.

Корабль слегка вздрогнул, в коридоре зазвучали сирены. «Провидению» оставалось лишь три часа до выхода из варпа.

Я с трудом сдержалась, чтобы не подпрыгнуть в воздух от радости.

- Проклятье, - вздохнул Енох. – Это многое меняет.

- Боюсь, что так.

Он присвистнул.

- И теперь получается, что вы старший офицер в боевой группе.

- Именно, - я улыбнулась. – Теперь ты работаешь на меня, Енох. И можешь начать с распространения правдоподобной... правды, о которой я говорила.

- Слушаюсь, полевой командир, - сказал ратлинг, вытирая руки о фартук. – С этим проблем не будет.

- Хорошо, - кивнула я. – А теперь слушай внимательно. У нас с тобой будет много работы.

Понадобились некоторые усилия, чтобы незаметно угнать тележку на магнитной подвеске, но мы с Енохом смогли перевезти труп Кроддена из камбуза, где он хранился в холодильнике, в карцер для огринов, не привлекая лишнего внимания. Большая часть экипажа была занята на своих постах, готовясь к выходу из варпа, и в коридорах было не так много любопытных глаз.

Из арсенала мы выкрали пару тяжелых болтеров, чтобы дать Кроддену подходящее оружие, из которого он и убил Бульвадта и его свиту. Юки тем временем увела своих сервиторов. К тому времени, когда выход из варпа будет завершен, мерзлый труп здоровяка-савларца достаточно оттает и будет в хорошем состоянии.

Заморозка сохранила тело Кроддена от гниения со времени бойни на камбузе. Когда мы привезли его в карцер, я проделала дыру в его груди выстрелом из лазгана и повесила два тяжелых болтера на ремнях ему на шею. Конечно, все это не обмануло бы внимательного следователя, но Тренард был мертв, и сомнительно, чтобы кому-то было дело до опровержения нашей версии. В конце концов, Кродден был куда больше похож на массового убийцу, чем я.

Флотские рулевые всегда рассчитывают срок выхода из варпа с запасом, поэтому Енох и я успели вернуться в наши койки вовремя. В течение следующих пяти часов выход из варпа был выполнен. Я была рада, что это пришлось на дневной цикл, и за исключением нескольких приступов мигрени все прошло гладко.

После этого дела стали налаживаться. Енох и я придумали страшную историю о том, что Кродден был серийным убийцей. Видит Император, савларский ублюдок отлично

подходил на эту роль. Когда пикт-снимки бойни в карцере стали распространяться на черном рынке усилиями Еноха, все были так увлечены кровавой историей, что никто не стал пытаться опровергнуть ее.

Я официально заявила, что это Кродден калечил и убивал савларцев из 270-го с целью мести за то, что они подвели его в Унг-Тем-Сити. Это он убил Верховного Патриарха Бульвадта и сопровождавших его корабельных солдат, после того, как первый адъютант Тренард выследил преступника. Огромный савларец был убит в перестрелке, но нанес страшные потери группе корабельных солдат, направленных задержать его. Юки в подтверждение подготовила данные, записанные серво-черепом, который, якобы, был свидетелем всего этого.

Юки обеспечила технические детали нашей истории, я организовала подготовку официальных документов, а Енох распространял информацию среди личного состава боевой группы. Так наша «правдоподобная правда» стала общеизвестной еще до конца следующего дня. Я позволила себе проявить творческий подход в плане подробностей официального доклада. В отчаянной схватке в карцере героические корабельные солдаты смогли убить Кроддена, хотя и сами все погибли при этом. Первый адъютант Тренард сражался храбро, но Леонид Бульвадт все время прятался за спинами других, вопя от страха. Он погиб, так и не вынув пистолет из кобуры. Последней подробностью я особенно гордилась; с тех пор среди личного состава боевой группы Унг-Тем проявление трусости стали называть «сыграть Бульвадта». Думаю, это достойная память для человека, который был больше заинтересован в интригах и борьбе со своим штабом, чем с истинными врагами человечества.

История распространялась как зараза. Сначала ее рассказывали шепотом, потом в полный голос, и, наконец, скучающие солдаты стали распевать песни об этом в каждом полку. Я иногда сама насвистывала самые запоминающиеся версии. «Слава Королеве, Костолом подход!»

Но отдохнуть нормально мне так и не удалось. Енох обеспечил меня качественным снотворным, однако вместо него я предпочла воспользоваться гиперкофеиновыми стимуляторами. С тех пор Енох регулярно снабжает меня ими. Я уже несколько месяцев не спала нормально, несмотря на то, что мы давно вышли из варпа, и с тех пор *она* стала лишь ужасным воспоминанием.

Иногда я думаю, что эта бессонница дорого мне обойдется в долгосрочной перспективе, и что я медленно схожу с ума. Но с командованием боевой группой я справляюсь вполне прилично. В этой партии в Лабиринт Лжеца никто мне и в подметки не годится. Я прикрываю центр, а Енох и Юки фланги, и с такой поддержкой я прочно закрепила боевую группу за собой.

Я высадилась на Тишину меньше недели назад. До сих пор я держу у себя молитвенник Гефсема, еще более потрепанный, чем раньше, и некоторые литании из него я выучила наизусть. Так что, когда придет время снова отправиться в бой, я сумею изобразить благочестивую героиню, ведущую воинство Императора на исполнение святого долга. Возложить цветы на могилы, сказать несколько слов. И когда я наконец буду официально назначена верховным матриархом боевой группы, я произнесу столько клятв и обетов Императору, сколько понадобится.

Кто знает, может быть, на этот раз я буду произносить их вполне серьезно.

- Вот и все, - сказала Вендерсен, потеряв руки. – Это и есть моя история. Маррикус кашлянул.

- Понятно, почему вы столь неохотно решились ее рассказать.

- И вы еще называли меня сумасшедшим, - ядовито сказал Валемар.

Вендерсен повернулась к нему.

- Я еще и не то сделаю, Валемар.

- Комиссар, - поправил он, угрожающе шагнув к ней, но Маррикус встал между ними.

- Потиху, пожалуйста, вы двое, - негромко произнес миссионер.

Валемар взглянул на него. На мгновение комиссару показалось, что глаза священника сверкнули синим. Он встряхнул головой. Маррикус продолжил:

- На нас смотрят. Было бы разумно проявлять некоторое приличие.

Обернувшись, Валемар заметил силуэт похоронного сервитора среди катафалков. Сервитор ходил вокруг них, или это просто воображение? Погребальная маска в виде лица херувима повернулась к комиссару, красные глаза сверкнули, и Валемару показалось, что его голова сейчас взорвется. Она болела все сильнее. Комиссар потер лоб и почувствовал что-то мокрое. Возможно, сырость от тумана. Но когда Валемар взглянул на свои пальцы, на секунду ему показалось, что они красные от крови.

Он моргнул, и увидел, что ошибается, никакой крови на пальцах не было. Другие смотрели на него, и он подумал, не заметили ли они что-то.

- Что? – прорычал он.

- Ничего, - поспешно ответил Маррикус. Он одернул свои одеяния и почесался, словно они вызывали у него дискомфорт. И снова Валемару показалось, будто что-то движется под одеждой священника. И еще он вроде бы слышал... голоса? Комиссар встряхнул головой. Это просто так действует боль, заставляя видеть и слышать то, чего нет.

- Ну, - сказала Вендерсен. – Мы рассказали наши истории. Ваша очередь, священник.

- Да? – Маррикус слегка вздрогнул, будто от боли. – Хорошо. Хотя я пока не нахожу в ваших историях что-то общее. А вы, комиссар? Вы заметили какую-то связь?

Валемар переступил с ноги на ногу, словно в смущении.

- Нет. Пока нет.

- Тогда, возможно... это была не самая лучшая идея. Может быть, нам стоит еще раз попытаться покинуть это место.

Маррикус огляделся вокруг. Валемар машинально тоже оглянулся.

Похоронные сервиторы снова наблюдали за ними. И на этот раз они были ближе. Всего лишь на расстоянии нескольких катафалков. Как они смогли незаметно подойти так близко? Голова болела ужасно. Может быть, поэтому он и не заметил их.

- Я уже пытался уйти, - сказал Маррикус. – Я говорил вам?

- Да, - вздохнула Вендерсен.

- Они не отпустили меня. Почему они не позволяют нам уйти? – в голосе священника любопытство смешивалось со страхом. – Они же... им не должно быть дела до нас.

- Однако им есть дело до нас, - заметил Валемар.

Маррикус посмотрел на него.

- На мгновение мне показалось, что вы истекаете кровью, - он указал на лоб между глаз, и повернулся к Вендерсен, - А вы...

- Что я? – спросила она.

Маррикус покачал головой.

- Моя очередь, верно? Так вы сказали. Да. Пора рассказать мою историю.

Дэвид Аннандейл

ВЕРА И ПЛОТЬ

Я думаю, что сделали бы вы. Если бы вы видели то, что видел я, если бы вы узнали то, что узнал я, то действовали бы иначе? И справились бы лучше? Не думаю. И я говорю это не из гордости. Я не пытаюсь выставить себя героем или унижить вас. Я просто думаю, что это правда. Я делал то, что должен был делать.

Какой самый трудный выбор вам приходилось делать? Если вы раздумываете над ответом, значит, вам еще не приходилось. Самый трудный выбор вы запомните навсегда. И его тень будет нависать над вами всю оставшуюся жизнь. Вы едва ли вспомните себя прежних, какими вы были до этого выбора. Вот насколько важно такое решение. После него каждая развилка на пути, которым вы шли до того, будет казаться вам по-детски простой, и вы еще удивитесь, почему вы задумывались перед ними. Ведь по-настоящему важным был только *тот* выбор.

Пока вы не столкнетесь с такой дилеммой, вы можете думать, что вам уже приходилось принимать самое трудное решение. Я сам так думал. Когда я прибыл на станцию «Лигуриан», то думал, что нахожусь перед выбором, который определит мою жизнь. Или, если быть честным – который *погубит* мою жизнь. Я не видел приемлемого выхода из тупика. И это отсутствие хорошего варианта есть одна из определяющих характеристик труднейшего выбора. Хотя и не единственная. Еще должны быть высоки ставки. И я думал, что они высоки настолько, насколько возможно.

Я ошибался. Я был наивен. Но я не виню себя. Мы все бываем наивны до того, как наступит этот момент. И вы наивны, пока вам не приходилось встать перед таким выбором, и я прошу не считать это оскорблением. Вот почему я не виню себя прежнего за то, что ошибался. Я просто не мог знать, что будет потом.

Меня зовут Освик Маррикус. Вы не слышали обо мне. Но если вы бывали в суб-секторе Мерор, то могли слышать о моей семье. В нашем роду было немало кардиналов. Я не один из

них, и уж точно не смогу стать кардиналом в будущем. Но я был первенцем у своих родителей, и это означало, что мне уготовано служить в Экклезиархии. Такие вопросы, как подхожу ли я для церковной карьеры по характеру, способностям, и обладаю ли достаточной глубиной веры, даже не рассматривались. Первенцы рода Маррикус всегда служили в Адептус Министорум, потому что такова была традиция. Честно говоря, похоже, что в нашей крови действительно есть предрасположенность к религиозной жизни. Некоторые из самых ревностных и благочестивых экклезиархов суб-сектора вышли из рода Маррикус. Так же, как и многие из наиболее богатых и влиятельных.

Я не мог стать ни тем, ни другим, и знал это с детства. Как только я достаточно вырос, чтобы понимать, кем я должен стать, я также понял, что не подхожу для такой карьеры. Моей надеждой, за которую я долго цеплялся, было стать дьяконом. Я не был амбициозен. Мне отлично подошла бы спокойная служба глубоко в административных дебрях Экклезиархии, обеспечивавшая стабильную жизнь где-нибудь в мире-улье. Но мои начальники в своей дарованной Императором мудрости решили, что я должен быть миссионером, и послали меня в систему Тромос.

На Тромосе Прайм шла война. Моим долгом было вдохновлять солдат Стражи Тромоса, подавлявших восстание на южном континенте планеты. Чтобы полностью подавить его, понадобился год. Я не знал, как началась эта война. Я не знал, почему мятежники восстали против власти Императора. Я знал лишь, что они должны быть уничтожены. Что еретики, отступившиеся от Имперского Кредо, должны быть сокрушены беспощадной силой. Я знал только это.

Но даже так, то, что я увидел за этот год... Мне повезло, что не пришлось участвовать в самых тяжелых боях, но я видел их последствия. Когда я видел тонувшие в грязи поля сражений и разрушенные города, тысячи трупов с обеих сторон, разлагавшиеся на этих полях, словно гниющее мясо, было нелегко представить, что все это может привести к чему-то достойному.

Но тогда еще мне не пришлось делать самый трудный выбор. Да это и было бы маловероятно. Я не особенно интересовался самой войной – только тем, как остаться в живых.

Не поймите меня неправильно. Моим долгом было вдохновлять солдат убивать и умирать за Императора, и этот свой долг я честно исполнял. Причем исполнял его хорошо, и это не хвастовство. У меня есть талант к написанию вдохновляющих проповедей. Но это не то, чем я горжусь. Я назвал это талантом, но более верно было бы назвать это бременем. Представьте себе, каково это – видеть, как другие вдохновляются словами, которые тебе кажутся рутинной. Я зажигал в них огонь веры. И хотел бы зажечь его в себе.

Война кончилась, но моя миссия на Тромосе продолжалась. Я путешествовал по Тромосу Прайм и другим населенным регионам системы, укрепляя Имперское Кредо. Одним из последствий этих моих путешествий было то, что тот год стал счастливейшим в моей взрослой жизни. И из-за этого мысль о том, что придется покинуть Тромос, была невыносимой.

Но неизбежно однажды мне пришлось бы его покинуть. Я был миссионером. Моей судьбой было путешествовать от системы к системе, от войны к войне. Тот год на Тромосе после войны создал иллюзию стабильности. Я знал, что она не будет длиться вечно, но позволил себе чувствовать так, словно будет. И когда я получил приказ покинуть Тромос, боль, которую я чувствовал, была невыносимой – по крайней мере, я так думал.

И тогда я прибыл на станцию по утилизации кораблей «Лигуриан», убежденный, что столкнулся с самым трудным выбором в своей жизни, и отчаявшийся найти выход, который не требовал бы покинуть мое счастье.

Я прибыл туда на борту «Верного», транспорта среднего размера, выполнявшего регулярные рейсы к внешним пределам системы. Под «регулярными» я имею в виду каждый год. Он летал к астероидному поясу, доставляя снабжение шахтерским и тюремным колониям и станции по утилизации кораблей, расположенным в астероидах, прежде чем направиться к точке Мандевилля и покинуть систему.

Вы, наверное, никогда не были на утилизационной станции. Да и мало кто на них бывал. Это мрачные одинокие аванпосты, изолированные от всех прочих пунктов цивилизации в системе. Необходимость изолировать их связана с их работой. Работа на них очень опасна, и не только для самих рабочих. Корабли, с которыми они работают, уже не подлежат ремонту, и фактически представляют собой смертельные ловушки. Всегда есть вероятность, что с ними может произойти катастрофический несчастный случай. Самое страшное – взрыв плазменных двигателей. У экипажа утилизационной станции в любом случае нет шансов пережить такую катастрофу, но если станция расположена на орбите населенного мира, такой взрыв может выжечь его атмосферу и фактически уничтожить жизнь на планете. Потому эти станции располагаются как можно дальше от населенных планет и любых других орбитальных объектов, чтобы даже самый сильный взрыв не уничтожил ничего кроме самой станции.

Станция по своей форме напоминала огромный цветок, созданный грязной рукой индустрии. Стеблем его был длинный гибкий якорь из железа и пластали, который тянулся из центра станции к поверхности астероида внизу, крепко вцепляясь в камень своими когтями с силовыми приводами. В «цветоножке» располагался центр управления и каюты экипажа. У ее основания размещались четыре массивных широких двигателя. Станция была огромным неуклюжим чудовищем, непригодным для межзвездных перелетов. Но она перемещалась в пределах системы, покидая один астероид и перелетая к другому.

Четыре «лепестка», окружавшие «цветоножку», были больше похожи на огромные разбухшие опухоли. Это были рабочие доки станции. Они были отделены один от другого, но могли соединяться временными переходами. Доступ в них осуществлялся через командный центр. Они были достаточно большими, чтобы вместить маленькое судно или отрезанный кусок более крупного – последнее пристанище мертвых кораблей. Для больших кораблей, с которыми и была связана основная работа станции, процедура была иной. Когти, еще более крупные, чем те, которые прикрепляли «Лигуриан» к астероиду, вцеплялись в корпус судна и удерживали его вплотную к доку. После этого внешние ворота дока открывались на диаметр, соответствующий размеру корабля.

В одном доке я увидел останки судна, похожие на скелет, к другому доку с противоположной стороны от центра управления был пристыкован старый колонизационный корабль, выглядевший еще нетронутым. Вероятно, он был отправлен на утилизацию лишь недавно. Корабли, пристыкованные к двум другим докам, находились там дольше и уже лишились части своих корпусов. В одном я едва узнал лихтер. Другой был транспортом, более крупным, чем тот, на котором прилетел я. Это было большое судно, и хотя его надстройки уже были разобраны, огромная масса его корпуса затмевала звезды. Его название «Кардинал Визейн» было все еще видно на носу, написанное пятидесятифутовыми бронзовыми рунами. Корпус его был пробит в стольких местах, что стал похож на

обглоданную кость. Каждая из огромных пробоин обозначала место, где когти станции когда-то держали корпус. Сервиторы опустошали отсеки судна и герметизировали их, чтобы сохранить атмосферу для работы на следующих участках.

Обломки разрезанных кораблей сбрасывались вниз, и, захваченные гравитацией планетоида, падали на его поверхность, сохраняя свободным пространство вокруг станции.

«Верный» приблизился к станции сверху, словно избегая смертельной хватки ее когтей. С противоположной стороны командного центра находился стыковочный узел. Транспорт синхронизировал свое движение со станцией и пристыковался к ней. Открылись большие воздушные шлюзы, и я сошел по трапу, приспособившись к гравитации станции. Еще раньше меня на станцию высадились моторизованные сервиторы, тащившие тележки на магнитной подвеске с грузами, которые принимали другие сервиторы, работавшие на станции.

Внизу трапа меня ждал Вел Хьюзен. Капитан станции «Лигуриан» был скватом, ростом едва мне по грудь. Его лицо выглядело изрядно потрепанным жизнью, с обвисшими щеками, мешками под глазами и толстым носом. Он командовал станцией уже больше пятидесяти лет. Это был флегматичный, невозмутимый офицер, лишенный воображения, что делало его идеальным кандидатом для службы в таком мрачном и изолированном месте, в условиях невероятной скуки и рутины, несмотря на весь риск.

Он ухмыльнулся, когда я подошел к нему.

- Рад видеть тебя, миссионер, - он, казалось, не воспринимал мое звание вполне серьезно, произнося его словно прозвище. Я едва ли мог винить его.

- Я тоже рад тебя видеть, Вел, - сказал я, пытаюсь не поморщиться, когда он хлопнул меня по спине. По стандартам станции «Лигуриан» я был частым гостем.

- Ты проделал весь этот путь, чтобы увидеть меня? – спросил Хьюзен, как он спрашивал последние пять раз, когда я прилетал на его станцию. Некоторые из этих путешествий были дорогим удовольствием. Мне приходилось немало платить торговцам, чтобы они отклонились от своих обычных маршрутов.

- Ну конечно, - солгал я, давая тот ответ, которого он ждал.

Хьюзен засмеялся, словно мы беседовали в первый раз. Я думаю, он смеялся еще сильнее, потому что это было уже в пятый раз.

Мы направились к командному центру по коридору, стены которого были из грязного черного железа. Из-за высокого сводчатого потолка коридор казался еще более узким, чем на самом деле. Это был один из основных коридоров станции, достаточно широкий, чтобы мы с Хьюзенем могли идти рядом по одной стороне, а по другой шли сервиторы. Но когда я оглядывал коридор, слабо освещенный люменами, впечатление было такое, что я заглядываю в саркофаг, глубины которого теряются во мраке.

- Наверное, хочешь увидаться с ней, - сказал Хьюзен, поддразнивая меня.

- Да, может быть, - ответил я с фальшивой небрежностью, подыгрывая его болтовне, но сердцем я был в другом месте. Все, о чем я мог тогда думать – что, вероятно, я посещаю «Лигуриан» в последний раз.

- Конечно, хочешь, - усмехнулся Хьюзен. – Ты найдешь ее в доке Дельта.

- Спасибо. Я пойду туда.

- Возможно, на этот раз она убедит тебя остаться с нами?

- Надеюсь, что так.

Он шутил. Я нет.

Мы дошли до командного центра, и Хьюзен задержался, прежде чем войти туда.

- Я хотел попросить тебя кое о чем, - сказал он, на этот раз более серьезно, чем обычно в беседе со мной.

- О чем угодно.

- Ты не сможешь провести церковную службу для нас? – под маской наигранной веселости скрывался глубоко религиозный человек. – Уже давно в нашей часовне не служил настоящий священник Экклезиархии.

Я озадаченно моргнул. Религиозность Хьюзена заставила меня устыдиться, что я не столь ответственно относился к моему призванию.

- Конечно, - сказал я, стараясь выразить больше энтузиазма, чем чувствовал на самом деле.

- Спасибо, миссионер, - Хьюзен, казалось, был очень доволен. – Это пойдет нам на пользу. Иногда надо напоминать нам, что мы не совсем одиноки здесь.

Он благодарно пожал мне руку и ушел.

Я направился по кольцевому коридору, пока не дошел до дверей в док Дельта. Двери были огромные, десять футов высотой и двадцать шириной, двойные и выполняли также функцию шлюза – в случае пробойны в доке они могли закрыться мгновенно. Это могло спасти остальную станцию, но обрекало на верную смерть тех, кто находился в доке в тот момент. Таков был порядок вещей. Работа, которую выполнял «Лигуриан», была необходима, но саму станцию и ее экипаж можно было легко списать в расход, что отражалось в самой конструкции станции и том, как она функционировала. На борту «Лигуриана» служили только четыре офицера, управлявшие трудом армии сервиторов. В случае катастрофы потери были бы приемлемо малы. Если что-то случилось бы со станцией, эти четверо могли надеяться только на себя. Было бы слишком рискованно посылать спасательное судно, и дешевле было бы заменить станцию в случае ее потери, чем пытаться ее отремонтировать.

Я вошел в огромное пространство дока Дельта, погружившись в грохочущий шум работы. Из внешних ворот дока выступал нос лихтера, окруженный лесом мостков, и масса монозадачных сервиторов, взобравшись на них, резала корпус судна плазменными резаками, снимая обшивку и открывая доступ к модулям, которые еще можно было использовать. Другие сервиторы, встроенные в моторные тележки, увозили срезанный металл. Еще одна группа сервиторов собирала обломки и стаскивала их к правой стене, заталкивая в пасть мусоросборника. Этот механизм занимал почти треть стены в длину, а в высоту достигал двадцати футов. Его огромные челюсти открывались, принимая обломки, которые потом отводились вниз, чтобы быть сброшенными на поверхность астероида.

Я вошел в этот шум, двигаясь между группами работавших сервиторов, пока не заметил ее. Лигейя Роун стояла на низкой платформе между мусоросборником и носом лихтера. Из платформы выступал пучок мехадендритов. По ее командам мехадендриты подключались к позвоночникам ожидавших сервиторов, изменяя их программы для следующей задачи.

Лигейя Роун была начальником утилизационных работ на «Лигуриане». Весь процесс разделки кораблей на металл проходил под ее руководством. И именно она стала причиной того, что мне была невыносима одна лишь мысль, что мне придется покинуть систему Тромос.

Увидев меня, она махнула рукой и подняла два пальца. Я кивнул и подождал, пока она закончит перепрограммирование очередной группы сервиторов. После этого она огляделась, наблюдая за работой в доке. Удовлетворенно кивнув, она сошла с платформы и направилась

ко мне.

- Это займет их работой на какое-то время, - сказала она, улыбнувшись. – Рада видеть тебя, Освик.

- И я рад тебя видеть.

Едва ли самая романтическая встреча. Но мертвые лица сервиторов и оглушительный грохот работы в доке не слишком располагали к романтической обстановке. И я знал, что не стоит слишком проявлять эмоции, когда Лигейя занята работой. Она этого не оценит.

Она была на пять лет старше меня, но выглядела так, словно по опыту жизни превосходила меня более чем на десятилетие. Во многом так оно и было. Работа в таком месте, как станция «Лигуриан» по-своему закаляет человека. Кроме того, Лигейя и ее товарищи во время войны служили в Страже Тромоса, их отозвали со станции на родину для участия в войне. Там мы с ней и встретились в первый раз, когда я читал проповедь для подразделения механизированной пехоты, в котором она служила. Закалившись в войне и в работе, она обрела силу, которой у меня не было, и я завидовал ей в этом.

Мне говорили, что у меня лицо, подходящее для моего призвания. Мои темные волосы, выраженные брови, четкий подбородок и острый нос придают моей внешности суровый облик. Когда я проповедую, я вижу, что это производит на паству желаемое впечатление. Но когда я смотрю в зеркало, то вижу только вечно хмурое выражение, точно в ответ на внутренние обвинения в слабости.

Лигейя Роун была выше меня, худощавой и жилистой, казалось, что плоть едва покрывает ее кости. Голова ее была полностью выбрита, как и у остальных членов экипажа станции. По сравнению с ними, мои волосы и борода, хотя и не слишком длинные, казались манерным излишеством. Лицо Лигейи, на котором со времени нашей последней встречи появилось еще несколько шрамов от ожогов, было угловатым, с резкими чертами и словно вопросительным выражением. Ее темные глаза будто оценивали все, что представало перед ними, взвешивая его ценность и полезность, и со времени нашей первой встречи моей целью было, чтобы эти глаза не сочли меня недостойным.

Она улыбнулась. Я был готов воевать со всей галактикой ради этой улыбки. К счастью, она не просила меня об этом. Но ее улыбка того стоила. Одно лишь воспоминание о ней давало мне силу надеяться, что есть выход, есть путь помимо того выбора, что стоял передо мной. А еще я почувствовал, что мое сердце словно сжали тисками, ибо знал, что эта надежда тщетна.

- Ты вовремя, - сказала Роун. – Я только что закончила смену. Работа в доках Альфа и Бета продвигается хорошо, а разделка судна в доке Гамма почти завершена.

- Значит, у тебя есть немного времени?

Она кивнула.

- Пойдем в мой кабинет.

Мы снова направились к командному центру. Помещения экипажа располагались вокруг него, кабинеты офицеров были соединены и с мостиком и с жилыми каютами. Кабинет Роун находился с противоположной стороны от дока Дельта, и нам пришлось обойти вокруг командного центра, чтобы добраться до него. Сердце «Лигуриана» было круглым отсеком, в центре которого находился командный трон Хьюзена. Вокруг этого вращающегося кресла располагались основные системы связи и панели управления. Длинные иллюминаторы между дверями в кабинеты офицеров давали обзор всех четырех доков.

Хьюзен кивнул Лигейе, когда мы проходили мимо.

- Крейн прислала сообщение, - сказал он. Ариадна Крейн заведовала утилизацией модулей, которые еще можно было использовать. – Похоже, она нашла что-то интересное.

- Скажите ей, пусть доставит это в док Гамма.

Кабинет Лигейи Роун был весьма небольшим. В нем едва хватало места для простого рабочего стола, представлявшего собой металлическую плиту, прикрепленную к стене слева от входа. Когда мы вдвоем стояли у стола, в кабинете уже было тесно. Но нам это нравилось. Лигейя обняла меня за шею, притянула к себе, и мы поцеловались. Я крепко прижал ее к себе, впитывая ее силу, словно она могла поддержать меня в будущем. Теплота и мягкость ее губ заставили забыть об остальном мире. Игра наших языков была сначала нежной, потом все более настойчивой, словно открывавшей заново нечто давно знакомое, и то, чего так не хватало.

Мы целовались с неистовой страстью всепоглощающего желания быть вместе. И когда мы прекратили поцелуй, я едва смог отпустить ее. Все, чего я хотел – обнимать ее и быть в ее объятиях, чувствовать, как требования будущего испаряются перед радостью настоящего, словно застывшей во времени. Но поддаться этому соблазну было бы нечестно. Это значило бы, что я думаю только о своих желаниях. Это сделало бы мою любовь к ней поверхностной, пошлой, не так ли? А моя любовь такой не была.

Лигейя посмотрела в мои глаза, и увидела, что я встревожен. Она отошла к другой стороне стола, не для того, чтобы быть подальше от меня, а чтобы дать мне пространство, чтобы я мог вздохнуть и высказаться. Она не стала садиться, а оперлась о стену, скрестив руки, и улыбнулась. Ее улыбка была мягкой, ободряющей, но была в ней и печаль, словно она уже знала, что я собираюсь сказать.

- У тебя новости, - сказала она. – И, похоже, не очень хорошие.

- Я получил новое назначение, - ответил я. – С мира-улья Эй-Мортис отправляется крестовый поход против тау. Я должен в нем участвовать.

- Когда ты улетаешь?

Она не сомневалась, что я ее покину. Я содрогнулся.

- Мне придется улететь менее чем через месяц.

Этого времени мне едва хватило бы, чтобы улететь с «Лигуриана» и вернуться на Тромос Прайм. Мне пришлось потратить большую часть оставшихся у меня сбережений на уплату владельцу торгового судна «Огонь Дисциплины», чтобы он отклонился от своего обычного курса и забрал меня со станции на обратном пути. Он должен был прилететь на «Лигуриан» через десять дней.

- Должен, придется, - вздохнула Роун. – Почему ты говоришь так?

- Ты знаешь почему.

- Скажи мне.

- Я не хочу улетать, Лигейя.

Ее улыбка потускнела, в ней осталась только печаль.

- И я так не хочу, чтобы ты улетал.

- Скажи мне, чтобы я не улетал.

В ее смехе прозвучала боль.

- Как я могу тебе это сказать? Как думаешь, что с тобой будет, если ты откажешься лететь?

- Знаю, знаю, - я покачал головой. – Но я неподходящий человек для этой работы,

Лигейя. Я не миссионер. Я всегда знал это, а сейчас мне это более ясно, чем когда-либо. Я не могу покинуть тебя.

- И все-таки ты должен, - тихо произнесла она. – Это твой долг.

- Мой долг... - повторил я, поморщившись, это слово оставляло горький привкус. – Я лжец. Я занимаю место, на котором, в конечном счете, принесу больше вреда, чем пользы.

- О чем ты говоришь? Ты прекрасно читаешь проповеди.

Я фыркнул.

- Да, так мне говорят. Вел даже просил меня прочитать вам проповедь сегодня.

- Это было бы прекрасно.

- Это будет фарс. Я хорошо умею говорить, но это не делает мои слова искренними. Это не делает меня хорошим миссионером. Нет, если я не вкладываю душу в свои дела.

Лигейя ответила не сразу. Нахмурившись, она сначала обдумывала мои слова.

- Ты ощущаешь в себе сомнения? – тихо спросила она.

- Да, - ответил я так же тихо.

- Как же далеко они зашли? – прошептала она, ее глаза, казалось, были готовы наполниться ужасом.

Я покачал головой.

- Я не это имел в виду, - сказал я, возможно, слишком быстро.

- А что ты имел в виду?

- Я думаю... - начал я и замаялся. Я не был уверен, что в точности имел в виду. Хотел ли я сказать, что сомневаюсь в себе? Но я уже сказал это. Я не мог заставить себя признаться в сомнении *худшего* рода, которое она, вероятно, и подозревала. Не мог даже перед ней.

- Я... не подхожу для этого, - сказал я.

Но это было не совсем то, что я хотел сказать. Мне трудно было найти правильные слова. Для меня это была необычная проблема. И прежде чем я сумел найти слова, прозвучала сирена.

- Крейн вернулась, - сказала Лигейя. – Надо посмотреть, что такого интересного она нашла.

Мы вышли из кабинета. Я шел близко к ней, почти касаясь ее плечом.

Думаю ли я о том, что могло бы случиться, и что могло бы не случиться, если бы я не прилетел тогда на «Лигуриан»? Если бы я просто принял свою судьбу и сделал то, что мне было приказано? Да, я до сих пор думаю об этом.

И у меня нет ответов.

Мы вернулись на мостик. Туда пришел и Барнабас Мейсер. Он заведовал техническим обслуживанием станции – единственный человек на борту «Лигуриана», чьей обязанностью было не ломать, а чинить. Это был бородатый здоровяк с темной кожей и необычно длинными пальцами. Я видел, как он прикасался к разорванному трубопроводу с такой нежностью, словно родитель, успокаивающий ребенка. Он хлопнул меня по плечу, когда мы вместе с ним подошли к командному трону Хьюзена.

На вокс-связи была Ариадна Крейн.

- Это военный корабль, - сообщила она. – Пока могу сказать только это.

- Какого типа? – спросил Мейсер.

- Я бы сказала, если бы знала. Мне ни к чему скрывать.

- Значит, от него мало что осталось, - разочарованно заметил Хьюзен.

- Увы, да, - ответила Крейн. – Это просто кусок корпуса. Но я думаю, там все равно есть кое-что интересное.

- А вот теперь ты скрытничаеть.

- Может быть.

- Где ты нашла его? – спросила Лигейя.

- Это он нашел меня. Я собиралась лететь в систему Антерис, забрать списанную яхту губернатора, а эта штука оказалась прямо у точки Мандевилля.

- Прямо-таки судьба послала, - хмыкнул Хьюзен.

- Наверное, - радостно ответила Крейн.

Она была уже близко к станции, ее буксир и то, что он тянул к доку, были видны в иллюминаторы. Обломок корабля был около трехсот футов в длину и примерно в половину меньше в ширину. Формы он был очень неровной, казалось, его оторвало взрывом от чего-то большого. Понятно, почему Крейн не могла определить, от какого он корабля. Я не эксперт по пустотным кораблям, но рядом со мной на мостике находились три специалиста, и они явно были так же озадачены, как и я. Обломок даже не был внешней частью корпуса, что хоть немного помогло бы определить его происхождение. Казалось, что это фрагмент нескольких внутренних отсеков корабля. Я видел слои палуб, искореженные так, будто корабль сдавили гигантскими тисками. Весь обломок почернел от огня. Было даже непонятно, почему Крейн решила притащить его на станцию, вместо того, чтобы продолжать лететь за той списанной яхтой. По крайней мере, с яхты можно было снять что-то, что удалось бы продать. А то, что она прибуксировала на станцию, было просто куском оплавленного металла, и все, что с ним можно сделать – послать его в полет к солнцу системы, чтобы он там сгорел.

- Выглядит не впечатляюще, но приборы регистрируют в нем какие-то показания, - сказала Крейн.

- В нем осталось что-то исправное? – изумился Мейсер.

- Что-то внутри него все еще вырабатывает энергию, и что-то получает ее. Это все, что я могу сказать.

- Уже неплохо, - сказал Хьюзен.

Огромное большинство кораблей, которые утилизировались на станции «Лигуриан», были гражданскими. Военные корабли попадались исключительно редко, но если они все-таки попадали на станцию, с них можно было снять что-то очень ценное.

- Я так и подумала, - ответила Крейн. – Везу его в док Гамма.

Мы смотрели, как ее буксир маневрирует, подходя к станции. С профессиональной ловкостью Крейн подтянула обломок к воротам дока. Хьюзен активировал захваты, и огромные когти станции вцепились в обломок. Крейн отцепила свой буксир и повела его к стыковочному узлу между доками Гамма и Дельта.

Как только Хьюзен подтянул обломок в док и активировал процесс герметизации, мы вышли с мостика, чтобы встретить Крейн.

Она ждала нас у входа в док Гамма. Ариадна Крейн была небольшого роста, не выше Хьюзена, но крепкого телосложения, хорошо подходящего для тесных отсеков ее буксира. Увидев нас, она широко улыбнулась.

- Ты выглядишь очень довольной собой, - заметила Лигейя.

- Так и есть.

Рядом с дверями в док был установлен пикт-экран, на который выводилась съемка

работы в доке Гамма и показания атмосферных и радиационных условий. Мы внимательно смотрели, ожидая, не будут ли эти условия опасными для работы. Внешние ворота дока были широко открыты, чтобы дать максимально возможный доступ к внутренним частям этого странного обломка. Сервиторы собрались у входа и стояли неподвижно, ожидая приказа.

Условия в доке оставались стабильными.

- Ну? – спросила Крейн.

- Думаю, нам стоит подождать больше, чем несколько минут, чтобы быть уверенными, - ответил Хьюзен.

- А когда мы были полностью уверенными? – заметил Мейсер.

Хьюзен пожал плечами, соглашаясь.

- Ладно, - сказал он. – Начнем исследование.

- Дистанционно, - добавила Лигейя Роун.

- Да, - кивнул Хьюзен. – Дистанционно. Готовь своих сервиторов, Лигейя. А остальным придется немного набраться терпения.

У нас не было особых причин ждать у дверей дока, но мы все равно ждали. Лигейя вернулась на мостик, где был терминал для управления сервиторами. Оттуда она могла управлять основными работами в доке. Вскоре после того, как она ушла, группа сервиторов пришла в движение и направилась к обломку. На пикт-экране было видно, как их сияющие плазменные резаки начали прорезать вход в искореженную оплавленную массу металла.

Работа шла медленно. Сервиторы срезали слои металла, и после этого Роун приказывала сделать им небольшую паузу, а Хьюзен следил за изменением атмосферы и радиационного фона в доке. Условия оставались стабильными, и не было взрывов от утечки газа или поврежденных резервуаров с плазмой. Спустя пару часов Лигейя снова пришла к нам, и Хьюзен открыл двери в док Гамма.

Мы вошли. Лигейя подошла к платформе управления и активировала более многочисленный контингент сервиторов. Крейн и Мейсер установили несколько сенсоров перед туннелем, который сервиторы прорезали в обломке. Мейсер нес с собой ауспекс. Хьюзен снова закрыл двери и вернулся на мостик. Я стоял рядом с платформой Лигейи, наблюдая за работой и радуясь, что мой разум отвлечен чем-то иным, чтобы не думать о безрадостном будущем.

- Много адамантиевых сплавов, - сказала Лигейя. – Их не так-то легко прорезать.

- И внутри действительно есть источник энергии?

- Ну, до него мы доберемся еще нескоро.

И действительно, добираться пришлось долго. Лигейя направляла усилия сервиторов. Мейсер следовал за сервиторами по вырезаемому ими туннелю, и указывал, где надо резать, когда его ауспекс улавливал более четкие признаки источника энергии. Еще через десять часов работы туннель стал подниматься вверх и по диагонали сквозь искореженный металл деформированных палуб. Мейсер и Крейн сменяли друг друга, по очереди следуя за сервиторами с ауспексом. Через несколько часов работы им пришлось взять с собой вокс-передатчик и по нему связываться с Лигейей. Чем глубже уходил туннель в металле, тем более внутренности обломка становились похожи на отсеки корабля. На десятом часу работы сервиторы прорезали еще один огромный завал искореженного металла, и вышли на участок палубы, оказавшийся неповрежденным. Когда помех от палуб и переборок больше не было, показания ауспекса стали гораздо более четкими.

- Путь впереди чист, - сообщила по воксу Крейн. – Похоже, где-то там есть включенное

стазисное поле.

Наиболее разумно с точки зрения безопасности было бы всем выйти, и только одному офицеру с ауспексом пройти по туннелю вперед, чтобы подтвердить наличие источника энергии. Но если бы кто-то из экипажа «Лигуриана» особенно беспокоился насчет безопасности, вероятно, они не служили бы на этой станции. Так что мы вошли в туннель все. По праву первооткрывателя впереди шла Крейн.

- Изнутри эту штуку не легче опознать, чем снаружи, - вздохнул Мейсер.

Огонь бушевал на палубах с такой силой, что поверхности оплавились, и вся маркировка была выжжена.

- Интересно, что же здесь случилось, - произнес я.

- Война случилась, - пожалала плечам Лигейя. Войну она видела гораздо больше и гораздо ближе, чем я. Она указала на кусок мраморной облицовки, сохранившийся на стене, - Что бы это ни был за корабль, это явно не простой транспорт.

- Мы приближаемся к стазисному полю, - предупредила Крейн, глядя на ауспекс.

Мы замедлили шаги и осторожно вошли в узкий коридор. Там мы повернули направо, к арочной двери, и за ней мы увидели ангела.

По сравнению с туннелем и искореженными коридорами, помещение казалось просторным. Оно тоже было уничтожено огнем. Точнее сказать, оно *застыло в процессе уничтожения*. Это был зал квадратной формы, со стенами около пятнадцати футов в длину и футов двадцать в высоту. С другой стороны порога воздух потрескивал от напряжения, и Лигейя остановила меня, положив руку мне на плечо. Весь зал был охвачен стазисным полем. Осколки замерли в полете, обломки застыли в момент взрыва. И в центре зала стоял космодесантник.

Вы когда-нибудь видели одного из ангелов Императора? Я не видел до того момента. Для меня они всегда были чем-то вроде героев мифов, хоть и реально существующих. Я знал, что они существуют. Я слышал об их подвигах. Но они были для меня именно героями мифов, о которых рассказывают и которыми восхищаются. Героями настолько за пределами существования простых смертных, что, хотя я мог *поверить* в них, но не мог их себе представить. До того мгновения.

Броня космодесантника была уничтожена. Вероятно, это случилось до того, как включилось стазисное поле, потому что обгорелые и разбитые обломки керамики и пластали лежали у ног космодесантника. Он застыл, вытянувшись на пальцах ног, его руки были высоко подняты, рот открыт, а глаза закрыты, и в выражении его лица я сразу узнал религиозный экстаз. Волосы его были золотистыми, и хотя его лицо и тело покрывали шрамы и ожоги, он был воплощением совершенства. Его раны были словно знаки чести, и каждая из них была ступенью к тому вызывающему восторг зрелищу, которое я видел.

В нескольких футах перед космодесантником на полу лежали каменные обломки. Как и броня, они были разбиты, но сохранилось несколько достаточно крупных кусков, чтобы можно было предположить, чем они были. Слишком богато украшенные, чтобы служить какой-то практической цели. Их положение в зале – близко к стене и перед космодесантником – также помогло мне угадать, что это за обломки.

- Это был алтарь, - хриплым голосом произнес я.

Я не отрывал взгляда от космодесантника, мои чувства бушевали, словно прибой на скалах благоговения и стыда. Он был идеалом – и укором мне. Он был воплощенной мечтой воинствующей веры – и моим кошмаром, ибо он являл собой нечто несравненно большее,

чем я когда-либо мог быть. В этом недвижимом воплощении религиозного экстаза я увидел то, чего не хотел видеть – но должен был.

Я отшатнулся от двери. Мне хотелось закрыть глаза, но я не мог. Зрелище застывшего ангела прожгло мою душу. Оно лишило меня даже сил закричать, ибо я узрел постыдную пустошь моего ничтожного эгоистичного существования.

Вы знаете, каково это – хотеть закричать и быть не в силах это сделать? Наверное, знаете. Думаю, что именно это у нас общее. Тогда вы отчасти можете понять, что чувствовал я.

Да, вы правы. Мне еще предстояло пережить это снова.

Да, я все еще был наивен – и это верно. Я имел глупость думать, что это худшее, что могло со мной случиться. Что это самая сильная боль.

Трон Святой, как же я ошибался.

- Что значит вы не выпустите его из стазиса? – спросил я.

Хьюзен успокаивающе поднял руку.

- Ситуация сложная, - сказал он.

Мы были в столовой станции, помещении рядом с мостиком, в котором стоял стол, достаточно большой, чтобы за него могли сесть четыре офицера. Лигейя и Мейсер были в доке Гамма. Хьюзен и Крейн ели переработанные пайки, состоявшие из серого супа и серого куска протеина. Я пришел сюда в поисках Хьюзена после того, что сказал мне Мейсер. Он сумел как-то подключиться к кабелям, питающим стазисное поле, и хотя источник энергии был скрыт где-то в обломках, Мейсер до некоторой степени мог управлять им.

- Значит, вы отключите его? – спросил я.

- Нет, я стабилизирую его, - ответил Мейсер. И когда я начал кричать, он направил меня к Хьюзену, потому что выполнял его приказ.

- Что значит *сложная*? – спросил я Хьюзена. - Нет ничего проще. Это один из ангелов Императора! Наш долг – освободить его.

- Освободить? – повторила Крейн.

- А разве нет?

- Что ты знаешь о физиологии космодесантников? – спросил Хьюзен.

- Ничего. А что?

- А то, что я тоже ничего о ней не знаю. А как думаешь, почему он в стазисе?

- Не знаю, - признался я.

- Да, не знаешь, - усмехнулся Хьюзен. – И никто из нас не знает.

- Это явно не стазис-камера, - сказала Крейн.

Хьюзен кивнул.

- Что еще больше все усложняет. Он попал туда сам, или его поместил в стазис кто-то другой, намеренно или нет? Или это произошло случайно, в результате повреждений корабля? И что случится с ним, если мы отключим поле? Что если он сейчас на грани смерти? Освик, у меня нет ответов ни на один из этих вопросов. Ты готов принять ответственность за его смерть, если мы сделаем неправильный выбор?

Я помедлил и вздохнул.

- Если я должен...

Хьюзен поднял руку, прерывая меня.

- Это был риторический вопрос. Ты не можешь принять ответственность потому, что у

тебя нет полномочий на это. А у меня есть. И я говорю, что ситуация *слишком* сложная.

Я повернулся к Крейн, безмолвно умоляя ее о помощи. Она зачерпнула вилкой желеобразный протеин и покачала головой.

- Но что тогда? – спросил я Хьюзена. – Вы будете держать его там неизвестно сколько?

- Я послал сообщение о нашей находке. Мы будем ждать приказов и не станем делать ничего до их получения.

Я фыркнул. На станции «Лигуриан» не было астропатов. Пройдет несколько дней, прежде чем сообщение Хьюзена по вокс-связи будет получено на Тромосе Прайм. В системе нет орденов космодесанта. Придется послать астропатическое сообщение с Тромоса Прайм, и еще вопрос, знает ли хоть кто-то на планете куда и кому его посылать. А после этого надо ждать ответа, если он вообще когда-нибудь придет. Связь утилизационной станции с остальной системой была медленной и ненадежной. Станция создавалась, чтобы быть самодостаточной, и имела мало необходимости в связи с внешним миром, кроме кораблей поблизости. Пройдут недели, прежде чем мы получим ответ.

- И до тех пор мы не будем ничего делать?

- Нет, - сказал Хьюзен. – До тех пор мы будем работать.

Он многозначительно посмотрел на меня.

- У всех нас здесь много дел.

Я был в каюте Лигейи Роун, сидя рядом с ней на ее койке. Наступил конец смены, на станции прошел полный суточный цикл с момента нашей находки. Со времени моего прибытия это была первая возможность для нас провести несколько часов вместе. Она выключила почти все люмены, и слабый свет, проникавший из ее кабинета, погружал каюту в тусклые сумерки.

Лигейя погладила мою щеку, и я потянулся к ней с такой мучительной страстью, что она это заметила и взяла меня за руку.

- Ты страдаешь, - сказала она.

- Прости, - вздохнул я. – Я все время думаю, что, может быть, мы вместе в последний раз.

- Может быть, - кивнула она. – Но тогда последнее воспоминание об этом не должно быть скорбным.

- Я не хотел, чтобы оно было таким. Но когда я думаю о будущем без тебя, то испытываю только скорбь.

- Ты слишком много думаешь о будущем. Ты забываешь, что все, что у нас действительно есть – это лишь настоящее.

Я снова вздохнул.

- Этого для меня недостаточно.

- Должно быть достаточно. Ты должен смириться с мыслью, что тебе придется улететь.

- Ты говоришь так, словно уже смирилась.

- Едва ли у нас есть выбор, Освик.

Я знал, что она права. Но не хотел принимать это.

- Я хочу бороться за то, что у нас есть, - сказал я. – И хотел бы, чтобы и ты боролась за это.

- Я борюсь за это, - она сжала мою руку. – А ты отворачиваешься.

- Я погружен в жалость к себе, да? Тогда как я должен наслаждаться моментом.

- Да, - сказала она очень тихо. Ее глаза блеснули во мраке, и я понял, что причиняю ей боль.

Я поморщился и уставился в пол.

- Давай представим, - произнесла Лигейя тихим теплым голосом, по звуку которого я уже скучал. – Давай представим, что ты воспользуешься своими семейными связями, чтобы оставить службу миссионера и не понести наказание за это. Давай представим, что такое возможно.

Она помолчала, давая мне возможность обдумать, насколько невероятно то, что она сказала.

- Представим, что ты можешь остаться на Тромосе. И – почему бы и нет – представим даже, что ты сможешь прилететь на «Лигуриан» хотя бы раз в месяц.

Это было почти так же невероятно. Чтобы периодически оплачивать полеты на изолированную станцию на окраине системы, понадобились бы огромные деньги.

Картины, которые рисовало ее воображение, выглядели все более невероятными и нелепыми, хотя все, что она делала – облекала в слова ту надежду, за которую я отчаянно цеплялся.

- Я понимаю тебя, - устало сказал я.

- Я еще не все сказала, самое важное впереди. Ты представил все это?

- Да, - кивнул я.

- Хорошо. Так слушай. И все равно, все, что у нас будет – только настоящее. Будущего нет. Как думаешь, сколько еще я проживу на этой службе?

У меня перехватило дыхание. На этот вопрос я ответить не мог.

Обеими руками она сжала мою руку.

- Я должна жить *сейчас*. Жить только ради настоящего, - сказала она. – У меня нет такой роскоши как будущее.

Это был выбор. Она просила меня выбрать правильный путь. Она показывала мне путь вперед. Все, что мне нужно было делать – следовать ему.

Сейчас я знаю это. И хотя я продолжаю раздумывать над тем моментом из-за того, что случилось после него, я не могу понять, знал ли я это тогда. Я не помню. Я хочу вернуться к себе прежнему и спросить: *ты знал? Знал?*

И еще... я рад, что не могу это сделать.

Знал ли я, что делаю тогда, или нет, но я отказался следовать за ней.

- Жить лишь настоящим для меня недостаточно, - сказал я. – Я хотел бы, чтобы ты боролась за будущее. И верила, что мы достойны этой борьбы.

Она отпустила мою руку и разочарованно сжала кулаки.

- Чего ты хочешь, Освик? Чтобы мы с тобой стали еретиками? Только это удовлетворит тебя? Ты хочешь отбросить *и настоящее и будущее?*

- Мы не будем еретиками.

- Как, ради Трона, ты можешь утверждать это? Мы собираемся нарушить волю Императора! Особенно ты!

- Мы не знаем, какова Его воля.

Некоторое время она молчала.

- Ты окончательно забыл, кто ты есть? – спросила она наконец. Она говорила так тихо, что я едва слышал ее.

- Нет. Хотел бы я знать, в чем Его воля. Но я не знаю. И думаю, что было бы хуже

притворяться, что знаю. Почему Его волей не может быть, чтобы мы с тобой были вместе? Иначе наша встреча не состоялась бы.

Лигейя встала.

- Ты даже не думаешь, о чем ты говоришь. Тогда я спросила тебя, насколько далеко зашли твои сомнения, и ты не ответил мне.

- Я сказал, что хотел бы знать, в чем состоит воля Императора. *Я хочу быть тем, кто знает*, - мои мысли снова вернулись к доку Гамма. – Как знает он.

- Кто?

- Космодесантник.

Она улыбнулась.

- Ты хотел бы поговорить с ним?

- Да.

Ее улыбка померкла.

- О, ты серьезно.

- Вполне. А Хьюзен не хочет выпустить его из стазиса.

- И у него есть на это основания. Мы должны ждать указаний.

- К тому времени, как на ваш запрос ответят, я уже давно должен буду улететь, - сказал я.

- Тогда то, что скажет космодесантник – если он вообще что-то скажет – не для тебя.

Тебе уготована иная судьба.

- Это банальность, Лигейя.

- Нет. Это правда, - теперь она разозлилась. – Ты не можешь получить все желаемое здесь и сейчас.

- Я этого и не ожидаю.

- Неужели? Ты же хочешь, чтобы все было на твоих условиях.

Я встал, тоже разозлившись, потому что знал, что она права.

- Может и так, - сказал я. – Может быть, это и неправильно. Но что насчет тебя? У тебя вообще нет никаких условий? Ты бездумно принимаешь все, что с тобой происходит? *О, смотрите, я потеряла другую руку. Ничего нельзя сделать, чему быть, того не миновать.*

Лигейя с яростью посмотрела на меня.

- Убирайся, - сказала она.

Я должен был извиниться. Ради Трона, я должен был. Но вместо этого я просто вышел из ее каюты.

Еда на станции «Лигуриан» была не слишком аппетитной, хотя и имелась в достаточном количестве. Были и другие предметы снабжения, более важные для поддержания морального духа, чем физического существования. Одним из самых важных грузов любого корабля, доставлявшего снабжение на станцию, был амасек. Я прибыл на «Лигуриан» со своим запасом, зная, что захочу поделиться с Лигейей. Собственно, мы уже воспользовались этим запасом, хотя алкоголь сделал меня еще более мрачным и упрямым. Когда я покинул каюту Лигейи, то зашел в столовую и взял еще одну бутылку.

Я сделал несколько больших глотков прямо на ходу. Преисполненный страдания, убежденный в несправедливости галактики, я хотел, чтобы опьянение послужило мне оправданием пойти туда, куда я уже направлялся. Хотя я дал себе еще один шанс пересмотреть свою позицию. Сначала я пошел в часовню. Это было помещение рядом с

мостиком, больше, чем требовалось для такого маленького экипажа, и единственное место на станции, имевшее украшения, даже позолоту с бронзой. Я подошел к алтарю, глядя в пустые глазницы крылатого черепа. Я был рад, что Хьюзен не слишком настаивал, чтобы я читал проповедь. Мне просто нечего было сказать.

Здесь мне не нашлось утешения.

Не нашел я его и в амасеке. Оставив бутылку рядом с алтарем, я ушел из часовни.

Я направился в док Гамма. Там сервиторы вытаскивали из прорезанного туннеля куски металла и сбрасывали их в мусоросборник. Другие продолжали работать над внешними частями обломка корабля, снимая с них слои металла. Я шел мимо них, обходя островки работы, где сервиторы методично резали огромные металлические кости корабля. Один раз я едва не столкнулся с гусеничным сервитором. Мгновение мы стояли лицом к лицу, и его пустые мертвые глаза смотрели прямо сквозь меня, прежде чем я отскочил с его пути. После этого я вошел в туннель, уверенно шагая, словно у меня было важное дело здесь.

Думаю, у меня действительно было там важное дело. Просто оно представлялось мне слишком расплывчато.

Перед отсеком со стазисным полем тоже были сервиторы. Один из них стоял неподвижно, подключив мехадендрит к пульта управления стазисным полем, который установил Мейсер, чтобы вовремя отреагировать, если состояние стазисного поля внезапно изменится. Еще один сервитор оттаскивал обломки. Я слышал, как поблизости работают другие сервиторы. Они не продолжали углублять туннель, пока экипаж спал, но укрепляли уже прорезанный.

Пройдя мимо неподвижного сервитора, я остановился у входа в отсек, перед самым стазисным полем. Я смотрел на космодесантника, на это неподвижное воплощение абсолютной веры. Он не мог говорить со мной, но я мог говорить с ним.

- Что ты знаешь о сомнениях? – спросил я ангела Императора. – Возможно, ты даже не знаешь, что они существуют. Я знаю истину Бога-Императора. Я верю в нее. Лигейя спросила, насколько глубоко зашли мои сомнения. Они зашли не настолько далеко, чтобы стать ересью. Я сомневаюсь в себе, а не в вере. Я верю в Имперское Кредо. Я...

Мне больно было смотреть на неподвижное лицо, застывшее в религиозном экстазе. Но я не отворачивался.

- Я... думаю, что верю, - произнес я еле слышным шепотом. Эти четыре слова ужаснули меня, едва сорвавшись с моих губ. Мое лицо горело от стыда. В то же время у меня мурашки бежали по коже от того, что я честно высказал столь ужасное сомнение.

Это мгновение прошло, и, глядя в неподвижное лицо ангела, я стал смеяться от облегчения. Высказавшись об одной лишь возможности, что я могу усомниться, я изгнал это сомнение. Нельзя было не верить, когда передо мной было доказательство истины Императора.

- Я верю, - сказал я, и в тот момент эти слова звучали для меня как истина. Легко изгнать сомнение, когда перед тобой чудо. – Но я не чувствую истину так, как должен. Как я могу проповедовать, когда не чувствую ее? Не буду ли я в таком случае как минимум лицемером?

Космодесантник отвечал лишь безмолвным экстазом.

- Это бессмысленные слова для тебя, не так ли? Ты не можешь сомневаться, когда являешься ангелом Императора. Ты – живое доказательство Его божественности. Для тебя нет такой вещи, как лицемерие.

Космодесантник смотрел на источник своего экстаза. Я проследил за его взглядом, но там была лишь пустота.

- Ты чувствуешь истину. Ты *есть* истина. Ты не научишь меня ей? Если я смог почувствовать то, что чувствуешь ты, я буду знать свой путь. Я приму свою судьбу...

Я замолчал, не в силах произнести ложь.

- Нет, - сказал я. – Мы оба знаем, что это не так. Это не то, для чего я был создан. И я не понимаю. Я не понимаю, как Имперское Кредо может быть истиной, но при этом чувствую, что это ложь.

Я почти ожидал, что неподвижный сервитор вдруг оживет и набросится на меня. Застывшее воплощение экстаза словно осуждало меня, и во мне поднялось негодование.

- Я не хотел такой судьбы. Я не просил о ней. Что хорошего в истине, если она приносит мне лишь боль? И если я улечу, что хорошего я сделаю, если буду ненавидеть каждое мгновение своего существования? Если я ненавижу свои обязанности, я принесу больше вреда, чем пользы, исполняя их. Будет лучше отпустить меня, - я помолчал. – Мы оба должны быть свободны.

Я выпрямился, пытаясь создать иллюзию, что я твердо намерен настоять на своем.

- Если ты не можешь научить меня, так не суди! – закричал я, указывая на космодесантника. Мой голос колебался вместе с моей уверенностью, я пытался не отводить взгляда от лица космодесантника, взиравшего, казалось, на нечто божественное. Но гнев мой по-прежнему был силен.

- Тебе легко не сомневаться. Ты вне времени, - я вздохнул. – Твое настоящее вечно, и сомнений в будущем просто не может быть.

Я выплюнул эту фразу с такой горечью, что, казалось, она может растворить камень. Я хотел указать на космодесантника и спросить Лигейю, не хочет ли она быть похожей на него, так держась за настоящее.

- Здесь не за что держаться! – закричал я, обращаясь к отсутствующей женщине и глухому космодесантнику. – Настоящее кончается, едва начавшись. Если нет будущего, то что толку в настоящем?

И снова никакого ответа, лишь этот обвиняющий самодовольный бесконечный экстаз.

Моя голова кружилась от злости и отвращения к себе.

- Сможет ли твоя радость выдержать испытание временем, - прошептал я. – Посмотрим, останешься ли ты столь же безупречным.

Свою боль и сомнения я проецировал на космодесантника. Я уже тогда знал, что делаю. Но боль, которую я чувствовал, была слишком сильна.

Я сделал то, что сделал, из-за боли. Галактика демонстрировала мне, насколько она несправедлива. Кто бы не возмутился? Я всего лишь человек.

Это не был худший выбор, который я сделал. Не был он и самым трудным. Возможно, он должен был бы стать самым трудным, но не стал им. И в действительности я не думаю, что вы бы сделали лучший выбор, если бы оказались на моем месте.

- Ты должен встретить испытание временем, - сказал я космодесантнику.

Я повернулся к пультам управления стазисным полем. Сначала он показался мне сложным, потому что я полный дилетант в том, что касается машин. На нем было много приборов, светившиеся на них руны ничего мне не говорили. Изучив немного громоздкое устройство, я пришел к выводу, что показания приборов не имеют особого значения. Они, вероятно, контролировали стабильность стазисного поля и подключение к источнику

энергии. Два больших зонда-датчика с задней стороны пульта были подключены к кабелю, который открыли сервиторы, прорезав переборку у входа в отсек.

- Это неважно, и это, и это тоже, - прошептал я, глядя на порты для мехадендритов и несколько переключателей, которые, вероятно, должны были передавать команды сервиторам в случае необходимости. Самым важным, похоже, был тяжелый рычаг сбоку. Мейсер должен был использовать что-то, чтобы включить эту машину. И даже если ее включал не этот рычаг, он, несомненно, все равно был нужен для чего-то важного.

И то, для чего он был нужен, значило для меня очень много.

Я повернул его прежде, чем успел передумать.

Руны на приборах вспыхнули красным. Предупреждающе взвыли сирены. Сервитор дернулся, словно получив удар, вырвал мехадендрит из пульта, и пошел вперед, столкнувшись со стазисным полем. Он пытался идти дальше, но словно невидимая стена не пускала его, и сервитор бесцельно топтался на месте.

Из кабеля, питающего стазисное поле, вырвалась синяя молния, ослепительно сверкнув, и я едва успел увернуться. Стазисное поле замигало. Потом кабель взорвался. Его кусок оторвался от стены, словно разъяренная змея, и, ударившись о пульт Мейсера, отбросил его к другой стене туннеля. Из него по разрушенной палубе вырвался ревуший поток энергии, устремившись по туннелю, и погас.

Стазисное поле еще раз мигнуло и отключилось. Взрыв в отсеке, который оно остановило, теперь продолжался. Осколки врезались в стены и с воем пронеслись над моей головой. Обломки алтаря рухнули на палубу. А космодесантник завершил свой акт поклонения.

Его глаза стали еще шире, спина выгнулась, он широко развел руки, словно собираясь обнять саму бесконечность.

- Слава! – вскричал он. Его голос был громовым, потрясающе величественным – и все же *неправильным*. Религиозный восторг, который я видел на его лице, теперь я слышал в его голосе, и он вышел за пределы экстаза, перейдя в безупречное страдание.

- Слава! – воскликнул он снова, и хотя я зажал уши, но не мог заглушить этот ужасный вопль. Мой разум пребывал в слепом смятении. Страх перед Богом-Императором – это правильно, но я не представлял, что общение с божественным может быть так похоже на пытку.

В глазах космодесантника сверкало безумие. Что бы он ни видел – я был рад, что это за пределами моего зрения и понимания. Он снова закричал, и его голос был *неправильным*. Я чувствовал это до самой глубины души.

- Слава! – взревел он. – **Слава, слава, слава Изменяющему Пути!**

И ангел стал превращаться в нечто ужасное.

Космодесантник стал расти. Его конечности, и так огромные, начали утолщаться, пока не стали широкими, словно колонны. Продолжая кричать, он согнулся, и сквозь кожу на его спине вырос ряд шипов. Кровь и черный ихор полились с них, когда они начали расти из его позвоночника. Они начали изгибаться во всех направлениях, и по мере того, как тело космодесантника росло, шипов появлялось все больше. Некоторые были длиной с кинжал. Другие вырастали вдвое длиннее моей руки. Тело космодесантника охватила дрожь, такая сильная, что от нее затряслась палуба. Дрожь началась у основания его шеи и охватила позвоночник, заставив космодесантника опуститься еще ниже, почти сбив его с ног. Когда

дрожь достигла конца позвоночника, из нижней части спины космодесантника с брызгами ихора и плоти вырвался хвост. Он состоял из сегментов, как тело насекомого, и со всех сторон был покрыт рядами шипов. Хвост оканчивался пучком шипов, похожим на кисточку из копий. С них капала зеленая жидкость, с шипением падая на палубу, и там, куда она попадала, появлялись извивающиеся нити, складывавшиеся, казалось, в нечестивые руны.

Голова космодесантника росла вместе с остальным его телом. Его череп становился все выше и длиннее. Глаза стали длинными, словно змеи, в них появилось множество зрачков, веки расплавились, влившись в непрерывно изменяющуюся плоть.

- Слава, слава, слава Изменяющему Пути!

Его молитва звучала все громче, и стены отсека задрожали. Я не знал, как это чудовище поет, как оно произносит слова, потому что его рот больше не был человеческим. Оно выло сразу двумя голосами. Рев бешеного зверя и молитва безумного фанатика. Челюсти открывались шире и шире, пока не разорвались. Из разорванных мышц хлынула черная кровь. Его пасть разделилась на четыре сегмента, каждый из них был длинным, зубастыми чешуйчатым, как у рептилии, и в то же время похожими на мандибулы насекомого. Из пасти чудовища появился язык, покрытый толстой кожей и источавший густую вязкую слизь. Язык был раздвоенным, оба его конца двигались независимо. А в центре, между ними, был еще один рот, с человеческими зубами, и когда огромная пасть редела, этот рот пел молитвы.

Оглушенный этим чудовищным ревом, я попятился назад. Мой рот ошеломленно открывался и закрывался. На моих глазах ангел превратился в ужасное чудовище, в порождение худших кошмаров. Я тщетно искал хоть какой-то поддержки, какого-то утешения. Но помощи не было ниоткуда.

Изменения, происходившие с космодесантником, еще не закончились. Из плеч чудовища выросли новые конечности, каждая состояла из более дюжины сегментов, как у насекомых. В длину они достигали более пятнадцати футов и оканчивались клешнями, по виду способными разорвать «Таурокс». Кожа монстра потемнела, окрасившись в оттенки темно-красного и черного. Она перестала рваться и стала такой толстой, что превратилась в экзоскелет. И хотя она выглядела твердой, как железо, она еще содрогалась, силы перемен продолжали сотрясать тело ужасного существа.

- Слава, слава, слава Изменяющему Пути!

Когда стазисное поле исчезло, в помещение вошел сервитор, оказавшись прямо на пути чудовища. Жуткая тварь повернула свои вытянутые глаза к сервитору, и одной из своих клешней схватила его поперек туловища и подняла в воздух.

Сервитор едва отреагировал на это. Его ноги все еще двигались в воздухе, словно он пытался идти. Подождав мгновение, монстр сжал клешню, перерезав сервитора пополам.

Сервитор не проявил ни боли, ни страха, когда его тело было разрезано надвое. Он просто не был на это способен. Но когда его кости хрустнули, хлынула кровь, и на палубу вывалились внутренности, я осознал тот факт, что это *было* человеческое существо, и если чудовище схватит меня, я также буду превращен в куски разорванного мяса.

Стоя у входа в помещение, я наблюдал страшные перемены, происходившие с космодесантником, и убийство сервитора, находясь в состоянии физического и духовного паралича. Казалось, я парил где-то рядом со своим телом. Невыносимый ужас сковал меня. Я не понимал, что я вижу. Ничто в моем обучении и жизненном опыте не позволяло предположить, что такое возможно в реальности. Все, во что я верил, все, что я считал истинным, рассыпалось перед существованием этого чудовища.

Я верил, что космодесантник был доказательством божественного. Но эта ужасная тварь была его опровержением.

Это страшное, потрясающее чувство сформировалось за время перемен, происходивших с космодесантником, и длившихся, казалось, целую вечность. Но когда искалеченное тело сервитора упало на палубу, я осознал и нечто другое – и стал восстанавливать контроль над своими мыслями и своим телом. Это чудовище было доказательством сверхъестественного. Оно было ужасной мерзостью, противостоявшей истине Императора – но тем самым и подтверждавшей эту истину. Я хотел, чтобы мои сомнения кончились. И вот конец этих сомнений стоял передо мной.

И я был миссионером Адептус Министорум. Я был голосом, возвещавшим словес Императора. Здесь и сейчас, в этом ужасном месте, я был защитником дела Императора. И это через меня Он изгонит эту мерзость из реальности. Моим долгом было действовать.

Это не был момент выбора. Потому что здесь не могло быть никакого выбора.

Инстинктивно я потянулся к поясу – раньше я даже не знал, что обладаю таким инстинктом – и схватил икону Императора, крылатый череп на железном жезле, и воздел его перед собой.

С моих уст сорвались слова, которые раньше звучали бы фальшиво, потому что лишь сейчас я понял, чему должны противостоять эти слова.

- Во имя Императора человечества, нашего Отца, нашего Защитника и нашего Бога изыди, чудовище!

Монстр поднял голову. Его нечестивые глаза с любопытством воззрились на меня. Клешни щелкали в воздухе. Рот на раздвоенном языке прекратил свое пение и замер, капая слюной.

Я шагнул вперед и протянул руку к чудовищу, крепко сжимая икону, уже скользкую от пота.

- Возвращайся в то нечестивое место, откуда ты явилось, - произнес я. – Я отвергаю тебя, я изгоняю тебя! Да не увидит тебя око человека, да не услышит тебя ухо человека, да не убоится тебя сердце человека! Изыди!

Даже охваченный ужасом, я ощутил прилив гордости от того, что нашел в себе силы стать защитником дела Императора. И впервые я ощутил настоящий религиозный экстаз. Тот божественный восторг, который я видел в лице космодесантника, теперь воссиял во мне, ибо я чувствовал, что рука Императора ведет меня. Я чувствовал, что воля Его вершится через меня. Мне дано будет узреть божественную милость и гнев Императора, когда Он изгонит это чудовище из реальности.

И... ничего не произошло.

Чудовище направилось ко мне, его шипы оцетинились, клешни щелкали в воздухе. Одна из этих огромных клешней схватила верхнюю половину сервитора. Оторвав его голову, монстр швырнул остальное на палубу и облизал языком голову сервитора, покрывая ее липкой слюной. Плоть сервитора стекла с черепа, превратившись в густой розоватый суп. Чудовище подняло череп перед собой, словно передразнивая меня. Язык его втянулся в огромную пасть, потом снова высунулся, и вместе с триумфальным ревом снова зазвучала ужасная молитва.

- Слава, слава, слава Изменяющему Пути!

Император покинул меня. И чудовище направилось ко мне. Оно запустило в меня черепом сервитора, который разбился о стену над моим плечом. Покинутый и отчаявшийся,

более скользким. В панике я метнулся в сторону, но споткнулся и упал, и, рыдая, пополз по полу, двигаясь с неуклюжей медлительностью, как в кошмаре.

Обломок промчался менее чем в ярде от моих ног и столкнулся с другой частью корпуса, над которой работали сервиторы. Опорные конструкции рухнули, и огромные шпангоуты корпуса опрокинулись. Целый лес железа и адамантия обрушился на палубу, размазывая сервиторов, от удара сотрясся весь док. Покалеченные сервиторы бились в агонии, размахивая своими плазменными резаками. Плазменный луч прожег воздух прямо над моей головой.

Чудовище шагало сквозь устроенные им разрушения, продолжая распевать свою ужасную литанию, его клешни хватали сервиторов, словно повинуюсь рефлексу. Тварь даже не смотрела на них, раздавливая их черепа и отрезая клешнями ноги. Его когтистые руки хватали все, до чего оно могло дотянуться, и швыряли металл и плоть по всему доку. Сервитор, пролетев надо мной, врезался в стену над мусоросборником. Страшный удар раздробил его кости, и сервитор мягким мешком плоти свалился в открытую пасть мусоросборника.

Хьюзен помог мне подняться на ноги.

- Беги! – закричал он, толкнув меня в направлении дверей.

Шатаясь, я бросился вперед, мои ноги пытались вспомнить, как бегать. Между нами оказался гусеничный сервитор, направлявшийся к обломкам. Его плазменный резак был включен в готовности прорезать путь сквозь массу металла. Я замер, глядя на плазменный резак. Если бы только можно было использовать его...

- Чего ты ждешь? – закричал Хьюзен. – Беги, дурак!

Чудовище вцепилось своими четырьмя челюстями в грудь сервитора и вырвало его сердце. Сервитор умер без звука, тварь взревела, разъярившись из-за такого отсутствия реакции, и повернулась к нам.

- **СЛАВА ИЗМЕНЯЮЩЕМУ ПУТИ!** – завопил рот на языке, и монстр двинулся к нам. Его длинные глаза, похожие на змей, устремили взгляд на меня.

Я не мог двинуться с места. Этот взгляд был совершенно безумным, но при этом светился неким ужасным знанием. Чудовище смотрело в самые глубины моей души. Оно обещало дать мне истины, которые заставят меня присоединиться к его безумию.

- Беги! – снова крикнул Хьюзен.

Я не мог двинуться.

Чудовище направилось к нам. Хьюзен выругался и прыгнул на спину гусеничного сервитора. Схватив руку сервитора с плазменным резаком, Хьюзен направил его на монстра. Плазменный луч рассек плечо твари и отрезал правую клешню. Из раны хлынул черный ихор, заливая сервитора. Чудовище взвыло от боли и отступило на шаг назад. Сервитор забился в агонии, его кожа плавилась от обжигающего ихора.

Капли жгучей жидкости попали на Хьюзена. От его руки пошел дым, Хьюзен завопил, но смог еще раз ударить плазменным резаком, разрубив по диагонали туловище монстра. Из раны поползли извивающиеся щупальца, а из разрубленного плеча начало расти множество глаз, пока из плеча не вылезла целая гора плоти, на ее вершине был единственный огромный глаз. Он продолжал расти, словно был чудовищной опухолью. В этой горе плоти открылась вертикальная трещина, превратившаяся в еще одну огромную пасть, полную сотен острых, словно иглы, зубов длиной в мою руку.

И эта пасть запела новым голосом:

- СЛАВА ИЗМЕНЯЮЩЕМУ ПУТИ!

Другая клешня схватила Хьюзена поперек груди и подняла его вверх. Чудовище держало его, поворачивая голову, словно птица, и рассматривая Хьюзена одним из своих длинных глаз. Из огромной пасти высунулся язык, охватив голову сквата и заглушив его крики.

- Ахххххх! - выдохнуло чудовище, словно искало именно его.

Язык скользнул обратно в пасть, оставив Хьюзена покрытым толстым слоем едкой слюны. Сквак вопил и извивался. Чудовище поднесло его к своей пасти на плече. Ряды зубов лязгнули и сомкнулись, вцепившись в грудь и лицо Хьюзена. Его руки конвульсивно вытянулись в агонии. Я услышал треск – монстр откусил переднюю половину черепа, и руки Хьюзена обмякли.

Тварь пожирала его. Я бы сказал, она *смаковала* его. Откусив первые два куса, пасть стала пережевывать и глотать. Монстр понемногу втягивал Хьюзена в пасть. Тело сквата повисло, став слишком мягким. Его руки стали неестественно гибкими, словно кости в них превратились в жилы. Тело его стало съеживаться, чудовище будто выпивало из него плоть. Оно прижало Хьюзена к горе плоти на плече, и кожа сквата стала словно сплавляться с экзоскелетом твари. Чем больше монстр проглатывал, тем больше Хьюзен становился частью ужасного тела.

Я попятился, отступая от этого кошмара, но был не в силах отвернуться. Я хотел бежать. Хотел не допустить, чтобы самопожертвование Хьюзена было напрасным. Но это зрелище удерживало меня.

Вы думаете, что смогли бы убежать. Но я считаю, что вы ошибаетесь. То, что я видел, было самым ужасным еретическим кошмаром, воплощенным в реальность. Я могу рассказать вам, что я видел. Я могу описать это. Но я не могу дать вам опыт переживания этого. Если ваша вера сильна, она оградит вас от истинного смысла того, что я видел. Вы не примете это, ибо принятие этого разобьет вашу веру. Вы можете сказать, что верите в то, о чем я рассказываю. Возможно, вы думаете, что верите. Но в самой глубине души вы не верите. Не можете верить. Если бы вы были там, вы бы поняли, потому что тоже застыли бы на месте.

Хьюзен не застыл и пытался реагировать. Да, он не был священником Экклезиархии. Он не мог полностью понять то, что он видит.

Чудовище закончило пожирать Хьюзена. Оно поглотило его тело полностью, но какая-то часть его осталась. В непрерывно двигавшемся экзоскелете на груди монстра, ниже его правого плеча, я видел лицо Хьюзена. Точнее, тень его лица, подобная мемориальному оттиску. Его рот был открыт от боли, глаза расширены от ужаса. Это был образ его души, попавшей в ловушку в теле твари Хаоса.

- СЛАВА ПЕРЕМЕНАМ! – взвыли три голоса монстра.

Наконец, ужасный паралич, сковавший меня, рассеялся, и я бросился бежать.

- СЛАВА ПЕРЕМЕНАМ! – взревело чудовище.

Я завопил, пытаясь заглушить эту нечестивую молитву. Тварь выла и редела, и издавала жуткие булькающие звуки, которые, вероятно, были смехом. Я слышал, как она снова направилась вперед, но теперь я бежал, лавируя между грудями обломков. Отчаянный ужас, ранее приковавший меня к месту, теперь словно окрылял меня. Позади слышался грохот разбрасываемых обломков, но путь к дверям из дока был свободен.

С другой стороны дверей появился Мейсер, держа руку на пульте управления и готовясь запереть двери. Жестами он требовал, чтобы я бежал быстрее. Потом он с ужасом посмотрел

мимо меня, и топот тяжелых шагов монстра зазвучал ближе. Я перестал вопить, делая глубокие вдохи, собирая последние оставшиеся силы, чтобы успеть добежать до дверей. Мейсер что-то кричал мне, но я не слышал его из-за крови, стучавшей в моих ушах и грохота шагов чудовища.

Когда я был у дверей, Мейсер ударил рукой по кнопке. Я рванулся вперед. Первая дверь с лязгом опустилась в паре дюймов позади меня. Я упал и перекатился под второй дверью. На мгновение мелькнула опускавшаяся на меня стена металла, и я был уже за дверями. Задыхаясь, я лежал на палубе, все еще вибрировавшей от аварийного закрытия дока.

Чудовище ударило в двери. Я затаил дыхание, ожидая, что сейчас оно разорвет одну дверь, потом другую. Но этого не произошло. Звуки ударов оставались приглушенными, и рев ужасной молитвы был едва слышен за шумом сирен.

Лигейя и Крейн бежали к нам по коридору. Прошло едва несколько минут с того времени, как я отключил стазисное поле.

- Что это за существо? – спросил Мейсер бесцветным, надломленным голосом.

- Ложь, - прошептал я. – Это создание лжи.

Я должен был сказать себе это.

- Оно сожрало Хьюзена, - произнес Мейсер.

- Есть какая-то возможность... - начала Лигейя.

- Нет, - сказал я, проглотив комок в горле. – Он спас мне жизнь.

Мейсер и Крейн воззрились на меня с неприкрытой ненавистью.

Все мы вчетвером повернулись к дверям, прислушиваясь к приглушенным ударам и реву трех голосов. Слова невозможно было различить, но этот звук сам по себе был страшен, вызывая тревогу на духовном уровне.

- Что это за тварь? – спросила Лигейя.

Ответа, который я дал Мейсеру, было недостаточно. Это была трусливая уловка, и я не стал прибегать к ней.

- Не знаю, - вздохнул я. – Это был космодесантник.

- Он изменился в стазисе? – недоверчиво спросила Крейн.

- Нет, - я покачал головой, отвернувшись от их взглядов, и посмотрел на свои руки. Я почти видел кровь Хьюзена на них.

- Что ты сделал? – спросила Лигейя.

- То, что я считал правильным. Но я ошибался...

Я посмотрел на нее, и увидел в ее глазах холод и осуждение. Я проглотил застрявший в горле комок боли.

«Император милостивый, дай мне шанс искупить мою ошибку».

Я не ожидал, что *кто-то* ответит на мою молитву.

Пикт-экран рядом с дверями показывал застывшее изображение чудовища. Крейн с ужасом посмотрела на него.

- Это какая-то мутация? – спросила она.

Я мог просто кивнуть. Я мог не сказать ничего. Этого было бы достаточно. Но я больше не мог нести бремя истины один.

- Нет, - ответил я. – Это нечто худшее.

К моему облегчению Мейсер кивнул. Он видел и слышал *это*, и значит, знал больше, чем хотелось бы.

- Я слышал, как оно молится, - сказал он.

- Оно *молится*? – глаза Крейн расширились от изумления.

- Не Императору. *Чему-то* другому.

- Оно произносило имя, - сказал я. – Что-то вроде *Тзинч*.

- Что это значит? – спросила Лигейя.

- Не знаю.

- О нем никогда не упоминалось в твоём религиозном обучении?

- Нет. Но что бы это ни было, похоже, оно отвечает на молитвы.

БУМ, БУМ, БУМ с другой стороны дверей. Непрерывно, неустанно.

- Как думаешь, двери выдержат? – спросила Лигейя Мейсера.

- Хотел бы я быть уверенным, - поморщился он.

- Они достаточно крепки, чтобы мы могли доверить им свои жизни? – спросила Крейн.

- Я бы не стал доверять им свою жизнь, - сказал я.

- Тогда мы укрепим их, - предложила Лигейя. – В доке Дельта достаточно обломков, чтобы заполнить весь коридор.

- Надо уничтожить эту тварь, - сказал я.

- Не сомневаюсь, - хмыкнула Лигейя. – Ты знаешь, как это сделать?

Я покачал головой.

- Тогда давай сосредоточимся на том, чтобы не позволить ей добраться до нас.

Остальные согласились, и они приступили к выполнению этой задачи. Работа продвигалась быстро. Лигейя Роун перенаправила сервиторов из дока Дельта, и ее армия киборгов понесла тонны обломков от разбираемого лихтера в коридор, ведущий к доку Гамма. Пока вереницы гусеничных сервиторов тащили куски металла, другие начали собирать в коридоре баррикаду, ее сооружением руководили Мейсер и Крейн. Я смотрел, как перед дверями в док растёт огромная стена металла.

Я никак не мог помочь в этой работе, и просто бесполезно стоял в стороне, чувствуя стыд и пытаясь противостоять охватившему меня ужасу. Глядя на пикт-экран рядом с дверями, я видел, что чудовище все еще пытается пробить их, и был рад, что шум работы сервиторов заглушает звуки ударов и страшный рев этой нечестивой молитвы. Ужасный вид чудовища не давал мне покоя. Такая тварь была просто за пределами понимания человека. Ее существование было словно раковая опухоль на самой реальности. Когда я отворачивался от экрана, то ненадолго мог попытаться представить себе, что чудовища там нет. Эти попытки были слабостью и глупостью с моей стороны, но без них я бы от ужаса просто забыл как дышать.

Экипаж и сервиторы работали, пока баррикада не выросла от палубы до потолка и протянулась на половину коридора, оцетинившись острыми металлическими зубьями. При этом обломки в ней были сложены так плотно, что я не смог бы просунуть палец между сваренными кусками металла. Трудно было представить, что кто-то смог бы преодолеть такое препятствие.

Когда работа была завершена, Лигейя снова изменила задачу сервиторов. Они выстроились в два ряда полукругом перед баррикадой, их плазменные резаки были выключены, но готовы были снова включиться, если бы *что-то* вышло из дока.

- Этой твари можно причинить вред? – спросила Крейн.

- Хьюзен ранил ее, - сказал я. – Она быстро восстановилась, но завопила, когда плазменный резак обжег ее.

- Ну, хоть что-то, - вздохнула Лигейя.

Я повернулся, глядя на ряды неподвижных сервиторов.

- Они действительно могут сражаться? – спросил я Лигейю.

- Они не сражаются. Они просто будут пытаться разрезать любой движущийся обломок

– именно так они теперь воспринимают это существо.

Даже сквозь огромную стену металла мы все еще слышали удары по дверям.

- Этого может оказаться недостаточно, - сказал я.

- Это лишь начало, - ответила Лигейя.

Мы ушли из кольцевого коридора, ведущего к докам, и вернулись на мостик. Там было больше пикт-экранов, на которых выводились данные съемки с других камер, что позволяло нам лучше оценить обстановку в доке Гамма. По крайней мере, мы были достаточно далеко, чтобы не слышать чудовище. Станция казалась надежной, ее двери и стены прочными. Не слыша больше этих жутких криков, разъедающих душу, я почувствовал себя лучше, словно мы укрылись в надежной крепости и могли теперь подготовить настоящую контратаку. Я видел, что решимость остальных тоже окрепла. Разница была только в том, что я не слишком доверял своей новообретенной смелости.

- Освик прав, - сказала Лигейя, глядя на силуэт чудовища на экране. – Запереть там эту тварь недостаточно. Мы должны уничтожить ее.

- Сможем ли мы ее уничтожить? – спросил я. Этот вопрос следовало задать. Я уже не беспокоился о том, как остальные смотрят на меня. Вред уже был нанесен.

- Если ее можно ранить, то можно и убить, - сказал Мейсер.

- Возможно, - ответил я. – Но справимся ли мы? Не лучше ли будет покинуть станцию и подождать, пока военные придут на помощь?

Я знал, что мы не можем ждать на борту станции. Неизвестно, сколько недель или месяцев пройдет, прежде чем кто-нибудь откликнется на наш сигнал о помощи.

- Покинуть станцию? – Лигейя закатила глаза. Остальные двое офицеров только мрачно усмехнулись. – И как ты предлагаешь это сделать?

- Разве мы не сможем улететь на буксире?

- Он одноместный, - сказала Крейн.

- Тогда спасательная капсула.

Она помещалась в блистере на внешнем корпусе, рядом со стыковочным узлом буксира. Но мое предложение вызвало только новые мрачные усмешки.

- Я-то думала, ты понимаешь, что это за станция, - вздохнула Лигейя.

- Что ты имеешь в виду?

- Конструкция этой станции старше, чем современный способ ее использования, - пояснила она. – Спасательная капсула – реликт тех времен, когда утилизационные станции еще располагались на орбитах обитаемых миров. Капсула служит только для того, чтобы доставить экипаж на поверхность планеты. На ней нет ни маневровых двигателей, ни системы управления. Только запас продовольствия на два дня для четырех человек.

- Мы сможем растянуть запас. Через восемь дней сюда придет «Огонь Дисциплины», чтобы забрать меня.

- А как ты собираешься растянуть кислород? – спросила Крейн.

- Ох... - только и сказал я. Теперь я начал понимать, что значит в действительности быть расходным материалом. Это было еще хуже, чем на поле боя. Экипаж станции «Лигуриан» с самого начала был списан в расход.

- Мы уже послали сигнал бедствия?

- Я сейчас пошлю, - сказала Крейн, повернувшись к вокс-передатчику. – Но не слишком надейся на прибытие помощи. Сигнал бедствия с утилизационной станции – это сигнал для всех кораблей держаться как можно дальше от нее.

- Что насчет колонизационного корабля? – я был готов схватиться за самую призрачную надежду. Настолько сильно мне хотелось как можно скорее покинуть станцию.

- «Ветер Веры» едва мог летать, когда его пригнали сюда, - сказала Лигейя. – Мы уже работали на нем. Я буду очень удивлена, если мы сможем хотя бы запустить его двигатели.

- Но ты сможешь их запустить?

Она и Мейсер переглянулись.

- Только если не будет другого выбора... - сказала она наконец.

- Почему мы говорим о том, чтобы покинуть станцию? – спросила Крейн. – Если мы можем уничтожить эту тварь, то должны ее уничтожить.

- Как? – спросил я. – Мы можем приказать сервиторам в доке атаковать ее?

- Только если переназначить им задачу, - сказала Лигейя. – А я не могу это сделать без доступа к ним.

- Это значит, что ты должна быть внутри дока.

- Именно так.

- Значит, - сказал Мейсер, - мы должны убить ее, не открывая дверь в док.

- Разгерметизировать док, - предложила Крейн.

Мейсер кивнул и начал работать с переключателями. На консоли вспыхнули предупреждающие руны.

«Пусть это окажется просто», молился я. *«Император, пусть это окажется просто. Пусть последствия моего греха закончатся здесь»*. На моих руках была кровь Хьюзена. Я бы многое отдал, чтобы избавиться от терзавшего меня ужаса, чтобы моим бременем осталось только чувство вины.

Прежде чем выпустить обломок корабля, Мейсер открыл внешние ворота дока. Гневно взвыли сирены, предупреждая об угрозе, которой подвергалась станция. Мейсер отключил все протоколы безопасности и отцепил когти, державшие обломок. Эта команда передавалась большим железным рычагом, который Мейсеру пришлось поворачивать обеими руками – окончательное подтверждение команды, которую нельзя отменить.

Станция содрогнулась, когда герметизация была нарушена, и когти, державшие обломок корабля, отпустили его. Я отвернулся от пикт-экранов, глядя в иллюминатор. Обломок корабля космодесантника медленно дрейфовал, удаляясь от дока Гамма. Облако замерзшего водяного пара, вырвавшегося из дока, окружало разомкнувшиеся когти. В тишине и с такого расстояния казалось, что не происходит ничего страшного, а станция и обломок судна просто расходятся, словно два партнера после танца. Но сирены выли, и палуба вибрировала от напряжения. А потом я увидел, что в доке Гамма *стало* происходить страшное. Вслед за паром из дока с потоком воздуха стали вырываться обломки, и с ними крошечные силуэты сервиторов. Сотни их вылетали в пустоту, извиваясь в агонии, пытаясь дышать в вакууме. Буря вырвавшегося воздуха бросала их прямо на улетающий обломок корабля. Расстояние между ним и станцией увеличивалось по мере того, как станция медленно вращалась. Затаив дыхание, я наблюдал, ожидая, что сейчас обломок судна внезапно развернется и врежется в станцию. Но на нем не было самоубийц. На нем вообще никого не было. Это был просто мертвый кусок металла, улетающий все дальше и дальше от станции, исчезая в вечной тьме

космоса.

Мой страх был не обоснован, но и надежда не оправдалась. Я не видел силуэт чудовища среди сервиторов.

- Оно не двинулось, - произнесла Крейн, в ее голосе звучали изумление и страх.

Я посмотрел на пикт-экраны. На всех них было то же самое: в доке не осталось сервиторов и легких обломков. Но чудовище на каждом экране осталось в прежнем положении. Когда потоком воздуха его потянуло к воротам, оно пригнулось и вцепилось в мостки.

- Оно стало крупнее, чем было? – спросил Мейсер.

- Похоже, оно раздулось, - подтвердил я.

Было видно, что спина чудовища действительно раздулась, превратившись в покрытый шипами купол.

Поток воздуха уменьшился, потом прекратился. В доке Гамма не осталось атмосферы. Монстр на пикт-экранах не двигался.

- Есть вероятность, что оно мертво? – спросила Крейн.

- Оно все еще стоит, - сказала Лигейя. – Значит, лучше не надеяться, что оно мертво.

Мейсер снова потянулся к консоли.

- Я не хочу оставлять ворота дока открытыми, - сказал он. – Есть опасность разгерметизации других отсеков.

Лигейя кивнула.

- Открыт док или закрыт, теперь уже без разницы, так?

- Да, - Мейсер нажал несколько переключателей, и ворота дока закрылись. – Я отключил подачу воздуха в док.

- И что теперь? – спросила Крейн. – Как мы избавимся от него?

- Проведем ампутацию, - тихо сказала Лигейя.

Мейсер изумленно посмотрел на нее.

- Ты предлагаешь отрезать часть станции?

- Это возможно?

- Не уверен, - Мейсер подошел к пикт-столу в центре мостика и вывел на него гололитическую карту станции. Мы встали вокруг стола и ждали, пока Мейсер рассматривал силуэт станции.

- Я не техножрец, - сказал он. – Мы сильно рискуем, не зная соответствующих ритуалов.

- Но? – подбодрила его Лигейя.

- Но системы жизнеобеспечения сосредоточены в центральном модуле станции. Доки снабжаются вентиляцией и электроэнергией из центрального модуля и мало сообщаются между собой, - он черкнул пальцем на гололитической карте, и за его пальцем протянулась красная линия, изолируя док Гамма. – Что нам нужно сделать – это отрезать док. Нам не придется ничего перенаправлять. Мы уже отключили подачу кислорода. Я отключу и электроэнергию, когда нам не нужно будет наблюдать, что происходит внутри дока.

- Нам придется действовать осторожно, но мы справимся, - сказала Лигейя.

- Ты так говоришь, будто это просто, - возразил я.

- Это не просто, - заметила Крейн.

- Это то, что мы делаем, - сказала Лигейя. – Разрезаем на металл корабли. В этот раз мы просто отрежем кусок от своего корабля.

- А если этот кусок столкнется с остальной частью станции? – страх, который я

испытывал ранее, теперь казался куда более обоснованным.

- Подрывные заряды, - Лигейя склонилась над гололитическим изображением станции, рассчитывая. – Если мы разместим их в правильных точках, их взрывы направят док в безопасном направлении от станции.

- Я рассчитаю траекторию, - сказала Крейн.

Лигейя взглянула на пикт-экраны.

- Монстр все еще не двигается, - сказала она. – Мы не убили его, но, вероятно, вакуум его обездвижил. У нас есть шанс. Давайте используем его.

Крейн и Мейсер подошли к когитаторам и приступили к своим расчетам. Лигейя направилась к выходу с мостика. Ей предстояло подготовить к работе сервиторов в других доках.

- Чем я могу помочь? – спросил я ее.

Остановившись, она обернулась ко мне, ее лицо было бесстрастным.

- Следи за нашим противником, - сказала она. – Дай нам знать, если он начнет двигаться.

- Если я могу еще что-то сделать... - начал я.

- Ты уже достаточно сделал, - сказала она, и ушла с мостика.

Работа началась. Я делал то, что мне сказали, и больше ничего. Да я и не мог ничего больше сделать. От меня было меньше пользы, чем от сервитора. Я не мог даже читать им проповедь. Я не мог укрепить их храбрость. Думаю, они не захотели бы слушать что я говорю, и не потому, что их вера слаба. А потому, что им пришлось бы слушать глупца и лицемера.

Лигейя Роун, Мейсер и Крейн начали процесс демонтажа части станции. Они работали с той же целеустремленностью, что и при разборке кораблей. Было очень мало разницы между работой, которой они зарабатывали на жизнь, и работой, которую они выполняли сейчас чтобы выжить. В том и другом случае ошибка могла означать катастрофу. Я хотел, чтобы они работали быстрее, но не хотел погибнуть в результате несчастного случая, и поэтому не говорил ничего, доверяя их опыту и держа свои мысли при себе. Первое, что сделал Мейсер – снял несколько плазменных резаков с сервиторов и сложил их на мостике, как оружие на крайний случай. Я не верил, что ими можно убить это чудовище. Хотя они могли его ранить. По крайней мере, их наличие на мостике немного придавало мне уверенности.

Я не лез в работу экипажа и смотрел на пикт-экраны. Проходил час за часом, но чудовище не двигалось. Я предположил, что оно сохраняет кислород в своей раздувшейся спине, хотя я не мог представить как именно или насколько ему хватит этого для дыхания. Эти догадки были бессмысленны – как и все, что я делал.

А еще я молился. Я молился, глядя на чудовище. Молился во время коротких периодов отдыха, когда меня сменял кто-то из экипажа. Я молился об указании, о силе, об искуплении. И я молился о знаке – хоть каком-то знаке, который Император послал бы мне, чтобы показать, что Он не отвернулся от меня.

Или хуже того. Мой величайший страх, что я обращаюсь со своими молитвами к пустоте, угрожал превратиться в нечто более ужасное – в убеждение. Я не хотел, чтобы это случилось. Я говорил себе, что лишь моя слабость повела меня по этому пути.

Я слишком долго оставался наедине со своими мыслями. Я завидовал остальным. Они

были заняты работой. Все их мысли были сосредоточены на выполнении задачи. В их разуме не было места сомнениям, и они не испытывали чувства вины.

С другими я разговаривал мало, и это не приносило мне утешения. Они только спрашивали о состоянии чудовища, и мой ответ всегда был один и тот же. Оно не двигалось. Только один раз, когда Мейсер проходил мимо, я попытался вовлечь его в более длительный разговор.

- Дверь в док Гамма тщательно забаррикадирована, - сказал я. - А что насчет стен? Думаешь, они достаточно прочны?

- Если нет, то мы об этом узнаем.

- Но мы можем сделать что-то еще?

- Мы уже делаем. Оно не сможет пробить стены, если его не будет на станции.

Он говорил без сарказма. Но я все равно почувствовал упрек. Когда речь шла о технических реалиях нашей ситуации, я не мог предложить ничего, что уже не обдумали бы члены экипажа. Это была их сфера, не моя. Моей сферой должна была быть духовная угроза, но здесь я пренебрег своим долгом.

Лигейя, Крейн и Мейсер работали, не щадя себя, но задача, которая стояла перед ними, была трудной. Ее выполнение заняло много времени, и им потребовался отдых. Когда они разрезали обшивку корпуса в коридоре почти на половину толщины, наступил момент, когда Крейн сменила меня на мостике, а Лигейя устало побрела в свою каюту, чтобы хоть немного отдохнуть. Я последовал за ней. Если бы меня спросили, чего я надеялся добиться, я бы не смог ответить. Мы с ней обменялись лишь несколькими словами с того времени, как я освободил чудовище, и я больше не мог выдержать, чтобы так продолжалось и дальше. Я не представлял, как смогу улучшить наши отношения, но мной двигала жажда искупить свою вину. И Лигейя могла помочь мне в этом. Знак от нее был бы для меня словно благословение Императора.

Лигейя рухнула на свою койку, когда я подошел к двери ее каюты. Увидев меня, она простонала:

- Уходи, Освик. Дай мне поспать.

- Я просто хотел снова спросить, могу я еще хоть что-то сделать. Хоть чем-то помочь.

- Ты уже достаточно сделал. Хьюзен погиб из-за тебя.

Она справедливо осуждала меня. Я кивнул и повернулся, чтобы уйти. Но прежде чем я успел удалиться, Лигейя села на койке.

- Подожди, - сказала она. - Я должна знать. Зачем ты это сделал?

- Я думал, что это будет правильно.

- Правда?

- Да, - упрямо ответил я.

- И почему же ты думал, что это будет правильно?

- Я... он был ангелом Императора. Неправильно было оставить его застывшим в стазисе. Мы... я имею в виду... я хотел...

Я тщетно пытался найти ответ, который дал бы мне отпущение грехов в ее глазах. Но ответа не было. Я отчаянно искал что-то, что могло бы сойти за истину, но истина была такова, что я не осмеливался принять ее. Мои усилия мне самому казались жалкими. Глаза Лигейи стали еще холоднее.

И она поставила меня перед истиной, которой я пытался избежать.

- Ты сделал это потому, что разозлился на меня? - сказала она. - Неужели ты мог

оказаться таким глупцом?

Она ожидала, что я опровергну это, докажу, что мной двигало нечто большее, чем уязвленные чувства.

Сначала я молчал. Я не мог смотреть на нее и уставился в пол.

- Да, - признался я наконец. – Но не только из-за этого.

И это была правда. Мной двигали прежде всего мои сомнения.

- Космодесантник обладал религиозной убежденностью. А я нуждался в ней.

- И ты обрел ее? – она превратила этот вопрос в обвинение.

- Это чудовище молится, - тихо произнес я. – Оно убеждено в своем боге. И его бог благословляет его.

- О чем ты говоришь?! – в ужасе прошептала Лигейя.

- Я не знаю. Только о том, что я видел, - я тяжело вздохнул. – Я пытался противостоять чудовищу с иконой Императора. Пытался изгнать тварь именем Его. И не смог. Икона никак не помогла.

- Возможно, это мутация, - предположила Лигейя. – И не более того.

- Нет. Ты сама знаешь, что это не так.

Она не стала меня опровергать.

- Значит, твоя вера слишком слаба.

- Да, - сказал я. Это был наименее болезненный из ответов. Одна лишь мысль об альтернативе ему грызла мое сердце, словно раковая опухоль. – Это лишь доказывает то, о чем я говорил тебе все время. Я не подхожу для того, чтобы быть священником. Я был подвергнут испытанию и не выдержал его. Во всех смыслах.

- И чего ты хочешь от меня?

- Я уже сказал. Помочь. Мне нужно вернуться назад, Лигейя. Мне нужно искупить вину.

Она вздохнула.

- Твои нужды сейчас не самые первые в моем списке.

Рев сирены избавил меня от необходимости отвечать. Это был сигнал тревоги от Крейн. Лигейя вскочила с койки и, пробежав мимо меня, помчалась на мостик, прежде чем я успел сделать пару шагов. Я побежал за ней и достиг мостика, опередив Мейсера.

- Что случилось? – спросила Лигейя.

Крейн указала на пикт-экран.

- Оно исчезло.

Мы собрались вокруг экрана. Участок дока, который он показывал, был пуст.

- Ты видела, куда оно направилось? – спросил Мейсер.

- Нет. Оно исчезло между кадрами.

- Как же быстро оно может двигаться? – удивилась Лигейя. Между сменой кадров проходила едва секунда.

- Так где же оно? – спросил Мейсер, переходя от одного экрана к другому. Ряд пикт-экранов давал обзор всего пространства дока Гамма. Чудовища нигде не было видно.

На мостике повисла беспомощная тишина. Мы застыли, словно статуи, каждый из нас ожидал, что кто-то другой возьмет на себя инициативу, найдет решение, скажет нам, что надо делать. Мы готовились к тому, что монстр снова будет пытаться пробить двери. И хотя мы не знали что делать, если он вырвется из дока, но придумали план, как избавиться от него – вместе с доком. Мы считали, что у нас хватит на это времени. Мы ожидали, что тварь снова начнет двигаться. Но к ее исчезновению мы не были готовы.

- Как близки мы были к тому, чтобы отрезать док Гамма? – спросил я.

- Какая теперь разница? – поморщилась Крейн. – Если оно пропало, что толку отрезать док?

- А что если оно еще там, прячется под обломками?

- Зачем ему прятаться?

- Чтобы обмануть нас. Может быть, оно знает, что мы пытаемся сделать.

- Если оно еще там, мы найдем его, - сказал Мейсер. Поработав с консолью, он остановил съемку пикт-камер и вывел на экран ранее снятые кадры. - Оно не могло спрятаться, не переместив обломки. Ищите разницу в положении обломков на новых кадрах и тех, что сняты раньше.

Мы стали изучать экраны. Эту задачу сильно затруднял беспорядок, оставшийся после разгерметизации дока. Тяжелые обломки не были выброшены потоком воздуха в пустоту, но почти все мостки рухнули, и палуба была усеяна массой деформированного металла и оборудования. Нам пришлось осматривать каждый квадратный фут дока. Но Мейсер был прав. Если в положении обломков было какое-то изменение, мы должны были его заметить.

Никаких изменений не было.

- Оно не вышло через дверь, - в ярости прошипел Мейсер. – Оно не пробилось сквозь стены. Так где же оно?

Я вернулся к первому экрану и выбрал последний кадр с чудовищем, а потом первый кадр с его отсутствием. Я хотел найти что-то, что мы могли упустить. Но ничего такого не было. Вот монстр в кадре, а вот его уже нет, словно он просто исчез во мгновение ока. Я переключался то на один кадр, то на другой, не желая смириться с невозможным. И наконец я увидел это.

- Что это? – спросил я.

На первом кадре, где чудовища не было, на палубе был виден прямоугольный кусок металла с решетчатой поверхностью. На более ранних кадрах – там, где монстр еще присутствовал – этого обломка не было.

Мейсер взглянул на экран.

- Это решетка вентиляционной шахты, - сказал он.

- Трон Святой, - произнесла Лигейя. – Оно в вентиляции!

- Но как это возможно? – возразил Мейсер. – Туда и человек еле протиснется. А эта тварь в несколько раз больше.

- Не знаю, - ответила Лигейя. – Но я уверена, что оно там.

Мы снова замолчали, глядя на черное железо переборок и ребристый купол потолка, словно чудовище могло оказаться там. Каждый щелчок, каждый скрип, малейший шум механизмов станции теперь обрел новое значение. Больше ничего не казалось нормальным. В каждом звуке мы слышали приближение чудовища.

Я медленно огляделся вокруг, чувствуя себя очень уязвимым.

- Что будем делать? – спросил я. Мне хотелось услышать ясный ответ – как действовать, как спастись – так же отчаянно, как до того я жаждал ясности веры.

Никто не ответил. Мы схватили плазменные резак, хотя это оружие было весьма слабым утешением в такой ситуации. Я с трудом удерживал громоздкий инструмент обеими руками. В горле пересохло. «Если придется его включить, я пропал», подумал я.

- Что будем делать? – спросил я снова, чувствуя, что схожу с ума от ужаса.

- Замолчи, - прошипела Крейн.

Я замолчал. В тишине я оглядывался вокруг, напрягая слух, ожидая услышать треск и скрип металла, который станет предвестником моей гибели. Каждая проходившая секунда укрепляла иллюзию, что в следующую секунду тоже ничего не случится. Я снова позволил себе неразумную надежду. Возможно, думал я, если бы я внимательно слушал, то не услышал бы того, что так боялся услышать.

- Там, - прошептала Лигейя. – Там.

Из решетки вентиляционной шахты послышались голоса. Они были негромкими, но от этого не менее страшными. До нас донеслась ужасная молитва чудовища.

- Слава, слава, слава Изменяющему Пути!

Металлические стенки вентиляционной шахты дрожали от его звука, наполнявшего мостик. Крики становились все более громкими и четкими. Теперь голосов было гораздо больше, чем три. По-прежнему отчетливо был слышен низкий громовой рев. Его сопровождало множество пронзительных голосов, обжигавших мои уши, словно кислота. Я представил целую армию змееподобных нитей, ползущих по вентиляционной шахте и вопящих хвалы своему ужасному богу.

- Откуда исходит звук? – спросил Мейсер.

Пение стало таким громким, что, казалось, исходило из всех вентиляционных решеток сразу. Скрип металлических стенок, стонавших под огромной тяжестью, был едва слышен за воплями чудовища. Тварь была уже почти рядом, а мы все еще не знали, с какой стороны ее ждать.

- Здесь нельзя оставаться, - сказала Лигейя, и направилась к выходу с мостика, ведущему в кольцевой коридор.

Я последовал за ней, и тут потолок разорвался. Вентиляционная решетка в центре куполообразного потолка с грохотом рухнула на палубу. Металл загнулся, словно почерневшие лепестки, и чудовище вывалилось из вентиляционной шахты в центр мостика, обрушившись на палубу с такой силой, что мостик содрогнулся. Поднявшись во весь рост, тварь взревела сотней голосов:

- СЛАВА ИЗМЕНЯЮЩЕМУ ПУТИ!

Чудовище снова изменилось. Хотя оно пробралось на мостик по тесным вентиляционным шахтам, оно еще больше выросло, и, встав на дыбы, достигало ростом почти пятнадцати футов. Из его облика исчезло почти все гуманоидное. Экзоскелет сменился жесткой упругой кожей, покрытой слизью и блестящей синевато-розовым. Вместо двух мускулистых ног туловище твари оканчивалось длинным толстым хвостом, как у слизня, а на этом хвосте росли сотни маленьких чешуйчатых ног, словно у многоножки. Руки стали более длинными и гибкими, и выглядели одновременно мягкими и достаточно сильными, чтобы разорвать корпус станции. Даже рука с клешней извивалась в воздухе, словно плеть. На клешне сверкали ряды блестящих белых зубов. Они были человеческими, хотя выглядели так, словно кто-то их специально заточил. Нарост плоти на плече удлинился, как и шея монстра, и они переплетались, образуя спираль истекающих слизью мышц. Голова превратилась в скопление пастей, похожих на змеиные, щелкавших зубами и брызгавших ядовитой слюной во все стороны. Их извивающиеся многочисленные языки изрыгали шипящий ихор и вибрировали в воздухе так быстро, что издавали пронзительное гудение.

Тело монстра покрывали щупальца. Некоторые были длиной всего лишь с человеческий палец, другие с руку. Казалось, они разрастались на твари, словно некая зараза, распространяясь из раны на груди, которую нанес Хьюзен. Их были десятки, и все они

оканчивались ртами. Эти щупальца и были хором голосов. Их круглые челюсти открывались и закрывались, сжимая и разжимая сочившиеся гноем губы, выпускавшие воздух и вопившие свою ужасную литанию.

Глаза тоже разрослись. Длинные, похожие на змей, глаза сдвинулись вниз с того, что было головой чудовища, и оказались словно обернуты вокруг глотки, ниже челюстей – тошнотворно желтая полоса из десятков зрачков, лишенных век. Из щупальцев и конечностей выросли новые глаза. Они были видны по всему туловищу и хвосту, смотрели даже из-под челюстей. Чудовище одновременно смотрело во все стороны и изрыгало свою молитву на все, что видело.

И по его телу, словно фигура человека, застрявшего подо льдом, двигался силуэт Хьюзена. Выставляя напоказ его мучения, чудовище, казалось, издевалось надо мной, будто говоря: *«Вот, вот религиозная убежденность, которой ты так жаждал!»*

Я не хотел верить, что вижу душу Хьюзена, навеки запертую в теле ужасной твари, вопившую от невыносимых страданий, от которых никогда не будет спасения.

Я помню появление чудовища и подробности его облика так хорошо, словно имел роскошь рассматривать статую. Но истина в том, что мой ужас был настолько велик, и поэтому все жуткие детали так запечатлелись в моей памяти.

Оно свалилось с потолка на палубу, и поднялось. Я охнул от ужаса и бросился бежать.

Мейсер и Крейн были ближе к чудовищу. Мейсер перепрыгнул через ряд пикт-экранов и упал с другой стороны. Крейн была лишь в нескольких футах от твари и от сотрясения палубы едва не упала. Но она устояла на ногах и в то же мгновение включила плазменный резак. Его луч рассек шею чудовища и одну из его пастей. Плоть твари с шипением разошлась, а потом снова сомкнулась, словно Крейн пыталась разрезать воду.

- **СЛАВА ТЗИНЧУ!** – взревело чудовище сотней голосов. Рванувшись вперед, оно схватило Крейн за голову одной из своих когтистых рук. Когти сомкнулись на голове, словно клетка. Из ладони твари внезапно появилось лицо Хьюзена, его крики были отчетливо слышны и наполнены непостижимо ужасным страданием. Челюсти его открылись, будто на петлях, и сомкнулись на лице Крейн. Ее приглушенные вопли слышались словно из-под воды. Зашипела плоть, и я увидел, как голова Крейн удлиняется, ее череп втягивается в руку чудовища.

Она все еще кричала.

Мейсер уже вскочил на ноги и втроем мы бежали с мостика. Нас преследовали вопли Крейн, поглощаемой чудовищем. Выскочив с мостика, мы бросились в кольцевой коридор. Лигейя, бежавшая впереди меня, на мгновение остановилась и повернула налево.

- Куда? – выдохнул Мейсер.

- К спасательной капсуле, - ответила она.

«Хорошо», подумал я. Мне было уже все равно, что причины, по которым мы не воспользовались спасательной капсулой раньше, так и не были устранены. Все, о чем я думал – мы должны покинуть «Лигуриан» немедленно.

Смерть Крейн позволила нам выиграть время, чтобы убежать, но времени этого было немного. Когда мы пробежали мимо входа в док Бета, я услышал в коридоре жуткую песню чудовища. Оно следовало за нами.

На полпути между доками Бета и Альфа Лигейя повернула в узкий коридор с лестницей, ведущей вверх и, казалось, упиравшейся в стену. Открыв замаскированную панель в стене, Лигейя дернула за скрытый в ней рычаг, и участок стены поднялся,

втянувшись в потолок. За ним оказался маленький воздушный шлюз и люк доступа в спасательную капсулу. Повернув колесо на люке, Лигейя открыла его. Я спустился в капсулу следом за Мейсером. Лигейя, прежде чем последовать за нами, снова закрыла воздушный шлюз, и участок стены скользнул на прежнее место. Только после этого Лигейя закрыла люк капсулы.

Лязг металла и щелканье замков люка отделили нас от остальной станции. Рев чудовища стал едва слышен. Мое тело сотряс глубокий вздох невероятного облегчения. Лишь еще как-то сохранившееся чувство собственного достоинства не позволило мне разрыдаться.

Внутри капсулы было очень тесно. Потолок был таким низким, что стоять можно было только согнувшись. По периметру внутреннего пространства располагались четыре сиденья с привязными ремнями. Консоль управления находилась в центре, до нее можно было легко дотянуться с любого сиденья, и таким образом свободного пространства в капсуле практически не было. Приходилось занимать сидячее положение, хотели мы этого или нет. Лигейя и Мейсер внимательно следили за люком. Я и Мейсер бросили плазменные резак, но Лигейя еще несла свой, и направила его на люк. Спустя минуту, вероятно, вспомнив, как мало помогло это оружие Крейн, она опустила резак, но по-прежнему не сводила глаз с люка.

Рев чудовища, направлявшегося к нам по кольцевому коридору, был слышен теперь громче. Я снова затаил дыхание. Но, несмотря на опасность, Лигейя и Мейсер даже не смотрели на консоль управления капсулой.

- Чего мы ждем? – прошептал я. – Почему не улетаем?

- Нет смысла, - ответила Лигейя. – Тебе уже объяснили почему.

- Но мы должны покинуть станцию! – я едва не сорвался на крик.

- Мы не можем.

- Так что, мы просто будем ждать, пока оно найдет нас?! Нам некуда бежать отсюда!

- У капсулы автономное снабжение кислородом, - объяснил Мейсер, едва сохраняя спокойствие. – Она соединяется со станцией только через этот люк.

Я начал понимать. Здесь не было вентиляционных шахт, через которые тварь могла добраться до нас. Если она не знает, где мы, на некоторое время мы будем в безопасности. Я получил убежище, о котором молился. И оно мне не понравилось. Несмотря ни на что, я хотел, чтобы кто-нибудь запустил капсулу. Лучше просто задохнуться, чем та участь, которую уготовило нам это существо.

Вероятно, эти мысли явно отразились на моем лице. Лигейя сказала:

- Я еще не готова умирать, как бы то ни было.

Я стиснул зубы и кивнул.

Больше никто не говорил ничего. Шуршащий, шаркающий, скрипящий шум, который издавала тварь, приближался.

- **СЛАВА!** – выло чудовище. – **СЛАВА, СЛАВА ПЕРЕМЕНАМ ВО ИМ ПОВЕЛИТЕЛЯ СУДЬБЫ!**

Мне хотелось закрыть глаза и заткнуть уши. Все инстинкты побуждали меня бежать от этой нечестивой молитвы. Я отползал от люка, пока не уперся в стенку капсулы. Мое сердце оглушительно стучало. Слишком громко. Чудовище услышит мое дыхание. Оно учует мой страх. Оно найдет меня.

Еще ближе. Люк казался тонким, словно вуаль. Чудовище было огромным. Должно быть, оно заполнило отсеки станции. Теперь оно было хозяином «Лигуриана» и охотилось

на нас, словно на крыс, загнанных в нору, из которой нет выхода.

Я не сводил глаз с люка, ожидая, что огромные когти разорвут металл.

- **Примите вихрь перемен!** – закричал монстр одним голосом. Десятки других завывали,

- **Слава, слава, слава Изменяющему Пути!**

Первый голос вступил с остальными в подобие диалога:

- **Склонитесь перед Повелителем Судьбы!**

- **Примите его благословение!**

- **Примите его дар!**

Громадная масса тела чудовища со скрипом и хлюпающим треском приближалась. На мгновение оно замерло где-то поблизости, и я понял, что оно находится у самого входа в шлюз. Потом оно снова начало двигаться. Его голоса стали постепенно удаляться.

Мои колени подгибались, и, обмякнув, я рухнул на ближайшее сиденье. Отсрочку страшной смерти я принял с глубокой благодарностью, и увидел, что Лигейя и Мейсер тоже несколько расслабились.

- Это даст нам немного времени, - сказал Мейсер.

- И мы узнали кое-что, что может дать нам преимущество, - добавила Лигейя.

- Что? – недоверчиво спросил я.

- Оно не слишком хорошо соображает, если вообще способно думать. Оно не поднялось по трапу, а, увидев пустой коридор и голую стену, просто пошло дальше.

- Это уже что-то, - кивнул Мейсер. – Теперь мы знаем, что можем прятаться. Хотя не знаю, как долго. Мы должны уничтожить его.

- Но как? – спросил я. – Плазменные резак не способны причинить ему вред. Что у нас есть такого, что может убить его?

- Ничего, - ответила Лигейя. – Так что наша ситуация не изменилась. Мы должны как-то убрать его со станции.

- Если нам повезет, и мы будем знать, где оно находится, я смогу разгерметизировать этот отсек, - сказал Мейсер. – Но мы уже пробовали этот способ, и нам это не слишком помогло. Так что если не получится заманить его обратно в док Гамма...

- Не обязательно в док Гамма, - вдруг сказала Лигейя, прищурившись и обдумывая идею, обретавшую форму. – Все, что нам нужно сделать – заманить его на один из кораблей в любом доке, а потом отцепить его от станции.

- Это куда лучше, чем отрезать кусок станции, - согласился Мейсер. – На какой из кораблей?

- На транспорт, - предложил я. – На случай если нам придется использовать колонизационный корабль.

- Я не говорила, что мы можем использовать его, - сказала Лигейя.

- Ты сказала, что если не будет другого выбора...

Она поморщилась, но Мейсер кивнул.

- Он прав, - сказал он. – Мы должны использовать все возможности.

- Хорошо, - вздохнула Лигейя. – Значит, на «Кардинал Визейн». Он в доке Бета. Это близко.

- И как мы его туда заманим? – спросил я.

- Прежде всего мне нужно добраться до мостика, - сказал Мейсер.

- Что невозможно, если тварь погонится за тобой, - заметила Лигейя. – Поэтому оставайся здесь, пока она не начнет преследовать меня. Ты это услышишь.

Я прочистил горло.

- Преследовать нас,- хрипло сказал я.

Лигейя посмотрела на меня.

- Ты уверен?

Конечно я был уверен. И конечно нет. Я был уверен, что не подхожу для этого. Я просто не годился для того пути, которым пошла моя жизнь. Я не должен был попасть на поле боя. Я должен был служить в тиши административных кабинетов, окруженный писцами и стопками бюрократических документов. Но я смог выжить на поле боя и даже не опозорить себя при этом, хотя мне и было стыдно за лицемерие моих проповедей. И снова я оказался там, где не должен был быть, и на этот раз сделал столько глупостей, что позора хватило бы на всю оставшуюся жизнь. С того момента, как я выпустил чудовище, я вел себя как трус, дрожащий от ужаса, и абсолютно бесполезный, ожидающий, что другие будут спасать мою глупую шкуру. Пришла пора прекратить это.

Я догадываюсь, о чем вы думаете. И вы правы. Это не чувство чести двигало мной в тот момент. Это была боль, которую я чувствовал каждый раз, когда Лигейя смотрела на меня. Я любил ее. И не мог вынести даже мысль о том, что она больше не любит меня. Я хотел, чтобы исчезла эта холодность в ее взгляде. Я хотел, чтобы она смотрела на меня как раньше. Раньше она, наверное, слишком верила в меня, в мою преданность долгу. Теперь она не верила в меня совсем.

Я не мог сражаться с чудовищем. Но я думал, что смогу изменить отношение ко мне Лигейи. Смогу вернуть ее любовь. Это и будет моим искуплением. И, наверное, это было единственное искупление, о котором я думал.

Я знаю, как это звучит. Знаю, вы думаете, что я глуп и смешон. Думаете, что едва ли это был подходящий момент для глупого романтического жеста. Возможно. Возможно, мое поведение основывалось скорее на моих фантазиях о том, кем были Лигейя и я, чем на реальности. Но разве не в этом заключается любовь? Разве она не в идеализации того, кого любишь? Разве мы не видим наших возлюбленных в идеальном свете и, чтобы быть достойными их, сами стремимся стать идеальными?

В этой галактике так мало света, что мы должны сражаться всей душой за его малейшие проблески. Вы думаете, что я глупец. А я думаю, что вы циники. Я думаю, что вы никогда никого не любили, иначе вы поняли бы мою потребность спасти себя, спасая Лигейю.

Да, спасая ее. Именно это я и намеревался сделать. И мне не стыдно признаться в этом. Напротив, я этим горжусь.

- Вдвоем мы будем более убедительной целью, - сказал я. – Тварь с большей вероятностью будет преследовать нас, а вдвоем у нас больше шансов выжить.

- Это верно, - согласился Мейсер.

Лигейя кивнула, хотя и не вполне уверенно.

- Понятно, как мы заманим тварь на корабль, - сказал я. – Но как мы выберемся оттуда и задержим тварь там достаточно надолго, чтобы Мейсер отцепил транспорт от станции?

- Подрывные заряды, - ответила Лигейя. – Заходим на корабль, когда тварь последует за нами – обходным путем возвращаемся и взрываем путь за собой. Нам не придется задерживать ее там слишком долго.

- Как только я увижу, что вы вышли, - сказал Мейсер, - я закрою внешние ворота дока.

- Мы используем некоторые из зарядов, которые собирались взорвать, чтобы отделить док Гамма. Мы знаем, где они.

- Хорошо, - кивнул Мейсер. – Значит, мы все знаем, что делаем?

Лигейя невесело рассмеялась.

- По крайней мере, знаем, что мы пытаемся сделать.

- Придется много бегать, - сказал я. – Ну, это я умею.

Моя попытка пошутить показалась неуклюжей даже мне.

Лигейя открыла люк. Приложив ухо к закрытой стене шлюза, она прислушалась, потом повернула рычаг, открывавший шлюз с нашей стороны. Стена поднялась с визжащим скрежетом, словно давая сигнал чудовищу прийти и пожрать нас.

- Это точно привлечет его, - сказал я.

Лигейя не ответила. Мы вышли, и Мейсер закрыл за нами шлюз и люк капсулы. Спустившись по трапу, мы оказались в кольцевом коридоре, остановились и снова прислушались.

Ничего не было слышно.

- Оно с другой стороны станции? – прошептал я.

- Или прямо у нас над головами, - мрачно ответила Лигейя.

Она повернула налево. Стараясь идти как можно тише, мы направились по кольцевому коридору, все время прислушиваясь и ожидая появления ужасного хора голосов. Пройдя мимо коридора, ведущего в док Бета, мы продолжили идти, пока не добрались до того места, где Лигейя и ее товарищи пытались отрезать док Гамма от станции. Сервиторы, успевшие прорезать глубокие канавы в палубе и стенах коридора, сейчас стояли неподвижно. Кабели и трубопроводы были перерезаны и закрыты заглушками. Экипаж успел отключить системы жизнеобеспечения в доке, прежде чем чудовище сбежало из него. Поступала только электроэнергия для освещения. В остальном док Гамма стал замерзшим и безжизненным. Я подумал, что могло бы случиться, если бы чудовище подождало немного дольше. Если бы у нас было еще несколько часов, возможно, наш план бы сработал. Или, может быть, тварь все равно успела бы покинуть док. Может быть, наш план с самого начала не имел никаких шансов на успех.

Я надеялся, что новый план сработает.

Опустившись на колени рядом с прорезанной канавой, Лигейя достала из нее подрывной заряд, отстыковав от него кабель дистанционного управления. Пройдя еще немного по коридору, она вынула из разрезанной обшивки другой заряд, и передала одно устройство мне. Заряд представлял собой металлическую призму около ярда длиной. На одной стороне его было три кнопки: красная, зеленая и черная.

- Приходилось пользоваться такими? – спросила Лигейя.

- Нет.

- Зеленая кнопка включает детонатор. Черная выключает. Красная задает десятисекундную задержку.

- Понятно.

Подрывной заряд был тяжелым. Я даже немного согнулся под его весом.

- Бежать с ними будет трудно, - сказал я.

- Я знаю. Если нам придется бросить их, мы бросим. Но лучше бы не бросать.

- Мы можем поставить один заряд у входа на транспорт. Включим его, когда будем уходить.

- Хорошо, - сказала она. – Поставим там твой заряд. А мой постараемся установить глубже внутри корабля, если получится.

Она была сильнее меня, и я кивнул, не возражая.

- Значит, нам теперь остается только найти монстра, - во рту у меня пересохло. Мысль о том, чтобы *специально искать* чудовище, вызвала новый приступ ужаса. – Она может быть где угодно.

- Если оно еще идет по кольцевому коридору, то рано или поздно вернется сюда.

- *Если*, - повторил я. – Пока у нас не очень получалось предсказывать его действия.

- Да уж, - согласилась Лигейя, оглядывая коридор.

- Если оно повернет назад, то отрежет нас от дока Бета, - сказал я. Тогда нам придется обходить кольцевой коридор по длинному пути, и наши шансы упадут до нуля.

- Мы приманим его, - Лигейя повернула назад по тому пути, которым мы пришли. – Заманим его туда, куда хотим. Привлечем его шумом.

«Если уже не привлекли», подумал я, предпочитая верить, что нет. Основанием для этого было то, что чудовище никогда не переставало петь свою молитву, за исключением того промежутка времени, когда оно неподвижно стояло в доке Гамма. Всегда его появлению предшествовал его ужасный гимн.

С тяжелыми подрывными зарядами мы двигались гораздо медленнее, но менее шумно. Изгибающийся коридор казался бесконечным, переборки, словно позвонки, отмечали наш путь по железной палубе, исчезающей во мраке. Я напрягал слух, пытаюсь услышать молитву чудовища. Скрип и треск, издаваемые конструкциями станции, угнетали меня. Этот шум мог скрыть приближение твари. Незавершенная попытка отрезать док Гамма ослабила прочность корпуса станции, и каждый раз, когда корпус скрипел, я думал, что это приближается чудовище.

Кольцевой коридор изгибался дальше и дальше, и чем дальше мы шли, тем ближе казалась наша цель.

«*Оно ждет нас там*», думал я. «*Оно следует за нами сквозь стены. И оно нападет, когда мы не будем готовы, потому что оно – проклятье. Оно – моя кара. Оно – рука темного бога, и оно здесь, чтобы показать мне, что **этот** бог реален*».

Отчаяние следовало за мной, дыша мне в затылок. Я не сводил взгляда с Лигейи. Это ради нее я был здесь. Ради нее я еще боролся.

«*Переживи это, и для тебя не останется невозможного. Верни ее любовь, и для тебя все будет возможно*».

Наконец мы достигли дверей в док Бета, и это казалось мне настоящей победой. Не теряя времени, Лигейя открыла двери. Их скрип и лязг был невероятно громким. Мы вбежали внутрь дока, направляясь к зияющей пробоине в корпусе «Кардинала Визейна», проходя мимо рядов неподвижных сервиторов. Когда экипаж пытался отрезать док Гамма, Лигейя отменила все остальные задачи, которые выполняли сервиторы. Платформа управления сервиторами находилась недалеко от носа транспорта, и Лигейя остановилась перед ней. Около дюжины сервиторов были подключены к платформе посредством мехадендритов.

- Следи за входом, - сказала Лигейя, после этого она положила на палубу свой подрывной заряд и поднялась на платформу. Спустя несколько минут сервиторы ожили. Мехадендриты отстыковались от них, и сервиторы направились к ближайшей куче металлических обломков. Плазменные резаки и буры атаковали металл. Куски мертвого корабля с лязгом посыпались на палубу. Грохот от этой бессмысленной работы был оглушительный.

Лигейя спустилась с платформы, подобрала подрывной заряд, и вместе мы подошли к внешним воротам дока. В отличие от дока Гамма, принимавшего корабль космодесантника, здесь ворота были открыты максимально широко. Мы смотрели на вход в док, повернувшись спинами к огромной темной утробе «Визейна». Мне казалось, что я стою на краю глубокой пещеры, и если оступлюсь, упаду в беззвездную пустоту.

Металл гремел. Буры выли. Мое сердце билось так громко, что, казалось, соперничало с шумом работы сервиторов. Лигейя сказала что-то, чего я не расслышал.

- Вокс бы пригодился! – повторила она.

Я кивнул. Мейсер был все еще в капсуле? Он слышал, как чудовище прошло мимо? Или он уже на мостике? Я надеялся, что он уже там. Лигейя верила, что он все сделает правильно. Значит, и я должен был верить. Но учитывая, с чем нам пришлось сражаться, это мало что значило.

Так много зависело от удачи. Если Мейсер лишь на несколько секунд опоздает добраться до мостика, нам конец. А мы никак не можем связаться с ним.

Мы не услышали песню чудовища. Шум, который производили сервиторы, был слишком силен. Оно появилось неожиданно, ворвавшись в двери дока. Увидев нас, оно встало на дыбы, и сотни его пастей хором взвыли:

- СЛААААВААА!

Оно бросилось вперед. Его громадное тело давило сервиторов, масса рук-щупалец мелькала в воздухе, словно ураган плетей. Лигейя схватила меня за плечо, удерживая, пока не убедилась, что чудовище точно бросилось на нас.

- Пошли, - выдохнула она.

Мы повернулись и побежали.

По широкому мостку мы вбежали внутрь корпуса «Кардинала Визейна». Мостки разветвлялись снова и снова, железной паутиной протягиваясь по лабиринту отсеков огромного корабля. Иногда их освещали редкие люмены, но света было мало. Во мраке можно было лишь догадываться о громадности помещений транспорта. Корабль достигал трех миль в длину, но казался гораздо больше. Мостки, трапы, тускло блестящие кабели и трубопроводы тянулись во тьме трюмов и палуб. Это был чудовищный лабиринт отдельных пространств. Переборки и стены некоторых отсеков были невредимы, другие уже частично разобраны. Внутренние помещения «Кардинала Визейна» являли собой переплетение пустоты.

Лигейя бежала впереди, спускаясь вглубь корабля по основному мостку. Я неуклюже бежал за ней, словно насекомое, ползущее во тьме, подрывной заряд колотился о мои ноги. Позади слышался рев чудовища:

- СЛАВА ИЗМЕНЯЮЩЕМУ ПУТИ!

Все его голоса кричали хором, сотни пастей и ртов на щупальцах восторженно вопили свою молитву. Эхо рева разнеслось в пустом пространстве отсеков «Визейна», сотрясая частично разобранные переборки. Казалось, сам корабль присоединился к молитве, потому что он тоже претерпевал изменения, и вполне мог стать храмом для бога перемен. Ужасное божество, блуждавшее в лабиринтах «Кардинала Визейна», вонзало клыки в плоть моей веры.

Мостки содрогались под огромной тяжестью чудовища. Сотни потоков возбужденно выли в неистовстве погони.

На перекрестке Лигейя остановилась.

- Оставь заряд здесь, - сказала она.

Я бросил заряд там, где она указала – на другой, более узкий мосток, отходивший от основного.

Оглянувшись назад, я разглядел огромный силуэт чудовища – оно было на расстоянии менее сотни ярдов и быстро приближалось. Когда оно проползало мимо люменов, его розовато-синяя плоть блестела в их свете.

Мы снова бросились бежать. Освободившись от тяжести подрывного заряда, я теперь бежал быстрее. Лигейя впереди все еще несла свой заряд, и мне пришлось замедлиться, чтобы не столкнуться с ней.

Чудовище приближалось. Мостки страшно тряслись под его тяжестью, казалось, уходя из-под наших ног. Ограждение мостков состояло из одного троса, протянутого на шестах, расставленных через каждые десять ярдов, и легко было поскользнуться и, перелетев через ограждение, упасть во тьму.

На следующем перекрестке Лигейя повернула направо. Теперь мы поднимались вверх, внутрь огромного цилиндра около четверти мили в диаметре, и мне пришлось ухватиться за трос ограждения. Наверху пространство разделяли адамантиевые переборки, поднимаясь к потолку, которого больше не было. Лигейя бежала вдоль правой переборки, проходившей рядом с изгибом стенки гигантского цилиндра. Я не представлял, для чего могло служить это сооружение. Теперь это была абстракция, собрание металлических фигур, не имевших смысла и бесцельно разделявших пространство. Я все больше терялся в этом лабиринте, с трудом запоминая, каким путем мы направляемся.

Несколько сотен ярдов мы бежали прямо, все сильнее уставая, а чудовище приближалось. После этого Лигейя снова повернула направо, пройдя над зияющей пустотой цилиндра, и спустилась по другому качающемуся мостку, ведущему на основной путь. Когда мы вернулись к перекрестку, она остановилась.

- Иди дальше, - сказала она. – Здесь мы остановим его.

Я сделал еще несколько шагов и остановился. Присев, Лигейя включила детонатор подрывного заряда. Чудовище было на полпути к перекрестку.

- Беги! – закричала Лигейя.

Я повиновался, направляясь к выходу с транспорта, но по пути оглядывался назад. Подождав еще несколько секунд, Лигейя нажала красную кнопку. И едва она выпрямилась, как чудовище прыгнуло вперед, пытаясь поймать ее. Одно щупальце успело схватить ее за левую лодыжку. Лигейя закричала и обеими руками вцепилась в шест ограждения.

Секунды до взрыва шли.

Я замер от ужаса.

Я был слишком далеко, чтобы помочь ей. Я действительно был слишком далеко. Если бы я побежал к ней, то успел бы как раз к взрыву.

- **ПЕРЕМЕНЫ!** – взревело чудовище, достигнув перекрестка. Но оно было еще не настолько близко, чтобы схватить Лигейю когтями. Еще одно длинное щупальце потянулось к ней.

Прошли три секунды.

Ткань брюк Лигейи растворилась от прикосновения чудовища, и ее кожа зашипела. Крича от боли и ярости, Лигейя отчаянно пыталась выдернуть ногу.

Пять секунд.

Изо всех сил Лигейя подтянулась обеими руками, держась за шест. Щупальце

соскользнуло с ноги, сдирая кожу и растворенный кислотой ботинок. Кожа просто слезла с ноги Лигейи.

Семь секунд.

Шатаясь, она встала и бросилась бежать, одна ее нога багровела освежеванным мясом. Щупальца метнулись к ней, но не успели схватить.

Девять секунд.

Пасти чудовища взвыли, казалось, в недоумении, что его жертва отвергает его дары. Взревев сотней голосов, оно бросилось на Лигейю.

Заряд взорвался.

Вспышка озарила отсеки транспорта ослепительным оранжевым светом. Взрыв поглотил чудовище, разрушив перекресток мостков. Тварь полетела вниз, во внутренности «Кардинала Визейна». Тьма поглотила чудовище, но падая и ударяясь о скелет корабля, оно продолжало выть хвалы своему богу. Где-то далеко внизу раздался тяжелый удар, грохот падающих обломков затих, но песня чудовища продолжалась. Ее эхо, искаженное расстоянием и металлическим лабиринтом внутренностей корабля, звучало в темной пустоте.

Уцелевшие мостки от взрыва извивались, словно металлические плети. Там, где я стоял, они резко дергались вверх и вниз. Я упал на трос ограждения и вцепился в него мертвой хваткой. Лигейя бежала достаточно быстро, чтобы избежать взрыва, но недостаточно, чтобы добраться до безопасного участка. Мостки взметнулись вверх, подбросив ее в воздух. Она упала, сильно ударившись, и заскользила в пустоту, когда обрубленный конец мостка прогнулся вниз. Трос ограждения оборвался с нескольких шестов, и мостки прогнулись еще сильнее. Падая во тьму, Лигейя успела ухватиться за болтавшийся трос, и повисла на нем, ее руки постепенно соскальзывали.

Я направился к ней. От каждого шага поврежденные мостки содрогались, угрожая сбросить ее, а я едва мог устоять на ногах.

- Держись! – закричал я, словно она могла делать что-то еще. – Я иду! Я вытащу тебя!

По мере того, как мостки уходили вниз, мне приходилось идти медленнее, а потом и вовсе ползти, держась руками. Продвижение вперед было мучительно медленным. Бесконечная песня чудовища словно издевалась надо мной, пока я дюйм за дюймом полз во тьме к надежде на мое искупление.

Лигейя пыталась взобраться по тросу, но ее руки снова соскальзывали, а от ее движений мостки колебались еще сильнее.

Наконец я добрался до конца мостка.

- Я здесь! – выдохнул я.

Но я не знал, как поднять ее наверх. Мое положение тоже было опасным. Мостки уходили вниз так резко, что мне пришлось держаться за один из шестов обеими руками, чтобы не соскользнуть. Я не знал, как я смогу вытащить трос и Лигейю, и при этом самому не упасть. Она была в десяти футах ниже меня, и я никак не мог дотянуться до нее.

Она смотрела на меня. Она не говорила ничего.

- Я... запинаясь, беспомощно произнес я. – Я просто... я пытаюсь...

Лигейя лишь поморщилась и предприняла еще одну отчаянную попытку подняться по тросу.

Мостки резко дернулись. Я вцепился руками в шест. От колебаний мостков трос вырвался из ее рук.

Она падала в пустоту молча.

- Нет, нет, нет! – завопил я, вглядываясь во тьму.

Там внизу не было люменов. Лишь бесконечный непроглядный мрак.

- Лигейя! – закричал я.

- Лигейя-ейя-ейя! – подхватило эхо.

Я прислушивался, ожидая какого-то ответа. Но слышал лишь далекую песню чудовища.

«Слава, слава, слава Изменяющему пути!»

Голоса, высокие и низкие, накладывались один на другой, звуча то хором, то контрапунктом, то в полной какофонии. Они создавали мозаику молитву, возносившейся из бездны. Чудовище было далеко – и оно было повсюду. Я не знал, может быть, оно уже поднимается и совсем близко.

- Лигейя! – позвал я снова, и снова прислушался. И снова не было ответа. По-прежнему вокруг звучал лишь безумный гимн чудовища. Я замер, неподвижный и беспомощный, вцепившись в шест, и наконец закричал:

- Где ты?!

Я кричал, обращаясь к Лигейе в отчаянии, к чудовищу в страхе, к Императору в страдании. Это отчаяние, страх и страдание опустошили меня. Я был пустой оболочкой, лишенной надежды и цели. «Где ты?!» Без ответа я мог бы оставаться там до тех пор, пока тьма не забрала бы и меня.

Ответом была та же песня чудовища, глумливо звучащая отовсюду и ниоткуда.

«Где ты?!»

Я подумал, что ответа не будет. А потом я понял, что молчание и было ответом.

Где ты?!

Нигде.

Там, в пустоте, никого нет.

И никогда не было.

И вдруг из тьмы и пустоты раздался стон, удивительно человеческий в своей боли.

- Лигейя! – закричал я снова, ощутив внезапный прилив надежды.

- Мне нужен свет! - воскликнула она.

Свет. Я оглянулся на скошенные мостки. Свет. Это я мог ей дать.

- Я принесу тебе свет! – закричал я в темноту.

Я стал взбираться вверх по мосткам, так же медленно, как спускался. Когда я дополз до ровного участка, то смог встать на ноги. Опираясь на ограждение с оборванным тросом было слишком рискованно. Я шел осторожно, стараясь не слишком раскачивать мостки. Песня чудовища преследовала меня. Я пытался убедить себя, что она не становится громче, не приближается. Иначе я совсем бы потерял надежду.

Вернувшись в док Бета, я начал обегать рабочие участки и сервиторов в поисках какого-то источника света, который я смог бы нести. Люмены были все прикреплены к стенам. Я подумал было о плазменном резаке, но едва ли его луч послужил бы хорошим источником освещения. Наконец на платформе управления я увидел на стойке с инструментами фонарь. Схватив его, я побежал обратно, в лабиринт отсеков «Кардинала Визейна».

Молитва чудовища теперь звучала явно громче. На мгновение я застыл, но все же заставил себя идти вперед. Ползти вниз по прогнувшимся мосткам было еще страшнее, чем в первый раз, но я справился.

Я думаю, это чего-то стоит.

Тщательно осмотрев с фонарем последний шест, прежде чем опираться на него, я крепко вцепился в него правой рукой. Шест еще достаточно крепко держался на мостках. Повиснув на одной руке, я осветил фонарем во тьму внизу. Прошла почти минута, прежде чем луч фонаря нашел Лигейю. Она упала на металлическую балку примерно в пятнадцати футах внизу. Эта балка представляла собой монолитную металлическую плиту около четырех футов шириной. Если бы при ее падении мостки немного больше колебались влево или вправо, Лигейя пролетела бы мимо балки, и упала бы во тьму, куда не дотянулся бы луч фонаря.

Она сидела на балке. Вокруг ее ноги натекла лужа крови.

- Ты цела? – спросил я ее. – Что-то сломала?

- Не знаю, - ответила она, подвигав конечностями. - Наверное, ребро. Болит все.

- Можешь двигаться?

- Думаю, да.

- А подняться по тросу?

- Придется.

Оттуда я ничего не мог сделать для нее. Не мог спуститься к ней. Даже если бы и мог, это никак бы ей не помогло.

- Убери свет от меня, - сказала Лигейя. – Мне надо видеть, куда двигаться.

Я перевел луч фонаря туда, где балка выпирала из группы еще нескольких балок, выходящих из частично разобранный переборки. Вершина этой массы, на которую можно было забраться, находилась примерно в пяти футах от мостков.

Лигейя посмотрела на возвышавшуюся перед ней массу металла.

- Думаю, я смогу взобраться туда, - сказала она.

- А дальше? – даже взобравшись, она все еще находилась бы ниже мостков, а расстояние до них было слишком большим, чтобы допрыгнуть.

- Дальше взберусь по тросу, - сказала она. – Но подожди, пока я подойду ближе.

Я держал фонарь, освещая ей путь. Она начала взбираться. Ей предстояло преодолеть целую чашу рваного металла, и света фонаря было слишком мало. Густые тени окружали переплетение балок, и, подниматься ей приходилось едва ли не на ощупь. Ее движение были медленными и болезненными. Левая нога скользила от продолжавшей течь крови. Но понемногу Лигейя все же взбиралась наверх.

Все это время я прислушивался к гимну чудовища и ожидал звуков движения гигантского тела.

Наконец Лигейя взобралась насколько возможно высоко. Она была уже недалеко от мостков, стоя на балке, которая, вероятно, была частью переборки. Теперь дело было за мной.

Мне пришлось выключить фонарь и оставить ее в темноте, чтобы взяться за трос. Я вытянул свисавший конец троса, пока не осталось шесть футов. Более чем достаточно. Я бросил трос ей и снова направил на нее луч фонаря. Пока Лигейя хваталась за трос, я увидел, как внизу, на краю луча света, по балке скользнуло щупальце.

- Скорее! – закричал я. – Оно поднимается!

Лигейя стала взбираться по тросу. Мостки снова закачались, как тогда, когда она упала. Но теперь ей предстояло преодолеть лишь несколько футов.

Внизу в свете фонаря появились огромные челюсти монстра.

Руки Лигейи скользнули с троса. Она не могла использовать ноги, чтобы лучше

- Как всегда, - улыбнулся Мейсер.

- Спасибо, - Лигейя сжала его плечо.

Я стоял в стороне, чужой в этой компании старых друзей.

Мы подошли к консолям, и Мейсер навел внешние камеры на дрейфующий «Кардинал Визейн». Изображение на большом экране переключалось с камеры на камеру по мере того, как станция вращалась, а транспорт постепенно удалялся от нее. Мы и из иллюминаторов смотрели на его громадный силуэт, гигантскую темную и пустую гробницу.

Мейсер наводил камеры на пробоину в корпусе транспорта, через которую корабль был связан со станцией. Чудовище было видно на пикт-кадрах – словно статуя застывшей ярости. На первых кадрах оно было в одном и том же положении, неподвижное, как тогда, когда Мейсер разгерметизировал док Гамма. Потом, от кадра к кадру, оно начало уменьшаться.

- Оно распадается, - сказал я.

На одном кадре было видно, как отвалилось щупальце. Потом один из когтей. Камеры снимали распад тела чудовища. Сначала медленный, затем все быстрее. Огромное тело все еще было видно в пробоине, но с каждым кадром от него оставалось все меньше и меньше. Это была мертвая оболочка.

- Ты тоже оказался не нужен своему богу, - прошептал я. – Он покинул тебя.

Наконец от тела чудовища не осталось ничего. Дрейфующий прочь «Кардинал Визейн» стал могилой монстра, но сам труп исчез.

Мейсер со вздохом облегчения откинулся в кресле. Лигейя наконец согласилась отправиться в медотсек. Это было крошечное помещение, едва ли нечто большее, чем просто пункт первой помощи. Условия работы на станции «Лигуриан» были таковы, что травмы там были или незначительными, или смертельными. Я немного мог сделать для Лигейи – лишь забинтовать ее ногу и намазать кровоостанавливающей мазью.

- Тебе нужно полноценное лечение, - сказал я.

- Сколько дней осталось до прибытия «Огня Дисциплины»?

- Шесть.

- Постараюсь до тех пор не допустить инфекции. Но, наверное, я все равно потеряю ногу.

- До тех пор? – удивился я. – Ты летишь со мной?

- Да, - сказала она.

Когда мы вернулись на мостик, Мейсер согласился с ее решением.

- Я оценил ущерб, который мы причинили, - сказал он. – Станция «Лигуриан» более непригодна к эксплуатации. Нам придется покинуть ее. Да и в любом случае, когда нас осталось только двое, мы не сможем продолжать работу.

- Не поступало ответа на наши сообщения? – спросила Лигейя.

- Нет. Но я послал еще одно сообщение с отчетом о случившемся, - Мейсер явно выглядел удрученным.

- Насколько подробное?

- Насколько можно было обойтись без лишних подробностей.

- Но не более того, - сказал я.

- Да.

Лигейя вздохнула.

- У всего этого будут последствия.

«И еще какие», подумал я. «Начнется расследование. И вести его будут организации,

которые отнюдь не славятся своим милосердием».

Лигейя оперлась на спинку сиденья Мейсера. Вдруг она пошатнулась, и чтобы устоять на ногах, схватилась за кресло с такой силой, что ее пальцы побелели.

- Тебе надо отдохнуть, - сказал я ей.

С серым лицом она позволила мне помочь ей дойти до каюты, и со стоном повалилась на койку.

- Поспи хоть немного, - сказал я.

- Не знаю, проснусь ли я.

- Сильно болит?

- Я пытаюсь не думать об этом, - она взяла меня за руку. – Спасибо, что был там со мной.

Я мягко пожал ее руку. Сердце сжалось от счастья. Я получил свое искупление.

- Останься на минутку, - попросила она.

Я присел на койку рядом с ней.

- Конечно.

- Так что ты будешь делать дальше? – спросила Лигейя.

- То, что мне скажут, как и мы все.

Хотя то, что я сказал, было правдой, которая вполне удовлетворяла ее, я ощутил чувство вины, будто уклонялся от ответа. И еще я испытал облегчение от того, что она не спрашивала, отправлюсь ли я на Эй-Мортис и приму ли свое новое назначение. В зависимости от того, как пойдет расследование, я еще могу счесть это весьма завидной судьбой. Но пока эти тревоги казались еще чем-то далеким и неясным. Сейчас меня интересовали только краткосрочные перспективы. Мы с Лигейей улетим отсюда вместе. Такой исход был лучше чем что-либо, на что я только смел надеяться, когда прибыл на станцию.

- А что с твоими сомнениями? – спросила она. – Ты получил ответ на них?

Я тщательно обдумал ответ.

- Думаю, что да, - сказал я наконец. – То, что случилось, было ... - я подыскал подходящее слово, - *определяющим*.

- Значит, ты примешь свое призвание.

- Да, - на этот раз я ответил быстро. И это была ложь.

Почему я солгал ей? Потому что это был ответ, который она хотела услышать. Она была настолько измучена, и испытывала такую сильную боль, что я просто не мог причинять ей еще больше страданий. Я любил ее. И считал, что должен дать ей утешение, и уменьшить ее боль, насколько смогу.

Вам не нравится этот ответ. Вы считаете его недостаточным. Возможно, вы и правы. Мы же честны друг с другом, не так ли? По крайней мере, я пытаюсь быть честным с собой.

Ладно. Я солгал ей, пытаюсь ее утешить, но еще и потому, что не хотел, чтобы она снова посмотрела на меня, как тогда, когда я выпустил чудовище. Если бы я сказал ей, что теперь больше, чем когда-либо знаю, насколько не подхожу для должности миссионера, то я бы разрушил все хорошее, чего мне удалось достигнуть на «Кардинале Визейне». Я не был уверен, простила ли она меня за мои ошибки, за смерти ее друзей – ведь они погибли из-за меня. Тогда в ее разуме самым свежим воспоминанием было то, как мы вместе боролись на борту транспорта. Если бы она была менее измучена и меньше страдала от ран, то, наверное, едва ли так хорошо бы отнеслась ко мне. Но если в моих силах было что-то, что могло

вернуть ее любовь, то я был готов сделать это.

Я любил ее. Я уже говорил вам. И больше ничего не имело значения. Правда была ценна для меня в той степени, в какой она помогала мне вернуть Лигейю.

- Я рада, - сказала она. – Император дал тебе этот дар. И ты должен использовать его, насколько это возможно.

Мои проповеди. Теперь я не мог даже помыслить о том, чтобы написать еще одну. Они и раньше звучали для меня фальшиво – упражнения в затейливом пустословии, за которыми не было искренней убежденности. И от того, что они производили впечатление на людей, мне только было еще больше стыдно. Я не гордился своим искусством. Оно лишь делало меня талантливым шарлатаном.

Я не думал, что снова столкнусь с этой проблемой. То, что я увидел на станции «Лигуриан» словно выжгло мою способность притворяться. Я попытался представить, как буду вести службу о погибших на станции. Единственные слова, которые приходили мне на ум – обрывки молитвы чудовища.

Эти свои мысли я оставил при себе. А Лигейе сказал:

- Если у меня будет шанс, я использую этот дар. Куда бы я ни отправился, я буду нести слово Императора.

- Хорошо, - сказала она. – Хорошо.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

- Как она? – спросил Мейсер, когда я вернулся на мостик.

- Отдыхает. Она сильная.

- Да, сильная. А отдых нужен нам всем.

- Станция не развалится, пока мы спим?

- Если развалится, то я предпочел бы, чтобы это случилось, когда я сплю. Но нет, думаю, она еще продержится. Мы не будем подвергать ее конструкцию большим нагрузкам, пока не прибудет «Огонь Дисциплины».

- Хорошо. Я могу чем-то помочь?

Мейсер покачал головой. Он не был враждебно настроен, но не думаю, что он стал бы прилагать усилия, чтобы помочь мне чувствовать себя полезным.

Он встал с кресла.

- Пойду тоже отдохну немного. Да и тебе стоит.

- Да, сейчас пойду.

Мейсер ушел с мостика. Я, задержавшись ненадолго, подошел к иллюминаторам и остановился, глядя на «Кардинал Визейн». Он уже отдрейфовал так далеко, что его было трудно разглядеть. Это была просто темная тень в пустоте.

Я вышел в кольцевой коридор, пытаясь приготовить ко сну. От прикосновения руки Лигейи меня била дрожь. Мой разум, словно испуганное животное, метался от радости к ужасу, от тревоги к чувству вины и обратно. Я пытался не думать ни о чем, а когда это не помогало, пытался вызвать в памяти лицо Лигейи, смотревшей на меня с выражением, которое, как я предпочел считать, означало любовь и прощение.

Ничего не помогало. Когда я прошел мимо борозд, прорезанных в палубе и стенах коридора около дока Гамма, и приблизился к баррикаде, песня чудовища заняла все мои мысли. «Слава, слава, слава Изменяющему Пути!»

Эти слова заполнили мой разум, и я не мог изгнать их. Я даже заметил, что шагаю в

такт с ритмом песни.

- Хватит! – сказал я вслух, остановившись и намереваясь стоять, пока не изгоню песню из своего разума.

«Слава, слава, слава Изменяющему Пути!»

- Ты мертв, - сказал я монстру. – Замолчи же.

Я встряхнул головой, чтобы очистить ее.

Но потом я понял, что эти слова звучат не только в моей голове. Я действительно слышу их.

- Нет... - прошептал я в ужасе. Это невозможно. Должно быть, мне кажется.

Замерев и затаив дыхание, я прислушался.

- *Слава, слава, слава Изменяющему Пути!*

Шепот молитвы доносился из каждой вентиляционной решетки. Он был слабым, словно звучал издалека. Мне показалось, будто ледяное дыхание коснулось моего затылка. По коже поползли мурашки. В кончиках пальцев закололо от шока. И пока я стоял, парализованный ужасом, и прислушивался, голоса становились громче. Теперь их хор казался гораздо больше, чем раньше. Сотни голосов, громких и тихих, восхваляли своего темного бога.

Вдруг вся станция содрогнулась. Палуба качнулась в одну сторону, потом в другую. Я упал, не удержавшись на ногах, когда гравитационная система «Лигуриана» не справилась с внезапным изменением положения станции относительно планетоида. Потом стабильность вернулась, и палубы, казалось, снова пришли в нормальное положение.

Но я знал, что нормальность была иллюзией, и издал стон ужаса, ожидая предстоящего удара. Сразу же я бросился на мостик, и пока я бежал, голоса становились все громче. Теперь я слышал их вполне ясно.

Когда я добежал до мостика, Мейсер уже был на своем посту. Секунду спустя из своей каюты, хромя на раненую ногу, подошла Лигейя.

- Что случилось? – спросила она.

- Наш якорь обрублен, - сказал Мейсер. – Мы дрейфуем от планетоида.

- Как?

- Не знаю! Пытаюсь выяснить.

- Вы слышите это? – спросил я.

- Что? – Мейсер повернулся, и, услышав молитву, замер.

- Ох... - только и произнесла Лигейя.

- Это невозможно! – закричал Мейсер. – Мы видели, как оно умерло!

- Это неважно, - вздохнул я. – Оно здесь.

Гимн чудовища звучал с новой силой. Бог, которому оно поклонялось, был воистину могущественным, если сумел вернуть его в этот мир после смерти. Моя вера в Имперское Кредо уже обратилась в прах. Я подумал, сколько еще смогу сопротивляться истине, которую провозглашало это существо.

Мейсер перенаправил пикт-камеры в нижней части станции, развернув их так, чтобы они смотрели на днище «Лигуриана». На пикт-экранах стал виден огромный якорный трос, спускавшийся к планетоиду.

- Как ты вернулся? – прошептал Мейсер. – *Как ты вернулся?*

- Что это? – спросил я, указав на желоб рядом с якорной шахтой.

- Выход мусоросборника.

- Что с ним? Он выглядит каким-то неровным.

Нахмурившись, Мейсер увеличил изображение, повернув камеру к желобу. При приближении желоб выглядел не просто неровным. Его силуэт изменялся от кадра к кадру. На одном он выглядел более-менее цилиндрическим, на другом – раскрытым, словно разорванные крылья, на третьем – клубком шевелящихся щупалец.

- Это не металл, - сказала Лигейя. – Это плоть.

- Не понимаю... - произнес Мейсер. Его голос звучал более испуганным, чем я когда-либо слышал его.

- Я бросил кусок щупальца в мусоросборник, - тихо сказал я. – Один маленький кусок...

И этого было достаточно. Я пытался представить, как этот кусочек плоти смог достигнуть того, что мы видели. Мои мысли вернулись к тому крошасемому мертвому телу чудовища в пробоине «Кардинала Визейна». Я вспомнил, как я радовался, что бог, которому оно поклонялось, покинул его. Я ошибался. Сущность твари сохранилась и продолжала жить. Возможно, душа чудовища, или что было вместо нее, покинула умирающее тело и переселилась в этот обрубок щупальца. Возможно, этого куска плоти оказалось достаточно, чтобы выросло новое тело. Я не знал, каким образом чудовище уцелело. Я знал только, что оно все-таки уцелело. И это было воистину чудо. Как смертный может противостоять воле бога?

Это невозможно.

Но я не хотел умирать.

- Смотрите, - сказала Лигейя. – Оно растет.

Щупальца разрастались кругами из выхода мусоросборника.

Следующие несколько секунд мы взирали в молчании, как пикт-камеры запечатлевают невозможное, но неопровержимое.

- Эта тварь изменяет станцию, - прошептала Лигейя.

- Или пожирает ее, - добавил я, вспомнив, как были поглощены чудовищем Хьюзен и Крейн.

Но на этот раз это было нечто иное. По мере того, как Мейсер пытался получить больше подробностей от данных пикт-камер, природа опасности, угрожавшей нам, становилась более ясной. Теперь не было разницы между корпусом станции и телом чудовища. Станция «Лигуриан» стала частью этой твари.

На этот раз прятаться будет негде.

- Ты можешь сжечь его, включив двигатели? – спросила Лигейя.

- Боюсь, что нет, - ответил Мейсер. – Сопла двигателей ниже зараженной части станции.

- Все-таки жар может причинить ему ущерб, - сказала Лигейя.

Пока мы остались стоять у экранов, Мейсер подошел к командному трону. Мы наблюдали, ожидая, когда двигатели включатся, и их сопла извергнут огонь. Но они никак не включались.

- Почему они так долго не включаются? – спросил я.

- Не знаю, - ответил Мейсер. – Двигатели уже должны были включиться.

- Посмотрите на них, - вдруг сказала Лигейя, в ее голосе невыносимо звучало отчаяние. – Трон Святой, только посмотрите на них.

Двигатели тоже были заражены. Сначала это было трудно разглядеть. Вероятно, плоть чудовища только проникла в двигатели, когда Мейсер пытался включить их. Теперь мы видели, что из их сопел растут щупальца. И сами сопла начали изменяться, они изогнулись и

стали словно выворачиваться наизнанку. Когда я отвернулся от пикт-экранов, то успел заметить, что из двигателей вырастают огромные когти.

Пение становилось громче, звуча, казалось, из самих стен. Станцию сотрясала дрожь. Я глянул в иллюминатор.

- Мы должны покинуть станцию, - сказал я. – Сейчас же!

Плоть монстра разрасталась с нижней части станции, охватывая ее со всех сторон. После нашей неудачной попытки убить чудовище, оно лишь стало еще более могущественным. На этот раз оно не имело определенной формы. Это была огромная аморфная масса полипов и глаз, щупальцев и когтей. В ней была каждая конечность, и каждый орган, и эта масса разливалась по станции, изменяясь из одного в другое за считанные секунды. Глаза и рты были одним и тем же. Челюсти смотрели в иллюминаторы. Глаза пожирали металл станции и превращали его в новую плоть. Огромная рука вцепилась в стыковочный узел буксира, растворяя конструкцию в своих мышцах. Оторвавшийся буксир начал дрейфовать, но из руки выросло щупальце и втянуло его в массу плоти.

Станция «Лигуриан» скоро перестанет существовать, и тварь, ставшая ею, пожрет нас.

- Еще шесть дней до прибытия «Огня Дисциплины», - сказала Лигейя. – Мы не сможем дождаться его в спасательной капсуле.

- Значит, колонизационный корабль.

Док Альфа, в котором он находился, был еще не затронут заразой.

Док Гамма быстро исчезал, вся его конструкция поглощалась массой корчащейся плоти. Повсюду, словно нефтяные пятна, разливались синевато-розовые цвета тела чудовища.

Лигейя и Мейсер переглянулись.

- Я даже не знаю, сможем ли мы включить его двигатели, - сказала она.

- Какой у нас выбор? – пожал плечами Мейсер.

- Никакого, - согласилась Лигейя.

Мы бросились бежать с мостика. Станция содрогалась все сильнее, сжимаемая челюстями ужасного чудовища. Мы направлялись к «Ветру Веры», нашей последней надежде. Лигейя опиралась на меня, и, каждый раз наступая на левую ногу, стонала и шаталась от боли. На выходе с мостика Мейсер успел схватить плазменный резак. Он нес это импровизированное оружие, словно символ, подобно моему жезлу с иконой Императора. И против чудовища оно было настолько же бесполезным.

Пока мы бежали по кольцевому коридору к доку Альфа, крики молитвы стали громовыми. Теперь это был хор тысяч голосов, восхвалявших перемены и призывающих нас принять их.

- **ПРИМИТЕ!** – гроыхали голоса в экстазе. – **ПРИМИТЕ! ПРИМИТЕ!**

Мы прошли мимо дверей в док Бета, когда стены станции начали изменяться. Темное железо на глазах превращалось в синевато-розовую плоть. Стены стали колыхаться, словно занавески, под их поверхностью двигались странные силуэты. Я пытался не смотреть на них, боясь того, что могу там увидеть, и старался заставить Лигейю идти быстрее. Но стены изменялись слишком быстро, они уже превратились в плоть впереди нас, и эти изменения стали переходить на потолок. Хотя палуба под нашими ногами еще была металлической, нас со всех сторон окружали стены пульсирующей плоти. И я, хоть изо всех сил пытался не смотреть на них, но все-таки посмотрел. И я увидел в глубине стены из плоти лица Хьюзена и Крейн, смотревшие на меня, словно из-под воды. Искраженные ужасным страданием, они, казалось, что-то кричали, но их крик не был слышен.

Док Альфа казался страшно далеким. Спасательная капсула была ближе, дразня меня лживой надеждой.

Вдруг лицо Крейн вырвалось из-под поверхности плоти. Ее вопящая голова свесилась с потолка прямо перед нами на длинной чешуйчатой шее.

- **Примите!** – вопила она. – **Примите! Примите!**

Зубы Крейн вцепились в плечо Мейсера. Он закричал и попытался отскочить, но шея Крейн вытянулась вместе с его движением, и зубы впились еще глубже. Кровь хлынула из его плеча, и плоть Мейсера стала течь, словно тающий воск. Он пошатнулся, и лицо Крейн зубами потянуло его к стене. Из стены выросли руки и схватили его.

Мейсер смотрел на нас умоляющим взглядом. Лигейя потянулась к нему, но я отдернул ее назад и протащил мимо него. Она пыталась сопротивляться, но была слишком ослаблена.

- Помогите! – умолял Мейсер, отчаянно пытаюсь вырваться, но щупальца крепко держали его. Его спина была уже поглощена плотью чудовища.

- Мы не можем, - сказал я, продолжая тащить Лигейю за собой.

- Отпусти меня! – закричала она. – Я не оставлю его!

- Ты ничем ему не поможешь! – ответил я, и потащил ее дальше.

Крики боли и ужаса Мейсера преследовали нас. На мгновение его пронзительные вопли заглушили даже пение чудовища. Они пронзали меня до костей, а для Лигейи слышать их было смертельной пыткой. Я почувствовал, как она едва не упала, ее ноги стали волочиться по полу.

- Мы ничего не можем сделать! – крикнул я.

Мейсер исчез за поворотом коридора, и звук его воплей изменился, став сначала гулким, а потом приглушенным, словно гигантская пасть проглатывала его. Вдруг вопли сменились ужасным хрипом, как будто что-то заполнило его горло. После этого звучала только триумфальная песня чудовища.

Палуба сотрясалась так, что мы едва могли устоять на ногах. Шансов добраться до дока Альфа почти не было. Но мы были менее чем в десяти ярдах от коридора, ведущего к спасательной капсуле. Ее мираж был теперь еще более манящим.

«Четыре дня», подумал я. «Четыре дня». Столько мы вдвоем сможем выжить в спасательной капсуле. Но до прибытия «Огня Дисциплины» нам нужно будет протянуть еще два дня. Если бы только был способ пережить их, как-то сберечь кислород. Однако такого способа не было, и я даже не знал, остается ли еще капсула капсулой, или она уже стала чем-то другим.

Ритмичный грохот раздался впереди и позади нас, как будто металл вгоняли в плоть, снова и снова, и каждый раз хор голосов кричал «**СЛАВА ПЕРЕМЕНАМ!**»

Этот шум приближался с обоих направлений, и я не знал, надо ли бежать быстрее, или наоборот, остановиться, и замер в нерешительности.

Источник шума появился сначала сзади. Это была огромная пасть во всю ширину и высоту коридора, за ней виднелись внутренности гигантской глотки. Наполнявшие пасть зубы, ряд за рядом, были острыми, словно иглы, и каждый длиной с мою ногу. Страшные челюсти щелкали, зубы выступали сверху и снизу, прорывая плоть этого чудовищного безликого рта, на палубу лился зловонный икор. Пасть широко раскрылась, и снова щелкнула челюстями – ужасное, неостановимое воплощение голода.

- **ПЕРЕМЕНЫ!** – сама станция «Лигуриан» кричала под ритм скрежета зубов. – **ПЕРЕМЕНЫ! ПЕРЕМЕНЫ!**

В этом слове был и религиозный экстаз и повеление.

Мы шли вперед еще несколько секунд, а потом увидели другую пасть, приближавшуюся из коридора впереди.

Пути в док Альфа не было.

Мы были рядом с коридором, ведущим к спасательной капсуле.

Вот. Этот момент. Это и был мой самый тяжелый выбор. Это мгновение я не могу забыть, и вспоминаю его все время. Переживаю его заново каждую ночь. И каждый раз чувствую боль этого решения так же мучительно, как чувствовал ее тогда. Эта боль всегда будет со мной. Настолько тяжким было это решение.

Я сомневаюсь, что вы сделали бы лучший выбор.

А выбор был таким. Я мог остаться с Лигейей, и мы встретили бы уготованную нам участь вместе, или я мог бросить ее и бежать к спасательной капсуле. Если бы я достиг ее один, то у меня было бы достаточно кислорода и продовольствия на восемь дней. Этого вполне хватило бы, чтобы дождаться прибытия «Огня Дисциплины».

Я любил Лигейю.

И я не хотел умирать.

Лигейя и я посмотрели друг на друга, и я снова увидел в ее глазах осуждение. Я не знаю, что вызвало его. Возможно, она считала, что я слишком быстро бросил Мейсера. Возможно, она поняла, что я стою перед выбором.

Причина не имеет значения. Она осуждала меня. И только это имело значение.

Если вы думаете, что это сделало мой выбор легче, то ошибаетесь. Это по-прежнему был худший момент моей жизни. Но этот взгляд в ее глазах показал мне, какой выбор будет *правильным*.

Я любил ее. А она меня не любила. Тогда почему я должен был умирать ради нее?

Нет, вы бы не сделали лучший выбор. Я уверен в этом.

Я рыдал, когда отпустил ее. Она пошатнулась за мгновение до того, как столкнуться со стеной. Из стены плоти появилось лицо Мейсера, глядевшее на нее с алчностью и болью.

Лигейя Роун молча смотрела на меня. Она не умоляла. Она не говорила ничего. С таким взглядом ей и не нужно было ничего говорить.

Я чувствовал, как ее взгляд прожигает мою спину, когда я повернулся и побежал. Я чувствовал его, когда поднялся по трапу к шлюзу, ведущему в капсулу. Коридор уже начал изменяться, но стены там еще были металлическими. Что самое важное, стена, запиравшая шлюз, еще не стала частью чудовища.

Я ощутил всплеск надежды, хотя он был приглушен ужасом, скорбью и последним взглядом Лигейи. Хотя я больше не видел ее, этот взгляд был со мной, словно кинжал, вонзенный в мое сердце.

И он до сих пор со мной.

- Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... - простонал я, открывая панель и поворачивая рычаг. Я молился не Императору. Наверное, я молился жестокой и капризной галактике. Возможно даже, я молился чудовищу, ибо оно стало моим миром, и в своем бессмертии и всемогуществе оно было настолько близко к божеству, насколько я мог вообразить. Я мог бы и не молиться. Удача была на моей стороне, и стена поднялась, открыв не затронутую изменениями спасательную капсулу.

Лигейя закричала, когда шлюз открылся. Она кричала от гнева и моего предательства - и от боли. Я охнул от ужаса, услышав ее крик, когда пытался открыть люк капсулы. И я

испытал облегчение, когда страшный вопль оборвался, и молитва чудовища погнала меня дальше.

Я открыл люк капсулы, потом повернул рычаг, закрывая шлюз. Когда стена опустилась, перемены достигли и ее. Металл стал плотью, и из этой плоти появилось ужасное лицо Лигейи, потянувшееся ко мне. Завопив, я бросился в капсулу, захлопнул люк и вдавил кнопку запуска. Капсулу сильно встряхнуло, я ударился головой о консоль управления и потерял сознание. После этого я лежал в капсуле беспомощный, но это уже не имело значения. Я спасся.

Едва ли вы справились бы лучше.

Я рад, что выжил. Если бы мне пришлось снова делать этот выбор, я выбрал бы то же самое. Но я сожалею, что был вынужден так поступить. Я не хотел, чтобы все это случилось. Я скорблю о мертвых, и особенно о Лигейе. Память о них живет во мне. Я навсегда запомнил их лица.

Это тоже чего-то стоит.

Должно чего-то стоять.

Было одно обещание, которое я нарушил. Я так и не прочитал проповедь на «Лигуриане», как просил меня Хьюзен. Если бы мне сейчас представилась такая возможность, мне было бы что сказать. И теперь моя проповедь шла бы из самой души. Я говорил бы очень убедительно, потому что теперь я не испытываю сомнений. Я говорил бы о чудовищах, о судьбе, и о переменах. Я учил бы страху перед божественным, ибо сам познал его истинную меру.

Я научился страху перед истинным богом.

Я научился бояться Изменяющего Пути.

ТИШИНА

ЧАСТЬ 4

Маррикус распахнул свои одеяния, показав шею и грудь.

- Вы видите? – прохрипел он. – Я не вижу их, но я их чувствую. Я думал, что спасся, но похоже... я ошибался.

Посмотрев на себя, он обмяк, опершись о катафалк.

И сразу же раздался ужасный звон колокольчиков и пронзительный то ли вопль, то ли свист.

Рука Валемара скользнула к пистолету, когда из тумана внезапно возникла фигура похоронного сервитора. Он издавал бессловесные вопли порицания, и Маррикус испуганно отшатнулся от катафалка.

- Их здесь полно... - прошептала Вендерсен.

Валемар оглянулся. Она была права. Похоронные сервиторы выходили из тумана,

покачиваясь на высоких ногах, похожих на ходули, шелестя саванами, звеня колокольчиками. Их золотые лица смотрели на людей, и Валемар почувствовал, как его голова наполняется болью. Он пошатнулся, держась за череп. Казалось, что голова сейчас взорвется. Сервиторы словно говорили между собой, не обращая внимания на людей, шагая среди носилок, проверяя лежавшие на них тела.

Валемар снова потянулся за пистолетом. Он хотел застрелить сервиторов. Но не мог. Мог лишь наблюдать, как они откинули саван с ближайшего катафалка, открыв под ним...

- О... - тихо произнесла Лина Вендерсен. Валемар повернулся к ней, но ее там уже не было. Она лежала на катафалке, ее кожа была изрезана, взгляд широко открытых глаз устремлен в никуда. Отшатнувшись, Валемар повернулся к Маррикусу. Но миссионера тоже там не было. На другом катафалке Валемар заметил что-то, что, вероятно, когда-то было человеком, искаженная плоть мертвеца пульсировала, на ней появлялись словно силуэты лиц. Валемар отвернулся, не желая смотреть на этот кошмар.

На него упала тень. Похоронный сервитор склонился к нему, устремив на него пылающий взгляд красных глаз.

Таких же, как аугметический глаз полковника.

Валемар отшатнулся.

- Нет, нет, нет...

Край катафалка уперся ему в спину. Металлическая рука сервитора схватила его за голову и заставила повернуться. Валемар увидел себя и посмотрел в свои глаза. В кровавую дыру в черепе между ними, там, куда попала пуля адъютанта.

Он хотел говорить, молить о прощении, о помощи, но он больше не чувствовал, что Бог-Император стоит за его плечом. Он чувствовал только холодный камень могильной плиты. Боль в его голове росла, распухала, наполняя его и опустошая одновременно. Мир вокруг словно ускользал от него.

И, наконец, он перестал что-либо чувствовать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net